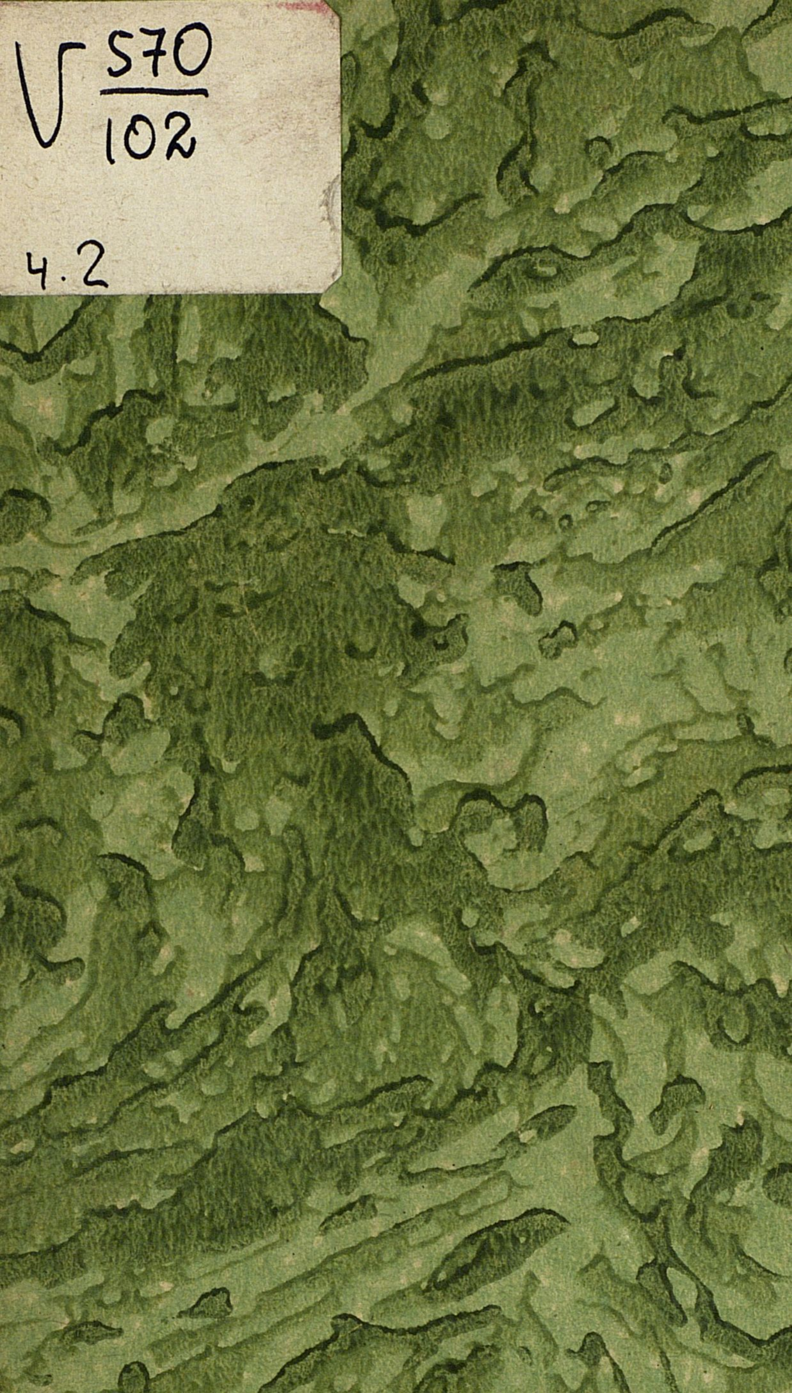


V 570/102
4.2


А. М. ѲЕДОРОВЪ.
СОЛНЦЕ ЖИЗНИ:
часть вторая
„МОСКОВСКОЕ
КНИГОИЗД-СТВО
М.
С.

510
102

А. М. ѲЕДОРОВЪ.

СОЛНЦЕ ЖИЗНИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.
1917.



Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

19648-64



Типографія „ЗЕМЛЯ“, Москва,
1-я Мѣщанская, 5.

По пути въ Іерусалимъ.

Маленькій вокзалъ. Узкоколейная дорога. Паровозы и вагоны, пріобрѣтенные послѣ панамскаго краха.

Толкотня на платформѣ и въ вагонахъ невѣроятная—паломниковъ загоняютъ съ криками и суетой, какъ скотъ въ стойла. Я съ трудомъ нахожу себѣ мѣсто въ первомъ классѣ; грязь и давка такія же, какъ и во второмъ. Третьяго класса нѣтъ. Самое лучшее было бы устроиться въ одномъ изъ особыхъ купэ, расчитанныхъ на гаремы, но и купэ нынче полны: за открытыми окнами сидятъ мусульманки, закутанныя во все черное, и изъ-подъ своихъ сѣтчатыхъ покрывалъ курятъ папиросы.

Съ противоположной стороны, около недавно пришедшаго паровоза, умывается подъ краномъ арабъ-кочегаръ. Онъ намылилъ голову и лицо и крутитъ головой и фыркаетъ отъ сильной струи, смывающей съ его волосъ и лица бѣлую мыльную пѣну. Какъ-то невольно ждешь, что онъ побѣлѣетъ послѣ этого. Онъ кончилъ умыванье, вытирается довольно грязной тряпицей, и черное лицо блеститъ отъ солнца, и ярко бѣлѣютъ зубы, когда онъ, улыбаясь, смотритъ на себя въ ручное зеркальце. Вотъ онъ вспрыгнулъ на тендеръ, досталъ изъ ящичка букетикъ полевыхъ цвѣтовъ, очевидно хранившійся въ водѣ и еще довольно свѣжій, надвинулъ на голову каскетку и съ букетикомъ отправился восвояси.

Кондукторъ свиститъ, и поѣздъ трогается. Странно, я совершенно ясно начинаю чувствовать, что сердце мое проникается тоскливой тревогой. «Да неужели?— задаю себѣ вопросъ.—Неужели черезъ нѣсколько часовъ я буду въ Іерусалимѣ?» И мнѣ почти жутко отъ этой мысли. Сердце такъ сроднилось съ дѣтскихъ лѣтъ съ образомъ Христа, Самъ Онъ, Своимъ духомъ, Своей ясной грустно-нѣжной простотой такъ близокъ нашей природѣ, что я съ трудомъ представляю Его въ природѣ иной, не похожей на нашу. Очевидно, то же и у крестьянъ-паломниковъ. Они съ такимъ же безотчетнымъ недовѣріемъ глядятъ на чуждыхъ людей, на чуждую землю, точно имъ жаль разстаться съ образомъ своего деревенскаго Христа, который

Съ ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
Исходилъ, благословляя.

Но денекъ нынче нѣсколько облачный, да и природа на первыхъ порахъ напоминаетъ русскую природу. Даже масличныя деревья походятъ на русскую вербу. Только кактусовыя изгороди топорщатся съ дикимъ видомъ, да верблюды на холмахъ и дорогахъ свидѣтельствуютъ, что мы далеко отъ родины.

Прощайте, золотые яффскіе сады, Саронская долина и море. Все чаще и чаще встрѣчаются камни на поляхъ, все выше поднимаются каменистые холмы, все труднѣе добывается у земли хлѣбъ. Жалкій феллахъ идетъ за плугомъ, который похожъ скорѣе на шкворень, и ковыряетъ, гдѣ возможно, землю, чтобы бросить въ нее ячменное или пшеничное зерно. За станціей Лидда дорога начинаетъ замѣтно подниматься вверхъ, и растутъ съ каждой минутой все выше и выше каменистые холмы. Арабскія деревушки также представляются нагроможденіемъ сѣрыхъ камней, среди которыхъ бѣлѣ-

ютъ, какъ башни маяковъ, мечети. Темныя палатки бедуиновъ... стада черныхъ козъ по склонамъ. Рамлэ съ остатками крѣпостей, оставшихся отъ крестоносцевъ. И наконецъ, мы въ дикомъ, окаменѣломъ царствѣ, въ отрогахъ Іудейскихъ горъ, безплодныхъ и печальныхъ, какъ путь Смерти.

Однако, и тутъ нищета и голодъ стараются, гдѣ можно, вырвать у камней куски земли. Склоны горъ террасами спускаются внизъ, и на красноватыхъ полоскахъ земли то вьются черныя виноградныя лозы, то зеленый хлѣбъ. Тощій, облѣзлый верблюдъ, костлявая лошадь или осликъ и здѣсь ухитряются бороздить кусочки земли. Поѣздъ проносится мимо нихъ, и бедуинъ, стоя у каменистаго ската, считаетъ движеніями руки вагоны.

Но вотъ кончаются и. эти бѣдныя палатки земледѣльца. Поѣздъ идетъ среди высокихъ горъ, почти на днѣ ущелья. Горы мѣстами походятъ на купола подземныхъ храмовъ; онѣ дико-сѣраго цвѣта, и только благодаря выпавшимъ въ послѣднее время дождямъ ихъ мѣстами покрываетъ короткая, тощая травка. Безводье—ужасъ и горе этой пустыни. Нынѣшній годъ оно грозило и Іерусалиму до такой степени, что ужъ хотѣли дать въ Россію распоряженіе о задержаніи паломниковъ, но небо сжалилось и за два мѣсяца до Пасхи послало обильный снѣгъ и дождь этой обездоленной землѣ, надъ которой какъ будто сбылось пророчество Моисея: «И небеса твои, что̀ надъ головою твоею, сдѣлаются мѣдью, и земля подъ тобою—желѣзомъ; вмѣсто дождя Господь дастъ землѣ твоей пыль».

Красныя анемоны какимъ-то чудомъ растутъ въ расщелинахъ камней, точно капли крови, выдавленныя изъ задушенной камнями жизни. Я полюбилъ эти милые цвѣты, почти единственную отраду каменистой Іудеи, они повсюду встрѣчаются въ Палестинѣ, одни не гнушаясь ея дикаго безплодія.

Зато, какъ глубоки и сини небеса надъ этими горами, особенно тамъ, гдѣ каменистыя округлости горъ бѣлѣютъ сѣдиной известняка. Путь нерѣдко идетъ выбитый въ гранитѣ, который бѣлой стѣной высоко поднимается подъ самымъ окномъ вагона. Горы начинаютъ скоро утомлять глаза и тяготить сердце, а поѣздъ, какъ нарочно, идетъ все тише, волоча мимо нихъ и на нихъ набитые людьми вагоны. По времени ужъ скоро долженъ быть Іерусалимъ, но пока нѣтъ никакихъ признаковъ. Только верстахъ въ десяти отъ Іерусалима, у станціи Эммаусъ, горы какъ будто нѣсколько оживились. А можетъ-быть, это оживленіе внесли арабскія дѣтишки, которыя съ букетиками цвѣтовъ забѣгали подъ окнами, вымаливая бакшишъ.

Наконецъ, мы вырвались изъ плѣна каменистыхъ горъ и увидѣли первыя зданія Іерусалима. Это было уже на склонѣ дня, и солнце разбило собравшіяся на западѣ тучи, чтобы ярко освѣтить священный городъ, гдѣ возникла новая исторія человѣчества.

Паломники вываливались изъ вагоновъ и, крестясь и вздыхая, осматривались кругомъ. Я не могъ не замѣтить въ ихъ лицахъ явнаго разочарованія и недоумѣнія. Было ясно, что они не того ожидали. Имъ, навѣрное, представлялись въ этомъ сладостномъ словѣ «Іерусалимъ» чудеса великой древности и золото куполовъ, и сіяніе небесныхъ радугъ вокругъ завѣтныхъ святынь.

И вотъ эти святыни передъ ними, и первое, что̀ бросается въ глаза здѣсь, это вновь отстроенная высокая церковь, о которой съ величайшимъ уваженіемъ говорятъ, что она воздвигнута иждивеніемъ императора Вильгельма.

— Очень хорошо... но вѣдь именно здѣсь происходила Тайная Вечеря... Здѣсь стояли дома Каіафы и Анны, куда былъ приведенъ Христосъ... Наконецъ, здѣсь красовался домъ Давида, гдѣ онъ пѣлъ псалмы свои и откуда увидѣлъ Вирсавію...

— Для императора Вильгельма около мѣста, гдѣ стоялъ домъ Давида, проломали древнюю стѣну... Императоръ Вильгельмъ... Для него проложили шоссе на Іорданъ...

— Нельзя ли не объ императорѣ Вильгельмѣ?..

— Ахъ, да... Конечно, императоръ Вильгельмъ былъ уже два года тому назадъ въ Іерусалимѣ, но нѣсколько дней тому назадъ здѣсь былъ сынъ императора Вильгельма. Принцъ ознаменовалъ свое пребываніе въ Іерусалимѣ освященіемъ новаго храма и школы на Елеонѣ... Это—цѣлая крѣпость, также, какъ и Сіонскій храмъ... Вотъ принцъ, дѣйствительно, ѣздилъ на Іорданъ по шоссе, проложенному для его отца.

— Нельзя ли и не о принцѣ...

Конечно, русскимъ паломникамъ нѣтъ никакого дѣла до Вильгельма и принца, но на меня отъ этихъ извѣстій дохнуло неизбывною пошлостью современности, которая больше всего падка къ шумихѣ, скандаламъ и дутымъ торжествамъ и обладаетъ короткой памятью и куринымъ воображеніемъ, ослѣпляемымъ и плѣняемымъ лишь мишурнымъ земнымъ величіемъ.

Что скрываться,—я не ждалъ, какъ ждали простые паломники, никакихъ чудесъ при вступленіи въ Іерусалимъ, но и такой пошлости торгашества и суеты, которая ошеломила меня здѣсь при первыхъ же шагахъ моихъ, я также не ждалъ, хотя и слышалъ объ этомъ не мало.

Вонъ ведутъ греческіе монахи нашихъ паломниковъ въ патріархію. Тамъ монахи снимутъ съ ихъ потныхъ, грязныхъ ногъ обувь, униженно омоютъ эти ноги, накормятъ и напоятъ паломниковъ водкой ракичкой и станутъ затѣмъ обирать ихъ всѣми средствами.

Пара лошадей быстро мчитъ меня по бѣловатой пыльной дорогѣ. Вправо—остается дорога на Виѳлеемъ и Хевронъ, влѣво—по высокой дамбѣ надъ лужей, которая, по преданію, была во время Давида великолѣпнымъ

прудомъ,—въ Іерусалимъ. За Сіономъ—село Скудельное. Обгоняемъ мы и обгоняютъ насъ: экипажи, верблюды, ослы, пѣшеходы... Австрійскіе паломники въ линейкѣ съ красными нумерами на бѣлой повязкѣ на рукѣ—253, 254, 255. У всѣхъ у нихъ степенно-тупыя и безразличныя лица, и съ ними пасторъ съ жирнымъ лицомъ, съ бѣлыми кистями у пояса, которыя болтаются подъ солиднымъ животомъ. Мы проѣзжаемъ площадь, гдѣ верблюды, ослы и люди толпятся въ братскомъ единеніи. Кругомъ—кофейни и лавки, а за воротами слѣва—складъ горшечника. Шумно, сумбурно и пестро. Вывѣски магазиновъ и отелей на всѣхъ языкахъ; все грязно и старо и какъ будто затоптано и захватано грязными руками. И вездѣ—наши паломники. По узкой улицѣ лошади поднимаются въ гору, сворачиваютъ куда-то направо, совсѣмъ въ узкую уличку, пробираются въ ворота, около которыхъ мѣнялы разставили скамеечки съ денежными ящиками, которыя они спѣшно выхватываютъ прямо изъ-подъ лошадиныхъ мордъ. Тутъ же съ десятокъ другихъ коммерсантовъ и ремесленниковъ, начиная отъ уличнаго сапожника и кончая продавцомъ травки, раковинъ, камешковъ и т. п. дряни, разбираемой нашими паломниками едва ли не въ видѣ предметовъ благочестія. Здѣсь же почти сплошь наши богомольцы и особенно много бабъ. Я ужъ такъ приглядѣлся къ нимъ во время пути, что сразу отличаю бывалыхъ или такъ называемыхъ «іерусалимокъ» отъ тѣхъ, что̀ пришли сюда въ первый разъ. Мы въѣзжаемъ въ ворота русскихъ построекъ, которыя извѣстны подъ общимъ названіемъ «Палестины». Здѣсь и русская духовная миссія, и консульство, и больница, и подворья, и церковь.

Священники и монахи—на каждомъ шагу. Особенно много греческихъ монаховъ. Бѣлолицые, сытые, плотные, съ черными бородами, настойчивымъ взглядомъ и противной фальшиво-женственной скромностью дви-

женій, за которой чувствуется жадная похотливость обезьянъ.

Мягко шелестя, развѣваются ихъ черныя шелковыя рясы, и мягкіе бѣлые пальцы на ходу перебираютъ янтарныя и перламутровыя четки. Вы думаете, они повторяютъ по четкамъ молитвы? Нѣтъ, скорѣе всего считаютъ парички, собранныя съ русскихъ богомольцевъ за нынѣшній день.

Около Елисаветинскаго подворья, недалеко отъ новой церкви Благовѣщенія, стоитъ пьяный и отборной руганью «поливаетъ» духовенство, которое чѣмъ-то обидѣло его. Сцена отвратительная, но въ площадныхъ обвиненіяхъ есть та правда, которая заставляетъ собравшуюся вокругъ него толпу едва ли не сочувственно ухмыляться.

Проѣхали весь дворъ и остановились у Сергіевскаго подворья, противъ низкихъ деревянныхъ лавокъ, гдѣ торгуютъ всѣми предметами благочестія, и арабы-живописцы на деревянныхъ доскахъ грубо малюютъ иконы для паломниковъ.

Около подъѣзда стоятъ черногорцы-кавасы въ бѣлыхъ кафтанахъ, перетянутыхъ цвѣтными кушаками, въ маленькихъ круглыхъ шапочкахъ со значками палестинскаго общества. Небольшой вестибюль,—кэнтора. Есть одинъ свободный номеръ, но и то—библіотека.

Уже вечеръ. Я порядочно усталъ. Библіотека, такъ библіотека. Номеръ—внизу и считается перваго класса. Въ немъ невыносимо пахнетъ нафталиномъ, который смѣшивается съ запахомъ плѣсени и осеннихъ листьевъ, тѣмъ специфическимъ запахомъ, который издаютъ старыя книги.

Библіотека очень маленькая, бѣдная, хотя книги— на нѣсколькихъ языкахъ, и есть двѣ-три довольно рѣдкія книги стараго изданія. Все по преимуществу относится къ Палестинѣ.

Уже вечеръ. Довольно сыро и прохладно. Меня спрашиваютъ, буду ли я ужинать и если буду, то въ первомъ или во второмъ классѣ?

Въ первомъ классѣ продовольствіе дороже, чѣмъ во второмъ, на полтинникъ, такъ же, какъ и номеръ Между тѣмъ въ третьемъ классѣ можно имѣть номеръ всего за 30 копѣекъ. Зато къ вамъ имѣютъ право помѣстить еще одного, двоихъ, даже троихъ, смотря по обстоятельствамъ.

Я поднялся въ столовую перваго класса по звуку гонга, который адскимъ звономъ наполняетъ каменный коридоръ съ великолѣпной акустикой. Общество здѣсь довольно разнокалиберное, но, конечно, сытое и спокойное въ большинствѣ. На столикѣ «Новое Время»,—единственная газета для пріѣзжающихъ.

Обитатели гостиницы ставятъ самыя толстыя свѣчи, посѣщаютъ самыя торжественныя службы, говѣютъ и исповѣдываются у самыхъ популярныхъ священниковъ и ходятъ на чашку чаю къ архимандриту и даже къ патріарху. Въ этой компаніи нерѣдко попадаются генералы и даже князья, и нечиновнымъ и нетитулованнымъ лицамъ бываетъ чрезвычайно лестно присутствовать за однимъ столомъ съ такими особами. Надо слышать, съ какимъ чувствомъ они произносятъ слова: «князь», «генералъ»! Какія счастливыя улыбки расплываются по ихъ лицамъ, когда такая особа удостоитъ ихъ своимъ вниманіемъ, вопросомъ, шуткой, наконецъ, просто кивкомъ головы. Достаточно разъ-два послушать ихъ бесѣды о религіи или о впечатлѣніи, которое производитъ на нихъ архитектура или живопись того или другого храма, чтобы бѣжать отъ нихъ, зажавъ уши, во второй классъ, гдѣ публика безъ особыхъ претензій, и гдѣ не такъ убійственно-пошлы и оскорбительно-невѣжественны сужденія о высокихъ матеріяхъ.

Мечеть Омара, эта вдохновенная поэма ислама изъ мрамора, слоновой кости, золота, драгоцѣнныхъ камней

и воспоминаній прошлаго, которыя дѣлаютъ ее святыней для людей всѣхъ религій и всѣхъ націй, часто въ обществѣ перваго класса вызываетъ только высокомѣрное пренебреженіе, хотя въ ней хранится святыня, одинаково драгоцѣнная для мусульманъ, христіанъ и евреевъ—скала Моріа, на которой, по преданію, Аврамъ хотѣлъ принести въ жертву Исаака, а Давидъ увидѣлъ ангела, обращеннаго съ пылающимъ мечомъ къ Іерусалиму. Во второмъ классѣ мнѣ никогда не приходилось видѣть такого нетерпимаго, самодовольнаго и нагло-невѣжественнаго отношенія къ иновѣрцамъ и всему иновѣрческому, какъ въ первомъ.

Мнѣ достаточно было отдохнуть часъ въ одиночествѣ, чтобы почувствовать неодолимое желаніе отправиться куда-нибудь въ Іерусалимѣ.

Я зналъ, что все равно не усну, пока не ступлю на камни этого города, не пройдусь по его улицамъ, не увижу хотя одну изъ тѣхъ святынь, которыя чтилъ съ дѣтства. Здѣсь, въ самомъ Іерусалимѣ, былъ храмъ Гроба Господня. Онъ былъ, видимо, здѣсь близко, потому что и весь Іерусалимъ-то невеликъ. Мнѣ еще дорогой указывали его сѣрый куполъ надъ плоскими кровлями іерусалимскихъ зданій.

Ночь была великолѣпная, лунная и до того яркая, что бѣлые купола палестинскаго храма и кровли близлежащихъ зданій казались покрытыми снѣгомъ. Еще облака стояли въ небѣ, но отъ озаряющей ихъ луны они принимали оранжевые тона и сами казались свѣтящимися. Я взялъ каваса и пошелъ съ нимъ къ Голгоѳѣ.

Къ Гробу Господню.

Ночью мы чувствуемъ совершенно иначе, нежели днемъ, ночью довѣрчивѣй и суевѣрнѣй душа и готова признавать тайны и даже чудеса тамъ, гдѣ днемъ останется равнодушной и, можетъ-быть, насмѣшливой. Несомнѣнно, что ночью мы ближе къ нашему первобытному образу и, такъ сказать, стихiйнѣе. Достоинство это или недостатокъ—не берусь судить, но есть предметы и явленiя, которые хочется видѣть ночью.

Я шелъ къ Голгоѳѣ или, иначе,—къ Гробу Господню, съ очень повышеннымъ и нѣсколько жуткимъ чувствомъ. Послѣднее относилось не только къ трепету передъ святыней, которой недостойна коснуться рука, сколько къ возможности утратить здѣсь поэзiю этого трепета, оставшуюся въ сердцѣ съ далекихъ лѣтъ. Мы дорожимъ въ нашей жизни каждымъ проблескомъ безкорыстныхъ и свѣтлыхъ порывовъ къ небу, къ запредѣльнымъ красотамъ бытiя, озаряющимъ нашу дѣйствительность мгновенными радугами.

Я почти зналъ, гдѣ и что увижу. Читалъ описанiя Гроба Господня, изучалъ планы этого храма, доказательства достовѣрности святынь и мѣстъ. Но на бумагѣ все это выходило скудно и мертво. Другое дѣло быть здѣсь самому, самому увидѣть все это воочiю, а главное—стать вотъ такъ просто своими собственными ногами на этой скалѣ, гдѣ стоялъ крестъ съ Распятымъ, или гдѣ былъ гробъ Его, и забыть о всѣхъ своихъ сомнѣнiяхъ и почувствовать всю невыразимую святость и окро-

вавленное величіе этихъ мѣстъ, да не только душой,— всѣмъ существомъ своимъ, чтобы задрожалъ каждый нервъ, и освѣтилась каждая капелька крови неизъяснимымъ свѣтомъ.

Я бы не хотѣлъ, чтобы въ этихъ строкахъ моихъ о настроеніи, съ которымъ я шелъ къ Голгоѳѣ, увидѣли какое-нибудь преувеличеніе. Трудно говорить объ этомъ человѣку, далекому отъ религіи простыхъ вѣрующихъ людей; но кто переживалъ минуты крушеній, когда жадно ищешь, за что бы ухватиться, чтобы не упасть, и когда до тошноты претитъ все, что называется дѣйствительностью,—тотъ пойметъ мое состояніе въ тѣ минуты.

Часъ былъ еще не поздній. Лавки еще отперты, и продавцы со всѣхъ сторонъ зазывали прохожихъ, хотя бы для того, чтобы только посмотрѣть, какія у нихъ имѣются чудесныя вещи. Они прикладывали руку и ко лбу, и груди, и къ моей собственной рукѣ и готовы были силой затащить къ себѣ. Большинство говорило по-русски, и это ясно свидѣтельствовало, что ихъ покупатели по преимуществу всегда были русскіе. Сначала я думалъ, что это только здѣсь, въ мѣстахъ, близлежащихъ около русскаго подворья, но потомъ убѣдился, что такъ это и всюду, и не въ одномъ Іерусалимѣ, а и въ Виѳлеемѣ, и въ Іерихонѣ и даже—въ мусульманскомъ Хевронѣ. Весь Іерусалимъ и Виѳлеемъ и вообще всѣ мѣста въ Палестинѣ, гдѣ хранятся святыни Христа или даже, гдѣ только ступали стопы Его,—всѣ живутъ русскими паломниками. Монахи и владѣльцы магазиновъ и гостиницъ, мѣнялы, и извозчики, и погонщики ословъ,—все это существуетъ на средства русскихъ паломниковъ, держится тѣми парычками, которыя они тащатъ со всѣхъ концовъ Россіи въ Іерусалимъ, чтобы отсюда уйти нищими, Христовымъ именемъ дотащиться до своихъ деревенъ.

То, что приносятъ съ собою иностранные туристы,— песчинки въ сравненіи съ доходами отъ православныхъ и главнымъ образомъ, отъ этой сѣрой мужицкой толпы. Видѣлъ ли кто-нибудь въ Палестинѣ нѣмецкихъ, французскихъ или итальянскихъ крестьянъ-паломниковъ? Конечно, нѣтъ, а русскихъ ежегодно болѣе десятка тысячъ, и мало кто изъ нихъ вернется домой съ копейкой въ карманѣ. Считается чуть ли не грѣхомъ отъ Гроба Господня, отъ Его Божественныхъ яслей унести свои деньги, иногда скопленныя за всю долгую, трудовую жизнь. Да и у греческихъ монаховъ къ тому же есть тысячи средствъ и уловокъ, чтобы выманить эти трудовые гроши изъ безхитростныхъ рукъ. Все время на пути къ Гробу Господню мнѣ попадались русскіе паломники. Они ковыляли по узкимъ улицамъ парами и одиночками,—одни шли къ Гробу Господню, другіе—оттуда, третьи просто ходили по лавочкамъ.

Луна стояла высоко въ небѣ, но свѣтъ ея не всегда проникалъ въ эти узкія, мрачныя улицы, по которымъ шли мы. Свѣтъ изъ лавокъ падалъ на сбитые камни мостовой, мокрые и липкіе отъ ночной сырости, освѣщая срывы и выбоины, въ которыхъ, того и гляди, вывихнешь себѣ ногу. Тамъ, гдѣ лавокъ не было, и улицы-щели были залиты мракомъ, кавасъ мой то предупреждалъ меня: «осторожно, здѣсь уступъ», то прямо бралъ меня за руку, чтобы я не оступился.

Но иногда голубой свѣтъ луны наполнялъ улицу прозрачной серебристой мглой, открывался бездонный сіящій просвѣтъ въ небо, и, казалось, что идешь въ подводномъ царствѣ. Скрывалась за облакомъ луна, или мы вступали подъ сѣрые своды, гдѣ трудно было дышать отъ смрада, и опять приходилось итти чуть не ощупью.

То вверхъ, то внизъ—закоулками съ почернѣлыми каменными зданіями съ низкими арками, съ забитыми желѣзными рѣшетками окнами, часто выступающими надъ головой подобно балкончикамъ-одиночкамъ. Когда

такіе балконы съ двухъ сторонъ, они почти касаются другъ друга.

Но, несмотря на смрадный воздухъ улицъ и убійственную мостовую, я испытывалъ совсѣмъ особенное чувство отъ сознанія, что иду по улицамъ Іерусалима. Восточные города сохраняютъ свой обликъ столѣтіями, и, вѣрно, Іерусалимъ времени Христа мало чѣмъ отличался отъ нынѣшняго.

Это сознаніе наполняетъ душу тревогой и печалью.

Гортанные голоса на незнакомомъ языкѣ, звуки желѣзныхъ запоровъ и глухой стукъ шаговъ по сѣрымъ камнямъ—все это еще усиливаетъ печаль и тревогу.

— Сейчасъ придемъ,—говоритъ кавасъ.—Близко.

Но вмѣсто того, чтобы обрадовать меня, эти слова заставляютъ замедлить шагъ.

Близко.

«А не пойти ли въ другой разъ?»—думаю я, но машинально слѣдую за кавасомъ и выхожу на небольшую каменную площадку, гдѣ свѣтятся фонари и шевелятся люди,—опять-таки наши паломники.

Лунный свѣтъ изъ-за облаковъ освѣщаетъ одну сторону этой площадки, какъ разъ ту самую, гдѣ сіяетъ входъ въ храмъ, а капители старыхъ колоннъ и узоры теряются въ тѣни. Храмъ снаружи кажется невысокимъ и мрачнымъ. Въ сторонѣ отъ главнаго купола, вѣнчающаго фасадъ храма, слѣва,—другой куполъ, гораздо больше и тяжелѣе, а справа—низенькая пристройка въ родѣ часовенки, тоже съ куполомъ. Тяжелая старая стѣна примыкаетъ съ этой стороны, а слѣва громоздко и неуклюже поднимается колокольня. Куполъ рубчатый сѣрый, а камень—дикаго цвѣта, и кажется, что таковъ онъ не по природѣ, а отъ насѣвшей на немъ грязи, сырости и ссадинъ.

У самаго входа турецкій солдатъ куритъ папиросу, бесѣдуя въ то же время пріятельски съ монахомъ-грекомъ, котораго онъ фамильярно похлопываетъ по жи-

воту. Во мнѣ сразу холодѣетъ и какъ будто обрывается что-то. Ничего еще не случилось, а, между тѣмъ, настроеніе потускнѣло.

Этотъ фасадъ я видѣлъ на фотографіяхъ, но въ представленіи онъ казался мнѣ инымъ.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ вошелъ я во дворъ храма. Что меня сразу поразило, это—углубленіе въ стѣнѣ справа: лежанка, гдѣ валялись красныя одѣяла, перины, подушки, и среди нихъ, полулежа и сидя, какъ дома, разговаривали турки, двое сѣдыхъ и двое молодыхъ.

А вѣдь это было преддверіе храма.

Запахъ воска, ладана, деревяннаго масла и еще той сырости и затхлости, которой дышатъ старые и жилые камни, вмѣстѣ съ полусумракомъ храма остановили меня почти у самаго входа. Горѣли свѣчи и лампады, но онѣ горѣли какъ-то сами по себѣ и нисколько не оживляли пустоты и непріятной тѣни. Сверху доносилось не совсѣмъ стройное и умѣлое пѣніе: это на Голгоѳѣ шла греческая служба, и пѣли православные паломники.

Прямо передъ собою я увидѣлъ на возвышеніи большую плиту красноватаго мрамора съ высокими подсвѣчниками, въ которыхъ красовались колоссальныя незажженныя свѣчи. Надъ этой плитой слабо горѣли восемъ лампадъ въ большихъ матоваго стекла фонаряхъ.

Передъ плитой на колѣняхъ припала женская фигура. Видимо, она, какъ припала къ плитѣ губами, такъ и замерла. Это былъ камень Помазанія. По преданію, на этой плитѣ обливали мѵромъ и пеленали тѣло Христа передъ положеніемъ во гробъ Іосифъ и Никодимъ. Чья-то рука тихонько отстранила меня отъ двери. Я увидѣлъ передъ собою довольно высокую женскую фигуру, повидимому, изъ мѣщанокъ. Она обвела глазами храмъ съ глубокимъ куполомъ, съ уходящими вправо и влѣво, теряющимися въ полумракѣ ходами, нишами и лампадами, порывисто перекрестилась и, сдѣ-

лавъ нѣсколько движеній къ мраморной плитѣ, со стономъ упала на нее лицомъ, простирая на камень руки въ черныхъ рукавахъ. Я видѣлъ, какъ вздрогнули ея плечи, и услышалъ заглушенное рыданіе.

— Господи, Спасе мой,—вырвались у нея простыя слова. И это была вся ея молитва.

Первая женщина не подняла головы отъ плиты и продолжала такъ же молча стоять у камня съ приникшей къ нему головой въ черномъ платкѣ. Эти двѣ бѣдно-одѣтыя женщины въ черномъ припали къ холодной плитѣ въ такомъ горѣ, въ такомъ страстномъ благоговѣйномъ экстазѣ, какъ будто эта плита была для нихъ не пустая, какъ будто на ней если и не было сейчасъ истерзаннаго окровавленнаго тѣла, снятаго съ креста, такъ только потому, что Его мгновеніе тому назадъ унесли ученики вонъ туда, налѣво, въ пещеру, которую приготовилъ для себя Іосифъ Аримаѳейскій въ своемъ саду, неподалеку отъ Голгоѳы.

Подлинная это была плита или не подлинная—для меня въ эту минуту было вполнѣ безразлично. Но сотни лѣтъ ее вотъ такъ лобызали со страстнымъ благоговѣніемъ вѣрующіе люди и обливали слезами и замирали на ней въ благоговѣйномъ экстазѣ.

Цвѣтныя лампады горѣли кое-гдѣ во мракѣ, и дальше слабо очерчивался высокій куполъ надъ греческою церковью, расположенной какъ разъ противъ Кувуклiи Гроба Господня и занимающей самое выгодное и большее мѣсто.

Такъ это странно и дико было видѣть и знать: весь храмъ Господень раздѣленъ между разными вѣроисповѣданіями и представляетъ, въ сущности, нѣсколько храмовъ: греческій, католическій, армянскій, абиссинскій... Точно на базарѣ или въ одномъ пассажѣ люди имѣютъ подъ однимъ сводомъ каждый свою лавочку и, такъ какъ торгуютъ однимъ товаромъ, ненавидятъ другъ друга и другъ съ другомъ постоянно ссорятся и даже

дерутся. Положительно можно сказать, что ни одна Пасха не обходится безъ драки. Архимандритъ, іеромонахи и монахи выдергиваютъ другъ у друга бороды, выбиваютъ зубы и кусаютъ другъ друга, какъ звѣри. Не будь здѣсь турокъ, дѣло, несомнѣнно, доходило бы до убійствъ: турки энергично растаскиваютъ враговъ и разливаютъ ихъ водой.

Мнѣ изъ Россіи было порученіе поставить двѣ свѣчи у Гроба Господня. Я вспомнилъ свое обѣщаніе и пошелъ купить у грековъ свѣчи.

Не спрашивая даже, какія свѣчи нужны, мнѣ протянули двѣ толстыхъ свѣчи изъ парафина, разрисованнаго грубо и лубочно цвѣточками. Стоили свѣчи по рублю. Я взялъ ихъ и направился съ ними къ Кувукліи Гроба Господня полутемнымъ проходомъ. Передо мной скользнулъ растрепанный греческій монахъ въ туфляхъ на спускающихся сборками шерстяныхъ чулкахъ. Туфли шлепали по каменнымъ плитамъ, и сальные волосы болтались вокругъ шеи изъ-подъ помятой скуфьи.

Шестиугольная часовня возвышалась подъ звѣзднымъ церковнымъ куполомъ, освѣщенная разноцвѣтными серебряными лампадами. Оранжевые, зеленые, красные огни лампадъ дрожащими пятнами отражаются въ желтомъ мраморѣ часовни, и ихъ блескъ и пестрота какъ-то обидно не вязались съ этой простой черной толпой паломниковъ, которые тѣснились въ преддверіи пещеры, называемой «Придѣломъ Ангела». Здѣсь находится кусокъ камня, облицованнаго мраморомъ,—по преданію, обломокъ того самаго камня, который ангелъ отвалилъ отъ пещеры, гдѣ лежало тѣло Христово. Громадные серебряные подсвѣчники съ такими же колоссальными свѣчами, какъ у камня Мѵропомазанія, стояли и здѣсь.

Толпа закрывала тѣсный входъ въ пещеру Гроба. Низко сгибаясь, по одному, входили туда паломники.

Въ ту же минуту оттуда показывалась согнутая спина выходящаго, и такъ безпрерывно шла смѣна.

Я дождался очереди. Сердце мое безотчетно замерло, когда я такъ же наклонилъ голову и вступилъ въ пещеру Гроба. Я невольно закрылъ на мгновеніе глаза и, когда открылъ ихъ, стоялъ въ крошечномъ пространствѣ, сіящемъ огнями, разукрашенномъ драгоцѣнными лампадами, подсвѣчниками и цвѣтами.

Справа лежала на возвышеніи желтая разбитая мраморная плита. Подъ нею и было трехдневное ложе Распятаго. Черный греческій монахъ съ кропильницей розовой воды стоялъ въ углу и торопилъ замѣшкавшихся у Гроба. Я видѣлъ, какъ съ судорожно вздрагивающими губами, со слезами на глазахъ, припадали къ этому камню паломники. Падали слезы на камень, дрожащія губы лобызали его, и въ мгновенной неподвижности застывали надъ его гладкой холодной поверхностью сѣдыя головы и головы въ платкахъ, и иногда изъ-за этихъ благоговѣйно склонившихся головъ вырывалось несдержанное рыданіе. Я почувствовалъ, какъ и у меня всколыхнулась въ груди горячая волна. Ахъ, какъ счастливъ былъ бы я заплакать здѣсь такими же слезами облегченія и свѣтлаго блаженства! Но монахъ уже нетерпѣливо тыкалъ въ плечо цѣловавшей предо мною камень паломницы, чтобы дать мѣсто мнѣ. Волна отхлынула. Я едва коснулся мраморной плиты губами и сунулъ монаху свѣчу.

Черезъ минуту я уже былъ внѣ часовни. Все это произошло такъ быстро, что у меня осталась рябь въ глазахъ отъ лампадъ, цвѣтовъ, огней и красныхъ пятенъ,—вѣроятно, впечатлѣніе красной шелковой матеріи, о которой я не помнилъ. Но руки и ноги мои дрожали, и сердце усиленно билось.

Въ «Придѣлѣ Ангела» все такъ же тѣснилась и крестилась толпа, и я такъ же машинально сталъ креститься.

Но въ ту же минуту какое-то постороннее досадное движеніе со стороны отвлекло мое вниманіе.

Я увидѣлъ, какъ въ овальное отверстіе часовни просунулась наружу рука въ черномъ рукавѣ. Другая рука въ такомъ же рукавѣ приняла извнѣ пукъ свѣчей, среди которыхъ, несомнѣнно, были и мои свѣчи. И тотъ же греческій монашекъ, который обогналъ меня, когда я шелъ ко Гробу, такъ же шлепая туфлями и тряся разсыпающимися волосами, пустился со свѣчами туда, гдѣ продавали ихъ.

Сейчасъ ихъ купитъ другой и также понесетъ свою жертву къ Христовой могилѣ, и также свѣчу черезъ минуту вернутъ обратно.

Я понимаю, что нельзя въ маленькой пещерѣ поставить всѣхъ свѣчей, приносимыхъ паломниками, но вѣдь храмъ великъ и почти всегда теменъ. Наконецъ, фокусъ со свѣчами продѣлывается съ слишкомъ циничной откровенностью. Стало противно и обидно. Не за себя, а вонъ за тѣхъ, которые пришли сюда съ такими наивными сердцами, съ такой безпредѣльной вѣрой. Тутъ же, рядомъ съ ихъ молитвами, съ ихъ благоговѣніемъ, которое составляетъ великое благо и, можетъ-быть, единственную отраду ихъ жизни, кто-то нагло надъ ними смѣется и, засунувъ руки въ большіе карманы, побрякиваетъ тамъ деньгами, заплаченными за возвращаемую на мѣсто продажи жертву.

Но это непріятное чувство овладѣло мною только на одну минуту. Взглянувъ снова на ту же сѣрую толпу, я почувствовалъ, что раздраженіе мое во мнѣ самомъ, и для меня самого: тѣ были выше этихъ мелочей, они просто не замѣчали, это ихъ не могло ни возмутить, ни обидѣть.

Жертва, которую они приносили Христу, не могла быть взята обратно ничьими нечистыми руками. Она заключалась не въ этихъ свѣчахъ и маслѣ, которое чадило въ лампадахъ: ихъ жертва горѣла неугасимымъ

огнемъ, и это она, а не церковные дары, освящала и утверждала завѣтныя для всего міра святыни.

И я уже безъ досады и гримасъ видѣлъ затѣмъ всѣ пятна въ этомъ храмѣ. Конечно, лучше, если бы ихъ не было, какъ лучше, если бы не было смрадныхъ отхожихъ мѣстъ, которыя расположены тутъ же, при храмѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ возвеличенныхъ слезами и молитвами святынь. Но все это человѣческое, слишкомъ человѣческое, чтобы придавать подобнымъ пятнамъ черезчуръ большое значеніе.

Съ противоположной входу стороны Христовой пещеры примыкаетъ къ ея стѣнѣ подобіе небольшой часовенки, обнесенной рѣшеткой. Это—бѣдная часовенка съ бѣдными иконами; у меня осталось отъ нея впечатлѣніе золотисто-краснаго тона отъ кусочковъ простыхъ шелковыхъ тканей и красныхъ одеждъ, нарисованныхъ на покрытомъ сусальнымъ золотомъ фонѣ. Это—коптская часовенка. Вѣдь въ Кувукліи имѣютъ право служить только греки, латиняне и армяне. Вотъ копты и создали здѣсь священный уголокъ для себя.

Черный монахъ съ худымъ лицомъ и большими мистически-открытыми глазами стоитъ въ этой часовенкѣ, почти всегда пустой и полутемной. Жестяная кружка съ водой стоитъ тутъ же около него, а въ тряпицѣ, вѣрно, каравай хлѣба. Но все это производитъ очень трогательное впечатлѣніе, такъ же, какъ и этотъ стоящій у другой внѣшней стѣны пещеры паломникъ, который молится здѣсь, прижимаясь лбомъ къ закоптѣлому камню, примыкающему къ Гробу, какъ будто считаетъ себя недостойнымъ войти туда.

Около коптской часовенки расположилась на ночлегъ цѣлая семья арабовъ съ подушками и одѣялами. Онѣ пришли, видимо, издалека, изъ Сиріи—и не нашли себѣ другого пріюта. Онѣ, навѣрное, говѣютъ въ этомъ храмѣ и здѣсь же засыпаютъ послѣ долгой службы и изнуряющаго поста.

Я обошелъ храмъ. Вотъ мѣсто, гдѣ стоялъ Христосъ, пока водружали Его крестъ въ каменную скалу. Здѣсь плакали въ неизреченномъ горѣ Мать Его и Марія-Магдалина; тутъ дѣлили ризы, а вотъ здѣсь мѣсто сотника Лонгина, который увѣровалъ въ Христа, потрясенный Его Божественной кончиной. Въ глубокихъ нишахъ, освѣщаемыхъ лампадками, еле различаются изображенія этихъ событій.

Я поднялся по лѣстничкѣ справа отъ камня Мѵропомазанія вверхъ, къ Голгоѳѣ. Тамъ шла служба по-гречески, и молились все опять-таки наши паломники съ горящими свѣчами въ рукахъ. Гнусавый голосъ греческаго іеромонаха произносилъ слова молитвъ, а «канархистъ канархалъ по крыласамъ», какъ выражается въ описаніи о греческой службѣ одинъ изъ первыхъ русскихъ паломниковъ, во времена Алексѣя Михайловича побывавшій въ Іерусалимѣ, Арсеній Сухановъ.

Голгоѳа также закрыта мраморомъ, въ которомъ оставлено лишь отверстіе: тамъ, внизу, скала въ видѣ черепа съ трещиной, въ которой полагаютъ мѣсто водруженія Креста Господня.

Признаюсь, я былъ смущенъ этой близостью мѣста Распятія къ пещерѣ Погребенія. Неужто садъ Іосифа Аримаѳейскаго примыкалъ такъ близко къ Лобному мѣсту? Протестанты считаютъ Голгоѳой другое мѣсто, къ сѣверо-западу отъ Дамаскихъ воротъ, подъ пещерой Іереміи, но извѣстный архитекторъ Шикъ, человѣкъ, вначалѣ весьма сомнѣвавшійся въ подлинности этихъ мѣстъ, благодаря послѣднимъ раскопкамъ, открывшимъ несомнѣнный порогъ Судныхъ Воротъ, утверждаетъ достовѣрность этихъ святынь. Голгоѳа вѣдь была за городской стѣной, и очень можетъ быть, что лишь эта стѣна и ровъ около нея, куда бросили послѣ распятія кресты, отдѣляли садъ Іосифа Аримаѳейскаго отъ мѣста распятія.

Я спускаюсь и въ это подземелье, считающееся мѣстомъ Обрѣтенія Христа. Послѣднее же, что я посѣтилъ

въ Храмѣ Воскресенія, были гробницы Іосифа Аримаѳейскаго и Никодима. Въ темномъ углу, надъ двумя зіяющими впадинами, несомнѣнно мало отличающимися отъ той гробницы, куда былъ положенъ Христосъ, на колѣняхъ молился паломникъ. Въ одной рукѣ его горѣла свѣча, другой онъ широко крестился, читая молитвы по старой церковной книгѣ съ красными заглавными буквами. Сюда мало кто заходилъ, и онъ молился одинъ надъ этими выдолбленными въ камнѣ гробницами.

Исхудалое лицо съ рѣдкой бородкой и лихорадочно блестѣвшими глазами. Порывистыя движенія... Слабая тѣнь отъ него колебалась по черной стѣнѣ. Онъ не обратилъ къ намъ даже глазъ, когда мы вошли, и не повернулся, когда мы уходили.

Почему это именно мѣсто избралъ онъ для своей молитвы? Не потому ли, что оно всѣхъ уединеннѣе и мрачнѣе? А, можетъ-быть, потому, что изъ всѣхъ мѣстъ, которыя составляютъ святыни храма, окруженныя мраморомъ и драгоцѣнностями, одно это мѣсто, подверженное больше другихъ сомнѣнію и потому оставленное во всей его мрачной неприкосновенности, сильнѣе всего приближаетъ къ суровой дѣйствительности совершившагося здѣсь и даетъ опору и силу душѣ, пугающейся блеска и показной пышности.

Судныя Ворота.

Мѣста, гдѣ нѣкогда происходили великія событія человѣческой жизни, обладаютъ особенной властью и обаяніемъ для дальнѣйшихъ поколѣній. Но люди не ограничиваются однимъ утвержденіемъ этихъ мѣстъ,—имъ нужны еще болѣе точныя свидѣтельства, нужны камни, предметы, на которыхъ отпечатывались бы слѣды если не самого интересующаго ихъ лица, то хоть слѣды его современниковъ. Однако, это далеко отъ фетишизма, потому что фетишизмъ предполагаетъ воплощеніе въ предметѣ самой личности. Уже не говоря о научномъ значеніи подобнаго рода предметовъ, я бы даже не сказалъ, что въ полусознательномъ стремленіи къ нимъ нѣтъ возвышенныхъ и вѣрныхъ побужденій. Вѣдь, стараемся же мы оградить дерево, цвѣтокъ отъ злыхъ и стихійныхъ посягательствъ на него и обносимъ его для защиты крѣпкой оградой. Такой же защитой служатъ и эти предметы по отношенію къ тому или другому событію, образу, даже идеѣ. Еще понятнѣе радость, невольно овладѣвающая при видѣ камня, на который ступала нога Того, Кого считаютъ Богочеловѣкомъ. И я вполнѣ раздѣляю восторгъ, который испыталъ тотъ, кто въ раскопкахъ натолкнулся на порогъ Судныхъ Воротъ при постройкѣ такъ называемаго русскаго дома.

Несмотря на довольно поздній ночной часъ, меня потянуло посмотрѣть этотъ порогъ. Черный сонный арабъ отперъ мнѣ дверь и съ керосиновой лампой въ рукахъ повелъ по лѣстницѣ вверхъ, внизъ, пока я не очутился у старой арки временъ Константина и Елены, около кото-

рой сбоку опредѣлялись громадные камни еще болѣе глубокихъ временъ.

Какъ показали раскопки, это были камни городской стѣны, къ которой извнѣ примыкала Голгоѳа. Стѣна шла на сѣверо-западъ, и тутъ же, внизу, сохранился камень городскихъ воротъ, въ которомъ цѣлы углубленія для желѣзныхъ запоровъ.

Черезъ эти ворота и провели Христа отъ Пилата. На этотъ камень, несомнѣнно, должна была ступить Его нога на пути къ Голгоѳѣ. Открытіе этого камня имѣло руководящее значеніе въ утвержденіи Голгоѳы, Via Dolorosa и другихъ священныхъ памятниковъ. Въ позднѣйшее время здѣсь былъ храмъ. Сохранился и алтарь древняго храма временъ Константина и Елены, полъ, части лѣстницы. На этомъ мѣстѣ теперь построенъ новый храмъ при русскомъ домѣ, и есть небольшой музей, изъ котораго, впрочемъ, всѣ достопримѣчательности почему-то перевезены въ зданіе духовной миссіи.

Въ этомъ же музеѣ меня поразилъ образъ Христа.

Рѣпинъ!

— Почему же онъ здѣсь, а не въ церкви?

— Синодъ не утвердилъ. Во-первыхъ, сіянія вокругъ головы Христа нѣтъ, во-вторыхъ, крестъ Онъ несетъ изъ сплошного дерева, а, въ-третьихъ, и несетъ его не той стороной, какъ принято писать на иконахъ.

И выходитъ, что это—не икона, а картина; потому и мѣсто ея—среди этихъ обломковъ...

Лампада чадитъ, и свѣтъ ея освѣщаетъ то огромные древніе камни, то перетянутую желѣзнымъ обручемъ красную, изъ египетскаго гранита, колонну. Арабъ держитъ лампу сбоку, и тѣнь отъ его большой фигуры въ длинной полосатой абаѣ падаетъ на стѣны, на икону, на порогъ древнихъ воротъ.

— Да, эти камни, несомнѣнно, видѣли Христа,—сказала мнѣ провожавшая меня завѣдующая этимъ домомъ.

И, вѣдь, вотъ бываетъ же такъ, что иногда одно какое-нибудь слово вдругъ получаетъ особенно острый смыслъ. Мнѣ такъ ясно представилось въ ту минуту, что̀ камни именно видѣли. Это какъ-будто и теперь чувствовалось при взглядѣ на нихъ. Среди новыхъ камней они одни имѣли свое опредѣленное, почти живое выраженіе. Сгибаясь подъ тяжелой ношей, Христосъ проходилъ мимо нихъ. Быть можетъ, при видѣ Голгоѳы Онъ даже въ изнеможеніи и мукѣ прислонился къ одному изъ нихъ, и потъ, и слезы, смѣшиваясь съ кровавыми каплями, текли по Его лицу.

И камни видѣли это, и съ тѣхъ поръ они затаили въ себѣ что-то вѣчное и печально-живое.

Въ теченіе этой ночи я нѣсколько разъ былъ тамъ, и эти камни всегда свидѣтельствовали одно и то же. Съ крыши этого дома днемъ я видѣлъ много интереснаго: весь Іерусалимъ, и почернѣвшія арки древняго храма, и храмъ Гроба Господня, и Сіонъ. Ясно опредѣлялась древняя городская стѣна, которая шла отсюда съ одной стороны къ скалѣ Моріа, съ другой—къ Дамасскимъ воротамъ. Тамъ, около этихъ воротъ, есть кофейня, гдѣ любятъ вечеромъ сидѣть старые арабы, покуривая кальяны, съ свѣтящимися въ сумеркахъ въ маленькихъ жаровняхъ угольками, попивая кофе. Такая кофейня имѣется у воротъ каждаго восточнаго города и, несомнѣнно, была она и около Судныхъ Воротъ.

И также шли тогда верблюды и ослики, и поднимали пыль черныя козы и бѣлыя овцы. Да и весь Іерусалимъ былъ, вѣрно, такой же.

Высокая, согнувшаяся пальма поднимается надъ плоскими и куполообразными кровлями іерусалимскихъ зданій. И такая трогательно-одинокая эта пальма, точно заплутавшаяся или попавшая въ каменный плѣнъ. Конечно, этой пальмѣ не много лѣтъ, но она почему-то особенно приближаетъ этотъ новый Іерусалимъ къ тому, что̀ былъ во время Христа, и мой взглядъ подолгу останавливается на ней съ особенной отрадой и нѣжностью.

Преторія.

Мрачные катакомбы-провалы, сіяющія, какъ колодцы, полузавалившіяся пещеры, которыя ведутъ Богъ знаетъ куда. Каменные мѣшки со слѣдами цѣпей, съ отверстіями, выбитыми въ камнѣ, куда ставились ноги преступника въ то время, какъ руки приковывались къ цѣпи. Пробоины въ стѣнахъ, въ которыя подавали преступнику пищу и питье; въ нихъ и наблюдали за нимъ стражники, для которыхъ здѣсь же въ камняхъ выдолблены ниши, жесткое солдатское ложе.

Это—недавно обнаруженная общественная тюрьма древнихъ временъ. Несомнѣнно, она существовала и во время Христа, такъ какъ первые христіане превратили ее въ подземный храмъ, не уничтожая, однако, слѣдовъ тюрьмы. Тутъ еще сохранились древнія иконы. Дерево иныхъ превратилось въ пыль, другихъ—все изъѣдено и ноздревато, какъ медовые соты. Но на одной иконѣ, болѣе позднѣйшей, нашли годъ—630-й отъ Р. X.

Коричневыя, тоже успѣвшія наполовину разрушиться кисти, хрупкія, какъ песчаникъ, сложены тутъ же, у одной изъ нишъ.

Можетъ быть, это—кости схороненныхъ здѣсь христіанъ-паломниковъ, которыхъ бросали, какъ падаль, въ эти глубокіе колодцы. По крайней мѣрѣ, тутъ эти кости и нашли при раскопкахъ.

Очень вѣроятно, что отсюда были выведены разбойники, распятые вмѣстѣ съ Христомъ на Голгоѳѣ. Говорятъ, что изъ полузавалившихся пещеръ ходъ ведетъ прямо къ Голгоѳѣ, и разбойниковъ провели подземнымъ

ходомъ. Тутъ же сидѣлъ въ такомъ случаѣ и Варавва, отпущенный на свободу вмѣсто Христа.

Разрушался много разъ Іерусалимъ, но тюрьму, да еще подъ землей, разрушать было не зачѣмъ: такое мѣсто всегда могло пригодиться не для той, такъ для иной цѣли. Еще за десятки лѣтъ до раскопокъ это мѣсто было извѣстно, по преданію, старожиламъ іерусалимскимъ, да и Via Dolorosa заставляла предполагать тутъ поблизости нѣчто подобное. Тюрьма, очевидно, должна была находится недалеко отъ Преторіи, и, такимъ образомъ, обнаруженіе ея вполнѣ подтверждаетъ достовѣрность мѣстонахожденія Преторіи, а также направленія Крестнаго Пути.

Къ сожалѣнію, раскопки ведетъ не ученый, а простой греческій архимандритъ о. Серафимъ, которому и принадлежитъ это мѣсто. Онъ воздвигъ надъ нимъ маленькую деревянную веранду, всю обставленную цвѣтущими растеніями, гдѣ посѣтителей угощаютъ ликерами и коньякомъ. Молоденькій греческій монашекъ, состоящій при этой церковкѣ, утверждалъ, что тутъ и лифостратонъ, съ котораго Пилатъ показывалъ Христа народу. Но показываемый имъ лифостратонъ возвышается едва ли не надъ самой тюрьмой, что совершенно невѣроятно. Гораздо вѣрнѣе предположеніе, что Преторія—по сосѣдству, на мѣстѣ нынѣшнихъ турецкихъ казармъ. Тамъ сохранилась и часть древней лѣстницы, которая, будто бы, вела на лифостратонъ... Другая половина этой лѣстницы увезена въ Римъ, въ церковь Іоанна Латеранскаго.

Когда я вышелъ изъ этого подземелья на воздухъ, мнѣ представилось, что я въ дѣйствительности былъ не только въ темницѣ той эпохи, но, какъ-будто, и не въ наше время.

Свѣтило хищное палестинское солнце, пожирающее влагу и зелень, заставляющее землю то твердѣть, какъ желѣзо, то разсыпаться, какъ пепелъ.

Въ глубинѣ улицы, налѣво, за турецкими казармами, зеленѣли тихіе холмы Елеона, а направо, сквозь арку, открывалась восходящая къ Голгоѳѣ масса іерусалимскихъ плоскихъ крышъ, блестѣвшихъ отъ солнечнаго свѣта.

Слѣва, во дворикѣ,—радостная зеленая пальма, сестра той, которую я видѣлъ съ крова русскаго дома.

На аркѣ была надпись: «Ecce homo». Отсюда шелъ по смертному пути Спаситель. Я шагъ за шагомъ прошелъ по этому пути. Очень вѣроятно, что улицы шли именно вотъ этими изломанными линіями. Вѣдь восточные города строились безъ всякихъ плановъ. Зачѣмъ же было прокладывать новые пути, строить новыя мостовыя тамъ, гдѣ хоть частью сохранились онѣ. Да и мѣста, которыми приходилось проходить, также, навѣрное, мало чѣмъ отличались отъ бывшихъ здѣсь двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Мрачные своды, подъ которыми чернѣли забитыя проржавѣвшими рѣшетками и затянутыя паутиной окна; сараи для скота, откуда несетъ прѣлымъ навозомъ, и тутъ же на поворотѣ—базаръ съ ободранными тушами, съ массой зелени; общественная баня, откуда пахнетъ мыломъ и паромъ, и гдѣ видны отдыхающіе послѣ мытья люди...

Блестятъ мѣдныя кастрюли открытой кухни, гдѣ варится и жарится всякая всячина, и бьетъ въ носъ терпкій запахъ съѣстного. Тутъ же и лавочка съ прохладительными напитками, съ букетами цвѣтовъ, воткнутыхъ въ стаканы. Масса народа въ библейскихъ костюмахъ. Все движется, шумитъ... И такъ же, навѣрное, было и тогда, когда Онъ шелъ здѣсь въ сопровожденіи римскихъ солдатъ, падая подъ крестомъ, обливаясь потомъ и кровью.

На мѣстѣ VI-го паденія, гдѣ Симонъ Киринеянинъ возложилъ на себя Его крестъ, остановилась толпа австрійскихъ паломниковъ. Католическій монахъ съ неподвижно-краснымъ лицомъ, съ ложно-скромными глазами

и красными пухлыми губами, всталъ на камень и заговорилъ о событіи, связанномъ съ этимъ мѣстомъ.

Съ артистическими жестами и паузами, съ дутымъ паѳосомъ онъ призывалъ и всѣхъ присутствующихъ раздѣлить нынѣ это бремя. Молчаливое стадо паломниковъ слушало его, понуривъ головы,и, когда онъ эффектно закончилъ свою рѣчь,— паломники уныло и гнусаво затянули псаломъ.

Они, конечно, остановились еще около лавочки, гдѣ, по преданію, Вероника отерла полотенцемъ потъ и кровь съ лица Христова. Эта сцена грубо воспроизведена тутъ же на фигурахъ во весь ростъ, которымъ настоящее мѣсто въ провинціальномъ паноптикумѣ, а не на Via Dolorosa. Но эти раздражающія мелочи не могли нарушить общаго впечатлѣнія близости къ тому времени.

Послѣ VIII-ой остановки уже нѣтъ указаній на остальную часть пути на Голгоѳу, но это и не важно. Камень Судныхъ Воротъ опредѣляетъ вполнѣ это направленіе. Днемъ и ночью проходилъ я по этому пути, и каждый разъ невольный трепетъ заставлялъ меня останавливаться посреди пути. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ! Двѣ тысячи лѣтъ!

Громадный храмъ стоитъ на мѣстѣ Голгоѳы. Въ этотъ день храмъ полонъ вѣрующими во Христа. Но каждый разъ, какъ я подхожу къ этому мѣсту, шумъ, который идетъ оттуда, эти крики голодной жизни, устроившей не только на площадкѣ, но и въ самомъ храмѣ вѣчный базаръ,—все это вмѣстѣ со звономъ оружія о каменныя плиты заставляетъ меня съ острой тревогой закрыватъ глаза.

И тогда какъ-будто исчезаютъ всѣ эти зданія, загромоздившія когда-то пустынное Лобное мѣсто, и въ приливахъ и отливахъ человѣческаго шума слышатся дикіе голоса толпы, отъ которыхъ дрожь проникаетъ въ сердце.

Что̀ было бы, если бы эти люди жили въ то время?

Сіонъ.

Русскіе паломники тянутся за гробомъ мимо яффскихъ воротъ и по большой дорогѣ поднимаются на Сіонъ: тамъ православное кладбище. Уныло поютъ усталые печальные голоса: хоронятъ своего брата-крестьянина, котораго Господь сподобилъ умереть въ Іерусалимѣ. Сейчасъ его зароютъ на Сіонѣ, на томъ самомъ Сіонѣ, который Библія называетъ радостью земли, горой и домомъ Божіимъ. «Врата Сіона любитъ Господь болѣе всѣхъ селеній Іакова».

На Сіонѣ, прославленномъ пророкомъ и воспѣтомъ царемъ Давидомъ, могила котораго находится здѣсь же, были великолѣпные сады Соломоновы.

«Даже до вертограда гроба Давидова идутъ, до купели устроенные, до дому сильныхъ».

Но никто не знаетъ истиннаго мѣстонахожденія Давидовой могилы, хотя и указываютъ мусульмане въ домѣ, построенномъ на мѣстѣ Тайной Вечери, горницу, гдѣ, дѣйствительно, есть могила, покрытая выцвѣтшей зеленой матеріей, но это не могила Давида.

И, можетъ быть, русскій паломникъ будетъ лежать рядомъ съ гробницей, гдѣ схороненъ великій псалмопѣвецъ и царь. Такъ земля равняетъ великихъ и ничтожныхъ, оправдывая мудрое изреченіе другого царя, сады котораго также благоухали вокругъ Сіона:

«Суета суетъ и всяческая суета».

Дворцы, сады и фонтаны Соломона и Давида стали прахомъ, и на мѣстѣ ихъ хоронятъ нищихъ русскихъ

богомольцевъ. Только имя Христа будетъ вѣчно украшать гору эту и вызывать благоговѣніе вѣрующихъ.

Здѣсь Христосъ провелъ съ учениками послѣдніе часы и здѣсь происходила Тайная Вечеря.

Конечно, комнатка съ колоннами изъ краснаго египетскаго гранита, которую показываютъ, какъ мѣсто Тайной Вечери, не могла сохраниться отъ временъ Христа въ такомъ видѣ. Особенно это впечатлѣніе оскорбляетъ ея новая покраска ради посѣщенія германскаго принца. Но что горница могла быть на этомъ мѣстѣ, очень вѣроятно.

Извѣстно, по свидѣтельству св. Епифанія, что на мѣстѣ горницы Тайной Вечери была построена первая христіанская церковь, а церковь на этомъ мѣстѣ, несомнѣнно, была, о чемъ сохранилось преданіе, да и колонны, оставшіяся здѣсь, весьма вѣроятно, принадлежали церкви.

Я былъ на Сіонѣ не одинъ разъ. И, самъ не знаю—почему, меня тянуло сюда, несмотря на сомнѣнія. Можетъ быть, привлекала сама великая трагическая красота этого послѣдняго совмѣстнаго пребыванія Христа со Своими учениками.

От Вечери послѣдней на Сіонѣ
Христосъ сошелъ подъ тѣнь сѣдыхъ маслинъ,
Въ уснувшій садъ на Елеонскомъ склонѣ.

И сюда же Онъ приведенъ былъ въ полночь, въ домъ Кайафы, связаннымъ, поруганнымъ и избитымъ.

Тамъ, гдѣ теперь армянскій монастырь, и находился домъ Кайафы. Домъ Анны былъ неподалеку, и они до разсвѣта посылали Христа другъ къ другу.

Я радъ былъ побывать въ армянскомъ монастырѣ. Своими древними синими изразцами онъ похожъ на монастырь св. Іакова здѣсь же на Сіонѣ. Въ этомъ монастырѣ указываютъ темницу Христа и даже древнюю ви-

ноградную лозу во дворѣ, около которой, будто бы, грѣлся Петръ, когда стража, приведшая Христа, развела здѣсь огонь. И самъ по себѣ, безъ отношенія къ этимъ событіямъ, монастырь произвелъ на меня впечатлѣніе старины, мира и истинно-церковнаго покоя, который такъ рѣдко встрѣтить въ другихъ іерусалимскихъ православныхъ церквахъ.

Съ Сіона славный видъ на долину Гигонскую, на Іосафатову долину, на Іерусалимъ, на горы Моава. Красноватые холмы; зеленыя равнины; бѣлые камни, и надъ всей этой библейской картиной—синее глубокое небо.

Вдоль сѣверной стѣны иду я къ Силоамскому источнику. Нельзя сказать, чтобы дорога была особенно пріятна: изъ нея сдѣлали свалочное мѣсто для всякой дряни. Почему-то особенно много жестянокъ, которыя ослѣпительно сверкаютъ на солнцѣ среди прочаго мусора, кучами гніющаго вдоль всей стѣны.

Село Скудельное раскинулось внизу, по взгорью, и передъ домами, какъ зеленые коврики, бархатятся посѣвы и огороды.

Тропинки вьются, какъ веревочки, внизъ отъ домовъ, и кажется, что дома привязаны этими веревочками гдѣ-то внизу, чтобы не разбѣжались.

Силоамскій источникъ—вправо отъ Сіона, внизу. Еще издали слышны женскіе голоса и визгъ. Старая арка. Почернѣлые своды. Глубокая лѣстница внизъ, какъ въ подвалъ, и въ глубинѣ подвала—самый источникъ.

Десятки вѣковъ бьетъ здѣсь изъ нѣдръ прохладный, чистый источникъ. Его вода исцѣляла больныхъ, купала Давида, Соломона и Вирсавію. И сейчасъ тамъ купаются арабскія дѣвушки, въ то время, какъ другія, съ жестянками на головѣ, гордой походкой царицъ подходятъ къ источнику.

При каждомъ движеніи босыхъ ногъ вздрагиваютъ сильныя, не стянутыя корсетомъ, груди подъ темно-крас-

ными вышитыми тканями, и темнѣютъ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ большіе таинственные глаза. Дѣвушки также сходятъ внизъ по мокрымъ почернѣлымъ ступенямъ, чтобы искупаться и набрать вѣчно текущей воды, а ужъ явившіеся сюда для купанья мужчины нетерпѣливо торопятъ ихъ громкими окриками, въ отвѣтъ на которые раздаются смѣхъ и ропотъ.

Но вотъ онѣ появились оттуда всѣ сразу, какъ стая быстрыхъ пестрыхъ птицъ, веселыя, освѣженныя водою, и радостно подставляютъ солнцу свои лица и здоровыя тѣла.

Очутившійся тутъ же фотографъ хочетъ воспользоваться счастливой минутой и снять ихъ, но онѣ испуганно закрываютъ лица и разсыпаются въ разныя стороны.

Я спускаюсь внизъ.

Сыростью камней и свѣжестью воды охватываетъ меня у источника, который бѣжитъ отсюда наружу, и убѣгающія струи шепчутъ вѣщую сказку жизни. Да будетъ благословенна чистота благословеннаго источника!..

Торжества.

На Страстной торжества шли за торжествами.

Въ четвергъ у Гроба Господня происходило омовенiе ногъ.

Какъ и на всѣ подобныя религiозныя церемонiи, приходилось запасаться билетомъ.

День былъ облачный, довольно свѣжiй. Я съ трудомъ пробирался черезъ площадку у храма Воскресенiя на кровлю греческаго монастыря, гдѣ были поставлены для зрителей скамьи въ нѣсколько рядовъ, и ахнулъ отъ удивленiя, оглянувшись вокругъ.

Казалось, тысячи грачей прилетѣли сюда и нетолько закрыли самую площадку, но и всѣ карнизы, всѣ выступы, крыши, купола храма и даже крестъ.

Повсюду чернѣли, шевелились и галдѣли люди, какимъ-то чудомъ лѣпясь на ужасной высотѣ на скользкихъ каменныхъ выступахъ и покатостяхъ крышъ.

Отъ одного вида кружилась голова, и это состоянiе еще увеличивалось отъ безпокойнаго восточнаго шума.

Посреди площади стоялъ помостъ, покрытый старымъ, истоптаннымъ ковромъ. На немъ—въ два ряда скамьи съ двѣнадцатью подушками, и посреди помоста большой серебряный кувшинъ и тазъ для омовенiя ногъ.

Слѣва отъ входа въ храмъ, у стѣны, было воздвигнуто возвышенiе, и подъ нимъ привязано масличное дерево, знаменующее собою Геѳсиманскiй садъ.

Я сидѣлъ рядомъ съ цѣлымъ турецкимъ гаремомъ, охраняемымъ евнухомъ. Турчанки, закутанныя въ свои черныя чадры, съ любопытствомъ поблескивали глаза-

ми, живо переговаривались и курили папиросы, украдкой поднимая свои сѣтчатые изары.

Ждать приходилось очень долго. Турецкая стража устала отъ криковъ и борьбы съ напиравшей на помостъ толпой, которая все прибывала и, какъ свинцовая дробь, забила сплошь даже узкую сосѣднюю улицу. Орелъ летѣлъ высоко надъ этой толпой. Зоркіе глаза увидѣли копошащуюся массу, и онъ, вѣрно, подумалъ, что это—сбитое въ кучу стадо. Какъ-то сразу взмылъ въ высоту и долго кружился надъ нами легко и плавно, изрѣдка освѣщаемый солнцемъ, которое въ ярко-синихъ провалахъ вырывалось изъ клубившихся тучъ.

Но скоро тучи совсѣмъ закрыли солнце, и сталъ ощутительнѣе холодный сѣверо-западный вѣтеръ. Упали первыя капли дождя. Мои сосѣдки раскрыли ярко-красные зонтики, которые орлу съ высоты, вѣрно, казались цвѣточками мака. И такіе же зонтики появились внизу.

Съ кавасомъ впереди, громко стучавшемъ булавой о каменныя плиты, прошелъ нашъ архимандритъ о. Леонидъ. Онъ долженъ нынче изображать въ этой церемоніи апостола Петра. Сѣдая борода, высокій клобукъ... Типичное священническое лицо. Кто бы могъ подумать, что этотъ духовный пастырь—по образованію инженеръ-технологъ и до 37 лѣтъ служилъ химикомъ на мануфактурной фабрикѣ Морозовыхъ!

Появились греческіе монахи. Кое-кто изъ нихъ усѣлся подъ помостомъ и украдкой, пряча папиросу въ свой широкій рукавъ, курилъ.

Молоденькій англійскій пасторъ, въ плоской четыре-угольной шапочкѣ, усѣлся на самомъ помостѣ и наблюдаетъ картину.

Наконецъ, подъ звонъ колоколовъ, съ пѣніемъ пѣвчихъ изъ глубины отверстаго входа храма появились кавасы въ расшитыхъ курткахъ. Черныя рясы и красныя, расшитыя золотомъ, ризы. Заколебались хоругви

и заблестѣла парча. Тяжелая серебряная митра патріарха сіяетъ серебромъ, золотомъ и драгоцѣнностями.

Нашъ архимандритъ уже въ полномъ облаченіи первый подошелъ къ помосту: «Петръ» убѣдился, что все готово для омовенія ногъ и пошелъ сообщить объ этомъ «Господу». Явившагося затѣмъ въ сопровожденіи учениковъ патріарха разоблачили, оставивъ съ обнаженной головой, въ бѣломъ одѣяніи, препоясанномъ полотенцемъ. На возвышеніе слѣва вошелъ греческій священникъ и сталъ читать соотвѣтствующія главы Евангелія.

Пѣвчіе запѣли «Киріе Элейсонъ». Священники, посмѣиваясь, стали разуваться, и церемонія началась.

Пошелъ сильный дождь.

Я порядочно продрогъ.

Но уйти, протиснуться въ этой толпѣ было невозможно. Приходилось ждать конца.

Вдругъ я чувствую, чья-то осторожная рука касается плеча моего.

Оглядываюсь и вижу: простая женщина-паломница протягиваетъ мнѣ теплый пуховый платокъ и говоритъ:

— Вы, видимо, прозябли, господинъ. Такъ и простудиться нетрудно. Не погнушайтесь моимъ платкомъ.

— А какъ же вы?

— У меня кофта теплая. Надѣньте его.

Я взялъ ея платокъ и набросилъ его на плечи.

Если у меня осталось трогательное воспоминаніе объ этомъ утрѣ, такъ я обязанъ имъ этой доброй женщинѣ. Вся же церемонія омовенія ногъ съ жалкими греческими пѣвчими и шумливой, нелѣпой, празднично-настроенной толпой не произвела на меня никакого впечатлѣнія.

Благодатный огонь.

Наканунѣ пасхальной субботы, этого торжественнаго дня полученія Благодатнаго огня, я вечеромъ зашелъ въ храмъ Гроба Господня.

Тамъ уже было множество народа, спѣшившаго занять мѣста на завтра. И, можетъ быть, потому это горькое и подавляющее чувство неловкости, которое я всегда испытывалъ здѣсь въ первыя минуты, на этотъ разъ оказалось длительнѣе и острѣе.

Въ праздномъ движеніи по храму шумливой и полудикой толпы, въ этихъ развалившихся, скорченныхъ, спящихъ и сидящихъ по-домашнему чуть ли не у самаго алтаря фигурахъ, въ разбросанныхъ повсюду одѣялахъ и подушкахъ, на которыхъ разноцвѣтными пятнами шевелились арабы, копты, греки, русскіе крестьяне, даже чернокожіе, было что-то, напоминающее таборъ. Недоставало только костровъ, да вмѣсто звѣзднаго небеснаго купола надъ всѣмъ этимъ сбродомъ смутно темнѣлъ ободранный куполъ храма Воскресенія, и мрачно стояли старыя грязныя стѣны съ глубокими нишами, лѣстницами и зіяющими ходами въ пещеры и подземелья.

Смутно свѣтились кое гдѣ разноцвѣтныя лампады. Еле освѣщалась даже Кувуклія Гроба Господня, вокругъ которой сплошной массой шевелились пріѣхавшіе изъ Египта копты. Самое веселое мѣсто было, несомнѣнно, при входѣ, неподалеку отъ камня Мѵропомазанія, гдѣ,

съ одной стороны, тоже совсѣмъ по-домашнему, расположились турки—хозяева храма, съ другой—греческіе монахи или, какъ называютъ здѣсь это отдѣленіе храма, небесная канцелярія. Тутъ продавали на завтра мѣста, и шла оживленная торговля на поминовеніе.

Записывали желающихъ вѣчнаго поминовенія и поминовенія временнаго. И за то и за другое брали соотвѣтствующую плату, при чемъ торговля шла съ запросомъ и уступкой. Шумѣли, спорили, ссорились, приходили, уходили. Иные, даже изъ христіанъ, забывали въ самомъ храмѣ снимать шапки. А, между тѣмъ, служки церковные готовились ко всенощной съ Плащаницей и носились по церкви со свѣчами, лѣстницами и прочими атрибутами. Я не сталъ дожидаться богослуженія и ушелъ домой съ стѣсненнымъ сердцемъ.

Въ субботу утромъ, часовъ въ 10, двинулись съ кавасами на раздачу Благодатнаго огня.

Утро было солнечное, сухое и обѣщало жаркій палестинскій день. Десятки нищихъ, явившихся на эти дни со всѣхъ окрестностей, въ лохмотьяхъ, съ скрюченными руками и ногами, бросались навстрѣчу и подъ ноги, показывая свои искалѣченные члены, обнажая свои язвы.

— Хаджа... Милость... Спасибо... Христосъ!...—выбрасывали они всѣ русскія слова, извѣстныя имъ, и ударяли о камни своими жестяными кружками и тарелками. Рѣзкій металлическій звонъ вмѣстѣ съ ихъ преувеличенно-жалобными воплями и зазывающими криками лавочниковъ провожали насъ всю дорогу. Хотѣлось скорѣе убѣжать отъ этой музыки, но грязныя, цѣпкія, худыя руки хватались за платье, а ноги скользили по излизаннымъ ногами, отшлифованнымъ до блеска неровнымъ камнямъ безобразной мостовой. Площадка храма... Опять нищіе, богомольцы, продавцы напитковъ и всякой мелочи. Турецкіе солдаты. Шумъ, какъ на базарѣ.

— Берегитесь воровъ!—предупреждаетъ кавасъ.

Каждый день только и слышишь о разныхъ воровствахъ. Да и самого каваса обокрали въ этотъ день карманники.

Наши охранители идутъ одни впереди, другіе позади. На всякій случай сопутствуетъ даже огромнаго роста арабъ, приглашенный только ради этой оказіи. Предстоитъ нешуточное дѣло. Я не безъ грусти разстаюсь съ сіяющимъ солнцемъ и синимъ небомъ. Достаточно перешагнуть порогъ храма, чтобы сразу попасть въ другую атмосферу. И шумъ здѣсь другой.

И опять полутьма, сѣрыя облѣзлыя стѣны со слѣдами потековъ; всѣ въ копоти, ссадинахъ и язвахъ. Ободранный куполъ, полуоблѣзлая живопись на стѣнахъ. И все—вверху, внизу—затоплено толпой,—мутной, черной, ожесточенной, куда-то рвущейся толпой, которая становится безпощадной и страшной въ своихъ тревожныхъ колыханіяхъ.

Больше всего женщинъ,—женщинъ всѣхъ націй, и по преимуществу пожилыхъ и старыхъ женщинъ. Онѣ стараются пристать къ нашей компаніи, чтобы пробраться...—куда?—онѣ не знаютъ еще этого сами. Все равно, разъ съ нами кавасы, значитъ—насъ ведутъ куда-то, гдѣ во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ здѣсь.

Ихъ оттираютъ, но онѣ съ умоляющими лицами тянутся опять. Идемъ, какъ сквозь строй. Кто-то хватаетъ меня за руку. Я вижу женщину въ сѣромъ платьѣ и бѣломъ сбившемся на сторону платкѣ. Лицо ея потно, красно и искажено истерической гримасой: вотъ-вотъ разрыдается.

Я сторонюсь, чтобы, насколько возможно, дать ей дорогу, и съ ужасомъ вижу, что она беременна.

— Что же это такое, Господи?—бормочетъ она, указывая движеніями на массивную даму въ бѣломъ, съ большой шляпой на растрепавшихся волосахъ.—Она меня ударила... Развѣ это возможно? Она вообразила, что я въ платкѣ, такъ значитъ, простого званія.—А я помѣ-

щица... Меня тутъ многіе знаютъ... Я шестой разъ здѣсь.. Я—благородная.

Она спѣшитъ высказать все это въ истерической обидѣ, между тѣмъ какъ толпа несетъ насъ куда-то въ сторону, потомъ вверхъ по узкой лѣстничкѣ.

Она можетъ искать еще сочувствія!.. Помнить о своемъ достоинствѣ! Я никакъ не могу понять, что это такое.

Итти въ эту давку въ такомъ положеніи! Шестой разъ! Что же это такое?.. Неужели вѣра? Безуміе!

Наконецъ, мы попадаемъ, задыхающіеся и измятые, куда-то наверхъ, на какіе-то хоры, которые узкимъ горбатымъ мостикомъ висятъ поперекъ церкви на ужасной высотѣ. Прямо подъ нами—сплошная колышущаяся масса головъ и плечъ. И, куда ни посмотришь,—вездѣ такая же масса: на хорахъ, идущихъ вокругъ всего храма, въ простѣнкахъ, въ ложахъ, въ нишахъ, на лѣстницахъ... Говорятъ, здѣсь нынче до восьми тысячъ народа.

Черныя, грязныя стѣны, рѣшетки, цѣпи... Все мрачно, какъ въ древнемъ казематѣ. И въ забитыя желѣзными рѣшетками окна какъ будто не смѣютъ проникнуть солнце и свѣжій воздухъ.

Душно и смрадно.

Громадныя люстры въ красныхъ чехлахъ, на желѣзныхъ цѣпяхъ свѣшиваются съ купола надъ этой сплошной массой человѣческихъ тѣлъ. Если сорвется хоть одна изъ нихъ, она раздавитъ сотни людей.

Вчера во время всенощной оборвалась большая горящая лампада на Голгоѳѣ. По счастью, падая, она зацѣпилась цѣпью за другую и повисла. Пролилось только горящее масло и причинило ужасные обжоги.

Надъ нами сбоку—ложа на желѣзныхъ опорахъ, но стѣна дала громадную трещину. Въ ложѣ сидятъ монахини, и къ нимъ прибываютъ все новыя и новыя лица. Прямо передъ нами вдали, за другимъ, такимъ же, какъ нашъ, но только совсѣмъ низко поставленнымъ мости-

комъ—Кувуклія Гроба Господня. Тамъ и должно совершиться чудо. Послѣ крестнаго хода тамъ долженъ вспыхнуть въ запечатанной часовнѣ огонь, упавшій съ неба, и оттуда патріархъ передаетъ его толпѣ.

Тысячи глазъ жадно устремлены туда. Но намъ съ нашего балкона мѣшаютъ глядѣть впередъ деревянные ангелы съ распростертыми крыльями. Надо найти мѣстечко между этими крыльями, на которыхъ виситъ паутина, и толстымъ слоемъ лежатъ пыль и копоть.

Какъ разъ посрединѣ толпа раздѣлена какъ бы коридоромъ—отъ Кувукліи вплоть до алтаря храма. Тяжелый гулъ наполняетъ стѣны, гулъ огромной, нетерпѣливой, раздраженной и жадно ожидающей чуда толпы, которой трудно дышать въ этой давкѣ.

Но ждать приходится долго. Беременная женщина, очутившаяся также на нашемъ мостикѣ, разсказываетъ опять сочувствующимъ о томъ, какъ ее обидѣли, принявъ за простую, между тѣмъ какъ она благородная. Теперь ужъ она истерически всхлипываетъ и увѣряетъ, что это въ первый разъ случилось изъ тѣхъ шести разъ, что она была здѣсь.

Другая около меня также пытается вызвать вниманіе къ себѣ. Она жалѣетъ всѣхъ находящихся здѣсь и себя также. Она тоже чуть ли не въ пятый разъ здѣсь и всегда устраивалась отлично.

— Я по своему положенію принадлежу къ обществу. Меня даже консулъ къ себѣ два раза приглашалъ. Я и у архимандрита бываю.

Воробей влетаетъ въ одно изъ оконъ, носится нѣкоторое время подъ куполомъ и, наконецъ, какъ пуля, летитъ въ другое открытое окно.

Дѣтскіе глаза увидѣли птицу. Дѣтскіе голоса привѣтствуютъ ее. Боже мой, зачѣмъ дѣтей-то притащили сюда?

Снаружи, съ какихъ-то крышъ, возвышеній и карнизовъ, сквозь желѣзныя рѣшетки протягиваются руки съ

кувшинами и кружками: туда забрались торговцы напитками и просто водой и продаютъ жаждущимъ.

Ждать становится все тяжелѣе. Въ голову поневолѣ лѣзутъ мысли о томъ, какая страшная катастрофа каждую минуту можетъ разразиться тутъ.

Скорѣе бы все началось!

Пронзительный колокольный звонъ раздается совсѣмъ близко отъ насъ и какъ будто падаетъ въ толпу, которая качается во всѣ стороны, какъ черный студень. То бѣлое, что вкраплено въ эту темную массу,—пучки свѣчей въ рукахъ почти каждаго паломника. По числу лѣтъ Христовыхъ—по тридцать три свѣчи въ каждомъ пучкѣ.

И вотъ я вижу, наконецъ, какъ внизу, передъ самой Кувуклiей, гдѣ шевелятся красныя фески турецкихъ солдатъ, мелькнули черныя рясы монаховъ и затканныя золотомъ ризы. Поднялись и заколебались малиновыя, разрисованныя хоругви.

Громадная драгоцѣнная митра патрiарха блеснула на бѣлыхъ волосахъ. Вскрикнули пѣвчiе, и пошелъ вокругъ часовни крестный ходъ.

Приливы шума становятся все тревожнѣе, и эту тревогу усиливаетъ перезвонъ колоколовъ, который все растетъ. Что тамъ творится еще? Кажется, что съ патрiарха не снимаютъ, а срываютъ митру и облаченiе, даже обувь, турецкiе солдаты. Почему такая поспѣшность? Толпа распалена и торопитъ.

Я вижу—патрiархъ остается во всемъ бѣломъ, и бѣлые сѣдые волосы разсыпаются вокругъ лысѣющей головы. Онъ опрометью бросается въ Кувуклiю. Все какъ будто замираетъ на одну-двѣ минуты.

И вдругъ колокола еще пронзительнѣе, оглушительнѣе вскрикиваютъ сотней высокихъ безумныхъ голосовъ. Пламя свѣта поднимается надъ Кувуклiей, и въ ту же минуту, сливаясь съ переходящимъ въ дикiй набатъ звономъ, грохочетъ ревъ многотысячной толпы.

Около Кувукліи страшное смятеніе—давка. Тамъ уже идетъ звѣрская драка между сирійцами и коптами изъза священнаго огня.

И вдругъ бѣлая фигура съ сѣдыми растрепанными волосами, съ двумя пылающими факелами въ рукахъ, вырывается изъ Кувукліи и бросается къ алтарю между двухъ колышущихся людскихъ стѣнъ. Десятки турецкихъ солдатъ расчищаютъ ему путь и охраняютъ его отъ неистовствъ изступленной толпы, которая иначе растоптала бы старика въ стремленіи воспользоваться огнемъ изъ его рукъ. Но въ то время, какъ онъ вмѣстѣ съ солдатами врывается въ алтарь, гдѣ его уже ждутъ греко-уніатскій, армянскій и абиссинскій архимандриты, также съ пучками незажженныхъ свѣчей,—пламя, полученное отъ патріарха раньше изъ круглыхъ отверстій часовни, разливается по всей церкви огненнымъ озеромъ, и начинается зловѣщая, мрачная оргія огня.

Изступленная толпа машетъ своими громадными факелами, чтобы они скорѣе разгорѣлись, умывается этимъ пламенемъ и опаляетъ себѣ лица, волосы, одежду. Огненными факелами дѣлаютъ крестное знаменіе, гасятъ ихъ и зажигаютъ снова, и опять гасятъ, и такъ до трехъ разъ. Крики становятся бушующими, какъ огонь, и огонь кажется кричащимъ. Колокола визжатъ и стонутъ и вопятъ, какъ будто въ безумномъ припадкѣ, и такой же припадокъ начинаетъ овладѣвать всей этой бушующей человѣческой толпой.

Въ клокотаніи огня, въ чаду и дыму, который становится все гуще, все удушливѣе, люди кажутся какими-то извивающимися и копошащимися червями. Сквозь дымъ, клубящійся надъ нами, они сливаются уже въ одну ревущую массу, и пламя огней задыхается отъ ихъ криковъ и дыма. По крайней мѣрѣ, свѣчи на часовнѣ гаснутъ, и вотъ сверху въ эту копошащуюся массу летятъ огненныя хлопья: это загораются бумага, вата и тряпки, которыми тушатъ свои свѣчи наверху.

Вотъ-вотъ люди начнутъ задыхаться и бросаться другъ на друга и внизъ хочется крикнуть:—довольно! И довольно не только потому, что трудно дышать, а потому, что совершается нѣчто безобразное, отвратительное, дико-языческое.

Что это такое? Для чего это? Во имя чего?

Гдѣ въ религіи, въ Евангеліи указаніе на подобное торжество?

Если это символъ небесной благодати, то для чего эта комедія раздѣванія патріарха турецкими солдатами и обыскиваніе его, чтобы онъ, дескать, не протащилъ спичекъ?

Это дикое зрѣлище несовмѣстимо не только съ религіей, но и съ достоинствомъ духовнаго лица столь высокаго сана. Да просто даже съ достоинствомъ человѣка! Поневолѣ приходится думать, что вся эта варварская комедія ведетъ къ тому, чтобы обморочить народъ. И гдѣ же это происходитъ? У Гроба Господня, да еще въ такое время! Я вспоминаю негодованіе священника въ Іерихонѣ, изливавшаго передо мной свою душу послѣ того, какъ греческій архимандритъ откровенно засмѣялся на его вопросъ о томъ: какъ нисходитъ Благодатный огонь?

Можетъ быть, въ народной потребности чуда находятъ оправданіе и сами дѣлатели Благодатнаго огня.— Но въ такомъ случаѣ они избрали плохой путь. Гнилыя подпорки слѣдовало бы замѣнить новыми, болѣе стойкими. Или они полагаютъ, что на ихъ вѣкъ хватитъ, а дальше имъ нѣтъ никакого дѣла? Но арабская мудрость гласитъ: «Богъ слишкомъ великъ, чтобы приписывать ему то, что̀ они дѣлаютъ Его именемъ». И если такія выдумки поддерживаются самой толпой, то ею онѣ и разрушаются, а такого рода разрушенія рѣдко обходятся безъ катастрофъ.

Неби Муса.

Накануне Пасхи черезъ Іерусалимъ и изъ Іерусалима громадныя толпы мусульманъ отправляются въ Іудейскія Горы. Тамъ, между Іерихономъ и Краснымъ моремъ, въ дикой и мрачной мѣстности, будто бы находится могила пророка Моисея, и мусульманскіе паломники стекаются туда со всѣхъ концовъ Палестины.

Происхожденіе этого торжества, однако, скорѣе политическое, чѣмъ религіозное: мусульманскія власти, опасаясь громаднаго стеченія христіанскихъ паломниковъ, придумали это торжество, совпадающее съ днями нашей Пасхи, и даже указали ради этого мѣсто могилы Моисея. Но и по Библіи извѣстно, что могила Моисея сокрыта отъ глазъ смертныхъ. Еврейская легенда такъ гласитъ объ этомъ:

«Облобызалъ Господь Моисея—и лобзаніемъ принялъ душу его. И похоронилъ его въ долинѣ, въ землѣ Моавитской, противъ Бетъ-Пэора».

Посылали когда-то изъ Рима къ гарнизону Бетъ-Пэорскому съ запросомъ: «Укажите, гдѣ погребенъ Моисей?» Но указать никто не могъ: стоятъ на горѣ—могила видна въ долинѣ; сойдутъ въ долину—могила видна на горѣ. Раздѣлятся на двѣ группы—тѣмъ, которые наверху, кажется, что могила внизу, а тѣмъ, которые смотрятъ внизу, могила виднѣется наверху. И никто не знаетъ мѣста погребенія до настоящаго дня.

«Ради чего скрыта могила отъ глазъ человѣческихъ? Того ради, что открыто и вѣдомо было Всеблагословенному, что храмъ имѣетъ быть разрушенъ и народъ изгнанъ изъ земли своей; не пришли бы тогда на могилу

Моисея, плача и моля:«Моисей! Учитель нашъ! Встань, молись за насъ!» И, вставъ изъ могилы, не вымолилъ бы Моисей отмѣны рокового приговора: ибо праведники угодны Господу послѣ смерти еще болѣе, чѣмъ при жизни своей».

Въ этотъ день, назначенный для выхода мусульманъ изъ Іерусалима къ могилѣ Моисея, небо съ утра таило въ своихъ тучахъ ливень и грозу; иногда, свѣтясь радугой, шелъ дождикъ сквозь солнце, но это не могло напугать народъ: пестрыя, ярко-красныя толпы его сплошь заняли все пространство вдоль іерусалимской стѣны до подошвы Елеона.

На холмахъ и равнинѣ, на стѣнахъ и крышахъ—всюду шевелились паломники и любопытные, а вдоль дороги вопили и стучали жестяными кружками прокаженные. Въ мечети Омара шло богослуженіе, а на крѣпости развѣвались турецкіе флаги. И вотъ, въ то время, какъ загремѣли пушки, возвѣщавшія конецъ молитвы, загрохоталъ громъ въ небѣ, засверкала молнія и ударилъ ливень.

Толпа съ ревомъ бросилась бѣжать, ища пріюта отъ дождя. Буря трепала палатки, вырывала цвѣтные зонтики и несла ихъ по воздуху. Но какъ разъ въ эту минуту началось шествіе; подъ грохотъ барабановъ и однообразные звуки восточной музыки безконечное шествіе съ знаменами двинулось по дорогѣ. Какъ смерчи, закружились арабскія лошади, потянулись караваны верблюдовъ и осликовъ, и гулъ многотысячной праздничной восточной толпы слился съ перекатами громовъ и шумомъ бури въ деревьяхъ.

Но особеннаго подъема достигъ восторгъ толпы, когда заколыхались надъ сплошнымъ полемъ красныхъ музыкантскихъ фесокъ четыре зеленыхъ знамени изъ Мекки.

Впереди шли дѣти, за ними паломники, образовавшіе кругъ; они всплескивали руками, дико вскрикивали

подъ неистово визжащіе звуки музыки, скакали въ буйномъ экстазѣ и кололи себя кинжалами и рѣзали шашками.

Въ серединѣ круга, какъ безумный, весь голый, буйно плясалъ и скакалъ мусульманинъ-фанатикъ, и иногда толпа подхватывала его и несла на головахъ, не стыдящагося своей наготы...

И странно и дико было видѣть эту безконечную процессію: это, скорѣе, языческое, чѣмъ мусульманское торжество, у Кедронскаго потока, у Гефсиманскаго сада, гдѣ древнія маслины какъ будто хранили воспоминанія о тихой молитвѣ, о кровавыхъ слезахъ Христа.

Процессія все удалялась, и вѣтеръ гналъ вслѣдъ за ней тяжелыя черныя тучи и колыхалъ разноцвѣтныя знамена; и такъ же, какъ поле цвѣтовъ, среди котораго красными полянами мака блестѣли фески, колыхались головы толпы,—въ то время, какъ надъ Іерусалимомъ, освобождаясь отъ тучъ, ярко синѣло небо.

Горняя.

Дулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ и комкалъ на небѣ облака, когда я поѣхалъ въ Горнюю.

Іерусалимъ имѣлъ будничио-сѣрый, непривѣтливый видъ, и хотѣлось вырваться изъ него на волю, гдѣ природа улыбнулась бы хоть такъ, какъ нынче иногда улыбалось вырывавшееся изъ-за тучъ солнце.

Я выѣхалъ изъ Іерусалима черезъ Виѳлеемскія ворота, и вдругъ все какъ-то сразу повеселѣло передъ моими глазами. Даже небо широко очистилось и засіяло той густой сочной синевой, которая кажется прозрачной и зыблющейся, какъ синева моря въ ясную погоду. Веселѣе забѣлѣла дорога; толстый монахъ ѣхалъ по ней на осликѣ. Осликъ былъ маленькій, ноги монаха чуть не касались земли, и оттого казалось, что осликъ на шести ногахъ. Это было забавное пятно среди пейзажа, украшеннаго только дикими, хаотически навороченными, камнями. Но природная каменоломня тянулась недолго. Окруженныя низко упавшими тучами, выступили горы, на гребняхъ которыхъ темнѣли одинокія деревья, а по склонамъ, красновато-бурымъ, какъ ржавчина, желтѣли террасами хлѣба. Печальны Іудейскія горы, но тутъ онѣ казались болѣе живыми и мягкими. Старыя масличныя рощи мѣстами придавали имъ даже поэтическій видъ, особенно тамъ, гдѣ бѣлѣли арабскія деревни.

Такъ иногда птичье гнѣздо или мохъ придаютъ нѣкоторое очарованіе суровымъ крѣпостнымъ стѣнамъ.

Но когда не болѣе, чѣмъ черезъ часъ ѣзды, я увидѣлъ съ высоты Горнюю, — послѣдніе слѣды этой суровости сразу исчезли. Что за славное зеленое и симпатичное мѣсто! Настоящій оазисъ среди горъ, которыя здѣсь привлекаютъ нѣжностью своихъ красокъ и плавными переливами линій, какъ-будто вычерченныхъ спокойной рукой, широко и свободно водившей рѣзцомъ.

Я мало думалъ о томъ, что Горняя въ библейскія времена была виднымъ городомъ іудинымъ. Но здѣсь родился Іоаннъ Креститель, здѣсь Дѣва Марія встрѣтилась со Своею родственницей Елисаветой, матерью Іоанна Крестителя. Поразительна встрѣча этихъ двухъ женщинъ, чуявшихъ, что ихъ отнынѣ связали узы, безконечно болѣе крѣпкія, чѣмъ узы крови. Въ вдохновенномъ предвѣдѣніи Елисавета обратилась къ своей Гостьѣ съ восторженнымъ привѣтствіемъ:

«Благословенна Ты между женами, и благословенъ Плодъ чрева Твоего. И откуда это мнѣ, что пришла Матерь Господа Моего ко мнѣ?»

И Марія, покоренная ея экстазомъ, воскликнула:

«Величитъ душа Моя Господа, и возрадовася духъ Мой о Богѣ-Спасѣ Моемъ, что призрѣлъ Онъ на смиреніе Рабы Своей, ибо отнынѣ Блаженною нарекутъ Меня всѣ народы».

Мнѣ съ такой поразительной ясностью рисуется вся эта сцена, точно я видѣлъ ее вчера во снѣ. Двѣ молодыя смуглыя женщины съ большими восточными глазами, мечтательныя и кроткія, сердцами почувствовали великую тайну, сблизившую ихъ пути. Предчувствовали ли онѣ также въ свѣтлыя мгновенія этой встрѣчи то, что̀ было предсказано одной изъ нихъ съ такой трагической безпощадностью: «Оружіе пронзитъ сердце Твое?» Трепетали ли онѣ въ материнскомъ инстинктѣ передъ кровавою судьбою, ожидающею ихъ дѣтей?

Три мѣсяца прожила Марія у Елисаветы, помогая ей въ хозяйствѣ, и каждый день спускалась внизъ по

дорожкѣ къ источнику съ водой съ большимъ глинянымъ кувшиномъ на головѣ.

Когда я увидѣлъ этотъ источникъ, время исчезло для меня. Онъ такой древній, что и то, что происходитъ около него, кажется не нынѣшнимъ, а современнымъ Христу, и самъ я какъ-будто живу въ то время, оттого и не удивляюсь евангельскимъ сказаніямъ. Женщины, робкія и граціозныя, какъ дикія серны, наполняютъ у этого источника свои кувшины водой и полощутъ тутъ же бѣлье и судачатъ между собою. Но достаточно появиться мужчинѣ, какъ онѣ пугливо смолкаютъ и прячутся одна за другую и закрываютъ свои смуглыя лица или торопливо исчезаютъ на тропинкахъ и дорогахъ, поднимающихся отсюда вверхъ.

Горняя лежитъ въ глубокой долинѣ, и самое низкое мѣсто на ней, это—ея источникъ. Отсюда дома и сады расползаются вверхъ по горамъ, стараясь укрыться за своими густыми покрывалами, какъ восточныя женщины. Только церкви и монастыри, похожіе на крѣпости, поднимаются съ торжествомъ надъ бѣдными восточными домами, а возлѣ нихъ, какъ черные стражи, стоятъ кипарисы.

Русскій женскій монастырь въ Горней также расположенъ на верху. Церковь очень симпатичная и свѣтлая, а вокругъ нея кельи духовенства и монахинь, общежитіе для пріѣзжающихъ. На самой высшей точкѣ Горней построена бывшимъ архимандритомъ, о. Антониномъ, башня, съ которой видно море.

Полевые цвѣты, анемоны, цикламены, дикія розы, маргаритки, мальвы всюду, гдѣ не протоптана тропинка, сіяютъ изъ травы и вырываются изъ-подъ камней. Я сорвалъ одинъ цвѣтокъ цикламенъ и положилъ его въ свою записную книжку среди тѣхъ листковъ, гдѣ дѣлалъ замѣтки о Горней. И вотъ теперь, когда пишу эти строки, высохшій цвѣтокъ напоминаетъ мнѣ такъ ясно этотъ цвѣтущій уголокъ. Такой ли былъ этотъ городокъ

въ то время, когда родился тотъ, кто послужилъ Предтечею Христа? Городокъ могъ быть больше или меньше, но природа его, навѣрное, была такая же. И теперь тутъ есть очень древнія деревья. Да, природа была здѣсь такая же свѣтлая и цвѣтущая.

Но въ противоположность образу Христа, Который и Самъ былъ свѣтелъ и ясенъ, какъ цвѣтокъ, Креститель Его съ дѣтскихъ лѣтъ былъ замкнутъ и суровъ. Онъ уходилъ изъ этого зеленаго уголка въ пустыню, гдѣ ни птицы, ни цвѣты не мѣшали его аскетическимъ размышленіямъ, и тамъ готовился къ своей великой миссіи, къ утвержденію Того, передъ Кѣмъ онъ считалъ себя недостойнымъ развязать ремень обуви Его.

Болѣе чѣмъ за часъ пути отсюда, среди безжизненныхъ горъ, на гребнѣ горнаго кряжа, есть пещера, гдѣ, по преданію, скрываясь изъ родительскаго дома, проводилъ Іоаннъ бо̀льшую часть времени отъ семилѣтняго возраста до восемнадцати лѣтъ. Встрѣчались ли въ это время Іоаннъ съ Христомъ,—Евангеліе ничего не говоритъ намъ. Надо думать, что встрѣчались. Горняя такъ близка отъ Іерусалима, гдѣ Христосъ и въ дѣтствѣ бывалъ на праздникахъ. О чемъ бесѣдовали между собою два отрока, предназначенные къ высокой цѣли спасенія человѣчества и обреченные за то на смерть? Видѣли ли они другъ въ другѣ то, чѣмъ явились передъ прозрѣвшими глазами человѣчества черезъ нѣсколько лѣтъ? Можетъ-быть, около этой дикой пещеры надъ ручьемъ, который и теперь протекаетъ внизу, Іоаннъ и Іисусъ, какъ два брата по духу, взглянули другъ другу въ глаза и, потрясенные, обратили ихъ къ небу съ покорнымъ смиреніемъ: «Да будетъ воля Твоя!»

Склонялось солнце за мрачныя іудейскія горы, и потокъ казался кроваво-краснымъ, и въ пылающемъ огнѣ заката двое сіяли радостью и вдохновеніемъ, какъ провозвѣстники новой жизни для міра. И въ кроваво-красномъ ручьѣ голова одного изъ нихъ отражалась

на волнѣ, какъ на блюдѣ. Другой, съ поднятыми къ небу руками, казался въ ручьѣ распятымъ на Крестѣ, и теплыя струйки крови бѣжали изъ рукъ и ногъ Его, пронзенныхъ гвоздями.

Вечеромъ я покидалъ Горнюю. Небо опять покрылось тучами. Еще сильнѣе подулъ вѣтеръ, и пошелъ дождь. Но въ моемъ воспоминаніи я уносилъ впечатлѣніе нѣжное, какъ тотъ цвѣтокъ, который сорвалъ я среди камней, и это впечатлѣніе останется со мною навсегда.

Геѳсиманія.

I.

Я не знаю происхожденіе этого слова, но самые его звуки, ихъ внутренняя музыка такъ удивительно соотвѣтствуютъ тому, что открывается за нимъ, что кажется, будто оно предназначено къ тому свыше.

«Геѳсиманія!»—произношу я вслухъ, и душа моя наполняется печалью и нѣжностью.

Съ глубокой тоской похороннаго звона оно невыразимо соединяетъ въ себѣ кротость весеннихъ звѣздъ, ароматы первыхъ цвѣтовъ и травъ и безмолвіе ночи, знающей великую тайну. Это слово—цѣлая поэма божественной скорби, и когда мнѣ въ Іерусалимѣ такъ просто указали и равнодушно произнесли «тамъ Геѳсиманія», мнѣ показалось это почти святотатствомъ. Я поспѣшилъ избавиться отъ непрошенной услужливости и остался одинъ.

«Какая досада!—съ раздраженіемъ думалъ я.—И кто просилъ!»

Мнѣ представлялось, что я самъ узнаю, почувствую это мѣсто, когда буду подходить къ нему, или случайно ступлю на его землю. Ребячество? Но есть чудеса, въ которыя хочешь вѣрить, когда дѣло касается тонкостей, трудно опредѣлимыхъ словомъ, однако, свойственныхъ душѣ, не вполнѣ свободной отъ мистическихъ порывовъ.

Оставшись одинъ, я не сразу подошелъ къ окну, за которымъ стѣны, крыши и купола іерусалимскихъ хра-

вали отъ глазъ ближайшія окрестности Іерусалима. Среди зданій я узналъ пальму, одну только пальму, и это было непонятно трогательно. Ближе всѣхъ, какъ разъ передо мною, возвышался православный храмъ, ничѣмъ не отличавшійся по своей архитектурѣ и относительной новизнѣ отъ множества другихъ храмовъ. Даже золотисто-сизое рѣяніе сумерекъ не могло затушевать свѣжести его красокъ и банальности линій.

Но дальше вечернія тѣни дѣлали свое дѣло и, покрывая предметы, подобно легкой паутинѣ, сообщали имъ мягкость, пріятную однотонность и воздушность. Даже красноватыя пятна крышъ не бросались теперь въ глаза съ той свѣтящейся яркостью, какъ это всегда бываетъ на югѣ днемъ; онѣ приняли лиловатый вечерній тонъ и подчеркивали даль, за которой обрывался городъ и плавно-спокойной линіей поднималась Елеонская гора. Справа, на склонѣ горы и указано мнѣ было мѣсто Геѳсиманскаго сада.

Тамъ сумерки еще не успѣли слить предметы, краски и даже линіи: я издали разбиралъ темныя купы деревьевъ, особенно отчетливо выступавшія возлѣ палевыхъ стѣнъ и такихъ же кубиковъ часовенъ и домовъ, освѣщенныхъ вечерней зарею.

Эти купы деревьевъ и составляли то, что носитъ незабвенное и печальное имя—Геѳсиманія.

Но вотъ заря какъ-то сразу погасла, и вся окрестность потускнѣла и приняла облачный видъ. Только храмъ Вознесенія на вершинѣ Елеонской горы выступалъ еще болѣе плоско и сухо, какъ огромный обелискъ, воздвигнутый надъ гигантской могилой прошлаго.

Несмотря на сумерки, всегда отдаляющія предметы, Геѳсиманія, повидимому, была совсѣмъ близко и, казалось, оттуда рукой подать до вершины Елеонской горы. По крайней мѣрѣ, я не сомнѣвался, что колокольный звонъ, донесшійся до меня, былъ съ Елеона.

Въ этотъ кроткій часъ, всегда замѣтный даже среди шумной суеты большихъ городовъ, обрывающейся на нѣсколько минутъ, какъ-бы для раздумья или молитвы, тишина особенно чутко и внимательно приняла далекій звонъ колокола съ Елеонской горы.

Но, въ то самое время, какъ я вслушивался въ этотъ звонъ, звукъ гонга, дробный и частый, какъ будто посыпался на меня и сразу вывелъ меня изъ задумчивости. Это былъ обычный зовъ къ обѣду. Тотчасъ послѣ обѣда я рѣшилъ во что бы-то ни стало пойти въ Геѳсиманію.

II.

Въ дверь мою постучался кавасъ: маленькій, сѣденькій старичекъ, въ пальто съ чужого плеча, тоже какъ будто посѣдѣломъ отъ старости.

«Не грозенъ же мой защитникъ», — подумалъ я.

Но въ рукѣ у него была шапка съ мѣднымъ значкомъ, и, вѣроятно, этотъ значекъ долженъ былъ казаться разбойникамъ страшнѣе всякаго оружія.

— Вотъ, — объяснилъ я ему, — вы меня проведете въ Геѳсиманскій садъ и, можетъ быть, на Елеонскую гору...

— Такъ, такъ, — отвѣтилъ онъ съ полной готовностью. — А почему вы, брато, туда идете? Свѣ (всѣ) ночью туда не идутъ.

Онъ такъ невѣроятно коверкалъ слова, думая, что говоритъ по-русски. Я съ трудомъ понималъ его. Тѣмъ безполезнѣе было ему объяснять.

— Такъ надо.

— Развѣ вы, брато, не боитесь разбойниковъ?

— Не очень. Наконецъ, съ вами мнѣ что же бояться?

— Такъ, такъ, — подтвердилъ онъ, съ добродушной гордостью. —Я, брато, черногорецъ, а черногорцы свѣ ничего не боятся. Ни разбойниковъ, ни даже худого

зрака. Свѣ черногорцы — вояки. Я, — онъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь и поднялъ свою маленькую головку, — я, брато, имѣю за русско-турску войну медали.

— Какъ васъ зовутъ?

— Савва. Свѣ такъ зовутъ: Савва.

— Такъ вотъ, Савва, пойдемъ.

— Пойдемъ, брато.

Я дунулъ на свѣчу, и въ комнатѣ сразу стало темно и холодно. Въ открытое окно тянуло сыростью отъ тучъ, которыя клубились тяжело и удушливо, вспухали и какъ бы разрѣшались новыми тучами. Луна вырвалась изъ-за нихъ и наполнила зеленоватымъ свѣтомъ всю комнату, отчетливо вычерчивая на каменномъ полу правильнымъ параллелограммомъ переплетъ окна.

Вышли наружу.

Было не позже девяти часовъ вечера, но ужъ большинство лавокъ стояли запертыя, и улицы пустѣли. Только на площади, около церкви, тяжело ступая и шаркая по каменнымъ плитамъ, проходили богомольцы. Черная фигура священника двигалась навстрѣчу, вмѣстѣ съ тѣнью, которая какъ-будто дразнила его, повторяя каждое движеніе, каждое трепетаніе его черной одежды, вздымаемой вѣтромъ.

Вѣтеръ дулъ сразу какъ будто со всѣхъ сторонъ, бросался назадъ, заставляя ежиться отъ холода, и взметывался до самыхъ тучъ, разрывая ихъ съ бѣшенымъ безпокойствомъ, какъ будто для того, чтобы взглянуть въ мервенно-блѣдное лицо луны. Слышно было, какъ вѣтеръ вылъ и свистѣлъ, проносясь по узкимъ и кривымъ улицамъ Іерусалима, заражая ихъ мракъ и опустѣлость своей мятущейся тревогой.

Савва, быстро сѣменя рядомъ со мною маленькими, кривыми ногами, продолжалъ разсказывать мнѣ о своихъ воинскихъ доблестяхъ и намѣреніяхъ. Не хотѣлось обидѣть старика и, хотя я понималъ съ трудомъ

его языкъ, похожій на дѣтскій лепетъ, отъ времени до времени, однако, давалъ ему реплики.

Правда, Саввѣ-черногорцу за пятьдесятъ, но, доведись только война съ Турціей, или съ Австріей, онъ и одного часа не проведетъ здѣсь. Пусть онъ будетъ поганый турокъ, а не славянинъ, если останется, когда его братья будутъ сражаться съ врагами.

Савва не забываетъ при этомъ повторять, что онъ — человѣкъ маленькій, но вѣдь и безъ маленькихъ людей не обойдешься на войнѣ. Вотъ жаль только, что сестра Руссія...

Въ кривыхъ щеляхъ улицъ, гдѣ днемъ идетъ шумная торговля разными мелочами и предметами благочестія, предназначенными, главнымъ образомъ, для нищихъ паломниковъ, теперь глухо, темно и сыро. Солнце днемъ бываетъ здѣсь только минутами, а лунный свѣтъ никакъ не можетъ заглянуть сюда со стороны.

Нога спотыкается, скользитъ по мокрымъ и отшлифованнымъ милліонами ногъ камнямъ, которыми какъ будто самъ дьяволъ вымостилъ улицы въ Іерусалимѣ въ насмѣшку надъ людьми. Мостовая то поднимается, то падаетъ, то и дѣло попадаются срывы внизъ со ступеньками и безъ ступенекъ. Хоть бы одинъ фонарь! Того и гляди, сломаешь себѣ ногу.

Пахнетъ грязью, нечистотами, затхлостью жилищъ, гдѣ люди кишатъ днемъ, а ночью спятъ подъ каменными, удушливыми сводами. Пахнетъ всевозможными товарами, и особенно масломъ и свѣжимъ деревомъ.

Изрѣдка изъ-за желѣзной рѣшетки окна свѣтитъ огонь чадной лампы, еле-еле пробиваясь на улицу и еще болѣе наводя тоску на душу. Кажется, что идешь мимо казематовъ, за почернѣлыми, осклизлыми стѣнами которыхъ томятся узники.

Желѣзныя двери, желѣзныя рѣшетки, промозглые камни. Все это не было похоже ни на одинъ видѣнный

мною городъ и, несмотря на всю свою грязь, внушало уваженіе, независимо отъ его прошлаго.

Вотъ особенно сильно запахло деревомъ. Широкая полоса красноватаго свѣта пересѣкаетъ узкую улицу, набитую мракомъ. Открыты широкія двери. Я вижу столярную или плотничную мастерскую, гдѣ работаютъ темнокожіе, усталые люди.

Присматриваюсь, что дѣлаютъ. Гробъ.

Въ Іерусалимѣ много умираетъ, особенно въ это время, и, особенно русскихъ православныхъ паломниковъ. И безъ того изнуренные, они здѣсь подвергаютъ себя добровольному тяжкому посту. Сырые вѣтры, отравленные маляріей и другими заразами, несутъ имъ смерть.

Хочется поскорѣе вырваться отсюда, но изломы узкихъ, темныхъ улицъ крутятъ насъ направо, налѣво, вверхъ, внизъ.

На одномъ изъ поворотовъ неожиданно возникаетъ передъ глазами мутное, длинное пятно; оно скользитъ навстрѣчу: арабъ; полы длиннаго бурнуса слегка задѣваютъ меня въ узкомъ проходѣ.

— Салемъ.

— Салемъ.

Двѣ-три такихъ встрѣчи за все время пути, и опять глухая тишина, въ которой радъ даже собачьему лаю. Иногда старая, низкая арка нависаетъ на пути, и тогда кажется, что входишь въ туннель.

Но вотъ, совершенно неожиданно, около послѣдней арки обрывается узкая улица, и тяжелая городская темнота остается позади.

Мы вошли въ древнія Дамасскія ворота. Я на минуту прислоняюсь къ сырымъ, вывѣтрившимся камнямъ и чувствую какъ бы живое прикосновеніе ихъ, отъ котораго въ тѣло проникаетъ дрожь.

Мой кавасъ закуриваетъ папиросу, красное пламя спички мгновенно проглатывается темнотой, и остается только одна свѣтящаяся точка, озаряющая при каж-

дой глубокой затяжкѣ длинные сѣдые усы на маленькомъ лицѣ.

Сразу стало свѣтлѣе и легче дышать. Луна вырвалась изъ облаковъ и освѣщаетъ широкую дорогу; покрытый сыростью песокъ свѣтится при лунномъ сіяніи, тѣмъ чернѣе и мрачнѣе выдѣляется направо отъ дороги длинная, высокая стѣна; зубцы кое-гдѣ обломаны, и потому весь контуръ стѣны кажется вычерченнымъ дѣтской рукой.

За стѣной — турецкія казармы, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ Пилата. Жена Пилата, напуганная сновидѣніемъ, послала отсюда сказать своему мужу, возсѣдавшему въ Преторіи, на судейскомъ мѣстѣ: «ничто же Тебѣ и праведнику тому: много бо пострадала днесь во снѣ Его ради».

Слѣва, точно громадные пауки, распустивъ колючія лапы, темнѣютъ кактусы, чернѣютъ деревья; темными пятнами рисуются стѣны монастыря францисканцевъ.

Тучи совсѣмъ раздались, открывая блѣдно-зеленое, какъ будто засѣянное золотистой пылью небо; алмазное созвѣздіе Оріона искрится надъ правымъ склономъ Елеонской горы, надъ Геѳсиманскимъ садомъ. Я люблю это созвѣздіе, а здѣсь оно какъ-то особенно кстати, и въ его узорѣ таится кабалистическій символъ древности, который безбольно ранитъ сердце своимъ мистическимъ намекомъ.

Высокія стѣны загромождаютъ вдали Геѳсиманскій садъ. О, конечно, этотъ садъ не былъ огражденъ тогда неприступными преградами! Это просто была рощица маслинъ, куда Христосъ безпрепятственно вошелъ съ Своими учениками.

Но, какъ ни высоки стѣны,—вершины черныхъ кипарисовъ возносятся надъ ними; они кажутся черными стражами, стерегущими въ мрачномъ безмолвіи окрестность. За ними еще стѣны, какія-то зданія,—по счастію

ихъ немного—всего два-три, а дальше—темныя купы маслинъ, но уже растущихъ на свободѣ.

Я, глядя на нихъ, какъ лунатикъ, подвигаюсь впередъ, спускаюсь ниже. Стѣны вырастаютъ все непріятнѣе и выше, загромождая даль и деревья. Эти стѣны гнетутъ скудостью человѣческихъ заботъ, тупостью и страхомъ рабской мысли.

Я твержу себѣ съ внутренней настойчивостью:— «Вѣдь это Геѳсиманскій садъ! Геѳсиманскій садъ!»

Въ то же время съ горечью и острой тоской чувствую, что изъ этихъ двухъ словъ какъ будто улетѣла душа; они звучатъ пусто и глухо, оторвались отъ моего сердца и увядаютъ на губахъ.

Неужели все погибло?

Я стою почти въ отчаяніи. Я готовъ рѣзко повернуть назадъ и, не оборачиваясь болѣе, съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ поникшей головой вернуться по мрачнымъ, грязнымъ закоулкамъ.

Луна опять закрылась тучами, исчезли свѣтъ и тѣни. Деревья, камни и зданія все сразу слилось, и на меня дохнуло откуда-то снизу холодомъ, сыростью и печалью древнихъ мѣстъ.

Тьма дала мнѣ время одуматься, и, когда луна снова освѣтила землю, стѣны эти мнѣ показались настолько ничтожными дѣлами рукъ человѣческихъ, что я не думалъ больше о нихъ, и мысль моя почти безотчетно тянулась къ тому, что̀ перестало быть предметами и существуетъ, какъ символъ.

Дорога уходитъ внизъ; въ нѣсколькихъ шагахъ передо мною мостикъ и подъ нимъ темные кусты, дикія травы, запахъ которыхъ такъ сильно чувствуется въ влажномъ сумракѣ.

Что со мною? Гдѣ я?

Русло Кедронскаго потока; надъ нимъ рѣдкія деревья, поникшія, точно притаившіяся отъ страха. А камни этого мостика, вѣдь это остатки тѣхъ камней, по

которымъ Христосъ проѣзжалъ въ Іерусалимъ наканунѣ Пасхи. Здѣсь же, въ страстной четвергъ, около полуночи вели Его связаннымъ изъ Геѳсиманскаго сада, били и оскорбляли по дорогѣ.

И вдругъ томительный холодъ проходитъ по всему моему тѣлу и невыразимый трепетъ охватываетъ всего меня съ ногъ до головы. Я машинально снимаю шляпу и тревожное дуновеніе проходитъ по моимъ волосамъ. Конечно, это не болѣе, какъ вѣтеръ. Онъ здѣсь внизу дуетъ особенно сильно и порывисто; онъ напитался сыростью земли, скрытой отъ солнца подъ тѣнью кустарниковъ и теперь влажно касается моихъ щекъ, моей шеи, проникаетъ все мое тѣло.

Глубокая тишина наполняетъ склоны и дно этого русла. Тишина какъ-бы течетъ подо-мною вмѣстѣ съ мракомъ, который здѣсь еще гуще и оттого почти осязаемъ.

Умеръ Кедронскій потокъ, но призракъ его оживаетъ ночью и струится, безмолвный и холодный, разсѣкая землю, отдѣляя гору отъ долины мертвыхъ, отъ долины плача, Іосафатовой долины.

Кедронскій потокъ, вѣрно, самъ понялъ, что непристойны шумъ и движеніе жизни въ этомъ мрачномъ мѣстѣ, близъ этого необъятнаго кладбища, засѣяннаго, точно опавшими лепестками гигантскихъ цвѣтовъ, бѣлыми камнями, подъ которыми тлѣютъ несчислимыя кости.

Опять вынырнула луна; у ней такая древняя, такая страшная связь съ этими мѣстами. И опять все засвѣтилось, ожило и задрожало, только еще яснѣе открылась мертвая скорбь Іосафатовой долины въ этихъ однообразныхъ, смертью посѣянныхъ камняхъ. Ихъ здѣсь такъ много, что они не даютъ расти травѣ; они душатъ ее своимъ мертвымъ гнетомъ, не пропускаютъ къ ней ни солнца, ни влаги.

Здѣсь, по пророчеству Іоиля, будетъ страшный судъ; сюда соберутся всѣ народы. Загремитъ труба Архангела, и тогда задрожатъ камни, и мертвецы поднимутся изъ могилъ въ безмолвіи, которое будетъ еще страшнѣе, чѣмъ сейчасъ.

Но уже теперь эти древніе камни обладаютъ свойствомъ углублять тишину до такихъ предѣловъ, которые невѣдомы даже пустынѣ.

Здѣсь въ полномъ и настоящемъ смыслѣ слова—царство тишины, и всѣ звуки, не только окрестъ, но и на этой землѣ, остаются какъ-то внѣ тишины. Кромѣ того, они лишены здѣсь всякаго смысла; они какъ-бы опустошены и еще болѣе подчеркиваютъ единосущное безмолвіе Іосафатовой долины.

Вотъ и сейчасъ я слышу такіе звуки, болѣе похожіе на тѣни звуковъ. Я вижу, какъ по дорогѣ, освѣщенной луннымъ свѣтомъ, который также проникся ея великимъ безмолвіемъ, идетъ запоздалый караванъ. Громадные верблюды съ своими тѣнями кажутся еще больше, чѣмъ въ дѣйствительности; они, покачиваясь, медленно движутся къ Дамасскимъ воротамъ, вдоль древней Іерусалимской стѣны, надъ которой сказочной короной темнѣетъ куполъ прекраснѣйшаго изъ земныхъ зданій, синей мечети Омара.

Въ лунномъ сумракѣ, среди свѣта и тѣни, перезваниваютъ тонкія бубенцы, напоминая своими полыми звуками стоны воды, поглощающей тихо падающіе въ нее камешки. Пломъ... плом... плом... плом... Кажется, что и эти перезвоны происходятъ отъ паденія звуковъ въ тишину; падаютъ звуки и погружаются на самое дно тишины.

Караванъ идетъ мимо трехъ могилъ. Первая могила—первосвященника Захаріи, убитаго іудеями между жертвенникомъ и алтаремъ; здѣсь—гробница Іосафата, іудейскаго царя. Дальше могила Іакова, и третья могила Авессалома, печальнѣйшій изъ земныхъ памятниковъ,

воздвигнутый при жизни самимъ этимъ мрачнымъ сыномъ Давида, поднявшимъ на отца руку.

«Авессаломъ же, еще живъ сый, взя и постави себѣ столпъ во юдоли Нарстѣй, рече бо, яко нѣсть ми сына на память имени моего: и нарече столпъ именемъ своимъ, и нарече его рука Авессаломля, даже до днешнего дне». (Книга 2 Царств. 18, 1, 8).

Вмѣсто вздоховъ скорби могила Авессалома вызываетъ у евреевъ только озлобленіе: проходя мимо нея, евреи бросаютъ въ ея древнія стѣны камни вмѣстѣ съ укоромъ нечестивому сыну, оскорбившему своимъ непокорствомъ отца.

Караванъ продолжаетъ подвигаться, то выступая на лунномъ свѣтѣ, то сливаясь съ тѣнями отъ стѣнъ и камней, такъ что его явленіе кажется призрачнымъ.

Я долго стою, не рѣшаясь перейти мостикъ Кедронскаго потока, боясь, можетъ быть, больше всего разочарованія, которое за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ подступило ко мнѣ съ такимъ холодомъ и пустотой.

Слѣва предо мной — храмъ Успенія Богоматери. Онъ подъ землею, въ пещерѣ. Тамъ же гробница Іосифа, Обручника Дѣвы Маріи. Но дверь въ пещеру сейчасъ закрыта, и ночь приложила къ ея желѣзнымъ затворамъ печать своего молчанія. Мѣста скорби обладаютъ великой властью надъ человѣческой душой, и я, растроганный, стою передъ этой пещерой, камни которой впитывали слезы Богоматери.

По смерти своего Распятаго Сына Мать Его каждый день приходила съ Сіона въ эту пещеру оплакивать Свое неутолимое горе. Это было, конечно, вечеромъ, послѣ трудового дня. А трудиться Ей приходилось много: Она сама должна была управляться со всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. Сама спускаться на источникъ Смоковничій за водой и подниматься вверхъ на Сіонъ съ тяжелымъ кувшиномъ на плечѣ. Вѣрно, Христосъ любилъ это мѣсто, если Мать Его завѣщала Себя похоронить тамъ.

Здѣсь двѣ Ихъ тѣни ближе одна къ другой, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Палестинѣ. Здѣсь древнія маслины Геѳсиманскаго сада видѣли Мать и Сына въ слезахъ на молитвѣ, а свѣтлая Елеонская гора возвышалась надъ Ними.

Миновавъ пещеру храма, куда я долженъ былъ пойти на другой день, я поднялся по скату дороги мимо высокой стѣны, ограждающей Геѳсиманскій садъ. Поднявшись нѣсколько шаговъ вверхъ, мы свернули направо и пошли между двухъ одинаково высокихъ каменныхъ стѣнъ, по гладкой песчаной дорогѣ, погруженной въ тѣнь, ко входу въ Геѳсиманскій садъ.

Судя по стѣнамъ, садъ—очень маленькій. Конечно, только мѣсто ограждено, гдѣ, утомленные ожиданіемъ, дремали ученики Христа и гдѣ Іуда предалъ Его на крестное страданіе.

Мой кавасъ застучалъ въ желѣзную дверь справа, въ надеждѣ, что сторожъ-арабъ еще не ушелъ оттуда и, услышавъ, отопретъ намъ.

Этотъ гулкій стукъ какъ-то враждебно и грубо вторгся въ тишину.

Никто не отвѣчалъ.

Кавасъ вторично поднялъ-было руку, но я его остановилъ.

— Не надо.

— Зачѣмъ не надо, брато?

— Такъ, я не хочу.

То былъ инстинктивный протестъ съ моей стороны. Но когда я на другой день попалъ въ это святилище, я не пожалѣлъ о томъ, что почти добровольно отказался наканунѣ ночью отъ посѣщенія его.

Хотѣлось поскорѣе уйти отъ этихъ стѣнъ. Одна изъ нихъ, верхняя, кончалась въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда; за нею шла дорога изъ камней вдоль стѣны съ большими проломами; черезъ нихъ не трудно было подняться на пустырь, гдѣ также росли древнія маслины,

и если не сами онѣ, то корни ихъ, несомнѣнно, были тѣ же, что и во время Христа.

Наконецъ, мнѣ прямо-таки представлялось, что Христосъ долженъ быть ближе къ этимъ вотъ, сиротливо стоящимъ, деревцамъ, около которыхъ растетъ дикая трава и, посѣянные вѣтромъ, бѣдные полевые цвѣточки, нежели тамъ, гдѣ все такъ выхолено, воздѣлано и разукрашено мелочно-заботливыми и расчетливыми человѣческими руками.

Подлинность мѣстонахожденія Геѳсиманскаго сада несомнѣнна, но кто можетъ убѣдить меня, что Христосъ молился и былъ преданъ не здѣсь, куда я поднялся, а тамъ, гдѣ стоятъ часовенки и стѣны и гдѣ находится пещера, въ которой, будто-бы, спали Его ученики?

Увы, и тутъ мое благоговѣйное настроеніе едва не разбилось самымъ неожиданнымъ образомъ: не успѣлъ я подняться наверхъ, оставивъ моего каваса внизу, подъ стѣною, какъ увидѣлъ притаившуюся около маслины фигуру.

Стало нѣсколько досадно, что не удастся побыть одному, если это такой же поклонникъ, какъ и я. Но можно отойти подальше въ сторону.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и въ ту же минуту услышалъ легкій свистъ.

Другая фигура, низко наклонясь, какъ крыса, юркнула въ сторону, и я видѣлъ — поползла за кустомъ, какъ-бы для того, чтобы обойти меня съ другой стороны, но въ ту же минуту Савва показался среди камней у стѣны съ револьверомъ въ рукахъ.

Я не ожидалъ отъ старика подобной прыти: подняться такъ скоро снизу сюда было не такъ легко. При появленіи его тѣнь опять шмыгнула назадъ.

— Брато, — зашепталъ кавасъ, — это злые люди. Зачѣмъ здѣсь прятаться добрымъ: дорога въ сторонѣ! Охъ, тутъ такой народъ, не дай, Боже!

Обѣ фигуры сошлись, постояли и двинулись къ намъ, но шагахъ въ пяти остановились. Ихъ тѣни, сливаясь въ одну, упали на насъ, но, вѣроятно, они разсмотрѣли мѣдный значекъ каваса или блеснувшее дуло его револьвера, въ нерѣшительности постояли, пошептались, однако, все же пробормотали обычное — салемъ — и двинулись въ сторону къ дорогѣ.

Савва сдѣлалъ нѣсколько неодобрительныхъ замѣчаній имъ во слѣдъ, присѣлъ на камень около ближайшаго дерева, свернулъ папиросу и закурилъ.

Было за десять ночи. Вѣрно, старикъ усталъ, потому что черезъ минуту красная точка его папиросы погасла и голова опустилась на грудь. Я былъ доволенъ, что онъ задремалъ, отошелъ подальше, гдѣ стояла старая престарая маслина, съ толстымъ стволомъ, потрескавшимся и насквозь проѣденнымъ временемъ, и прислонился къ ней.

Густая листва ея висѣла надо мною, какъ мохнатый балдахинъ, съ большими кистями; она пахла нѣжно и тонко, и, когда вѣтеръ колыхалъ ея молодые листочки, это тонкое благоуханіе становилось сильнѣе, и я чувствовалъ его на своихъ губахъ и рѣсницахъ.

Нѣсколько минутъ я просидѣлъ, еще не вполнѣ освободившись отъ впечатлѣнія неожиданной встрѣчи и предшествующихъ ей мелочныхъ чувствъ, близъ запертыхъ дверей Геѳсиманскаго сада, между высокихъ, каменныхъ стѣнъ.

Луна поднялась выше, продолжая свою фантастическую игру съ тучами, которыя мѣняли каждый мигъ свои очертанія и мрачнымъ полчищемъ надвигались на Іерусалимъ.

Когда луна освобождалась отъ тучъ, все вокругъ наполнялось ея лихорадочнымъ свѣтомъ; отъ него оживали всѣ предметы, кромѣ бѣлыхъ камней, разсѣянныхъ по долинѣ Іосафатовой, а темный полукруглый куполъ мечети Омара еще болѣе походилъ на корону

гиганта, и, казалось,—вотъ-вотъ, изъ-за древней стѣны Іерусалима поднимется самъ гигантъ и вновь простретъ грозную десницу надъ Іерусалимомъ со скалы Моріа, на гумнѣ Орна-Іевусеянина, до сихъ поръ уцѣлѣвшей въ мечети Омара и свято чтимой всѣми религіями со временъ царя Давида.

Іерусалимъ, надъ которымъ теперь низко нависли тучи, самъ кажется сейчасъ темной, свалившейся тучей; сквозь нее едва пробиваются, какъ звѣзды, рѣдкіе ночные огни.

Только теперь я слышу доносящійся оттуда лай собакъ; собаки подаютъ свои голоса въ разныхъ концахъ города, какъ-бы не вынося этой тишины и мрака, порождающаго смутныя предчувствія и страхи. Изрѣдка, еще болѣе заражая безпокойствомъ ночь, доносится издали жалобно всхлипывающій голосъ ослика.

Помимо этихъ дикихъ звукомъ ничто не свидѣтельствуетъ о томъ, что жизнь не умерла въ большомъ, скученномъ городѣ, такомъ шумномъ и подвижномъ днемъ.

Звонъ колокола, неожиданно всколыхнувшаго эту тишину, также скорѣе похожъ на жалобу какого-то одинокаго, безсловеснаго существа, чѣмъ на призывъ къ молитвѣ. Вѣтеръ схватываетъ колокольные звоны, качаетъ и растворяетъ ихъ въ воздухѣ, не касаясь земли.

Я съ удивленіемъ вслушиваюсь въ эти ноющіе звуки и почти доволенъ, когда они замолкаютъ.

Тишина и мракъ обступаютъ меня со всѣхъ сторонъ, и я угадываю за ними безконечно печальное выраженіе ночи, которая съ закрытыми глазами и съ помертвѣвшимъ отъ скорби лицомъ вспоминаетъ то, что никогда не умретъ не только здѣсь, но и во всей вселенной.

И мнѣ также хочется закрыть глаза и ощутить ясно, какъ я ощущаю холодокъ этой ночи, прикосновеніе къ душѣ моей этихъ воспоминаній, все отчетливѣе возникающихъ съ каждымъ мгновеніемъ.

Здѣсь... Боже мой, неужели здѣсь... въ такую ночь!..

Время теряетъ свою власть надо мною. Эти вѣка не болѣе, какъ мостъ, пройденный мною полчаса тому назадъ, мостъ черезъ высохшій потокъ Кедронскій, отъ котораго осталось только одно русло.

Нынче, послѣ заката солнца, послѣ Тайной Вечери, сойдетъ Онъ съ Сіона, изъ дома Іоанна Богослова, который посѣтилъ я утромъ, — сойдетъ сюда, въ Геѳсиманскій садъ.

Онъ знаетъ, что въ эту ночь Его продастъ тотъ, который, вмѣстѣ съ другими учениками, наклонился къ нему и, не глядя въ Его глаза, въ свою очередь спросилъ:

— Не я ли?

Отвѣтилъ ли ему Христосъ чуть слышно: «Ты», — какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ евангелистовъ? Навѣрное, нѣтъ, иначе зачѣмъ было Іоанну, наиболѣе молодому и потому, конечно, любопытному, добиваться, кто предатель.

Іуда вышелъ.

Это не обратило особаго вниманія учениковъ: у Іуды всегда были дѣла и хлопоты. Іуда не любилъ даромъ тратить времени.

Вскорѣ и Христосъ поднялся, а съ Нимъ и ученики Его. Крутой каменистой дорожкой они пошли съ Сіона по направленію къ Геѳсиманскому саду, мимо того мѣста, гдѣ теперь село Скудельное, земля, купленная первосвященниками за тридцать сребрениковъ у горшечника, за тридцать сребрениковъ, оставшихся послѣ Іуды.

То же небо было надъ ними; тѣ же свѣтили звѣзды, и луна была та же.

Такъ же неслись тучи по небу и срывался холодный вѣтеръ, который развѣвалъ бѣдныя одежды ихъ и трепалъ домотканный цѣльный хитонъ Іисуса Христа, ко-

торый воины пожалѣли разрывать и метали о немъ жребій, въ то время, какъ кровь изъ ранъ Іисуса текла по кресту и падала на землю.

Во время пути Онъ продолжалъ бесѣдовать съ учениками, намекая на ожидающую Его судьбу, но ученики не понимали Его рѣчей.

Христосъ не замѣчалъ холода, отъ котораго вздрагивали и ежились Его ученики. Онъ шелъ, подавленный ожидающимъ Его ужасомъ, и продолжалъ кротко поучать ихъ. Его только что омытыя ноги машинально ступали по хорошо знакомой дорогѣ, по привычкѣ обходя камни, валявшіеся на пути. Пыль покрыла ихъ, и Онъ иногда останавливался, чтобы вынуть камешекъ, попадавшій въ сандаліи и безпокоившій натруженныя постояннымъ странствованіемъ стопы.

Тѣни придорожныхъ деревьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ, ложились Ему поперекъ дороги и метались по ней тревожно угрожающе, какъ будто хотѣли заставить Его вернуться назадъ, скрыться отъ преслѣдователей другой дорогой.

Но Онъ зналъ, что это неизбѣжно.

Можетъ быть, Онъ даже видѣлъ одну-двѣ тѣни шпіоновъ, которые уже слѣдили за Нимъ, ни на одно мгновеніе не выпуская Его изъ глазъ. Но ни единымъ словомъ Онъ не выдалъ этого Своимъ ученикамъ, чтобы не тревожить ихъ понапрасну. Онъ зналъ, что они люди, — о, слишкомъ люди! — и, несмотря на всю ихъ любовь и преданность Ему, въ минуту опасности — въ страхѣ разбѣгутся.

Такъ шли они вдоль восточной іерусалимской стѣны и повернули мимо воротъ сѣверной, мимо бѣлыхъ камней Іосафатовой долины, разбросанныхъ, подобно листкамъ великой книги, имя которой — Смерть.

Они прошли мимо воротъ, въ которыя, всего четыре дня тому назадъ, Христосъ ѣхалъ на молодомъ ослѣ,

и, перейдя мостъ черезъ Кедронскій потокъ, Христосъ и ученики Его поднялись сюда.

Это было приблизительно въ такой же часъ.

Я совершенно ясно ощутилъ, какъ захолонуло мое сердце.

Вотъ тутъ, среди деревьевъ, сквозь которыя луна, какъ нынче, бросала на траву шевелившіеся отъ вѣтра пятна свѣта, прошелъ Онъ Своей легкой походкой, опустивъ голову и машинально поддерживая рукой свой свѣтлый развѣвающійся хитонъ.

Отсюда, взглянувъ на Іерусалимъ, какъ и сейчасъ, замкнувшійся въ тишинѣ и сумракѣ ночи, Христосъ преисполнился великой скорби, но, чтобы не выдать эту скорбь передъ Своими учениками, повелѣлъ имъ остаться въ сторонѣ, а Самъ пошелъ отъ нихъ, допустивъ сопровождать Себя только трехъ учениковъ: Петра, Іакова и Іоанна.

Передъ ними Онъ не могъ болѣе скрываться и сказалъ:

— Душа Моя скорбитъ смертельно; побудьте здѣсь и бодрствуйте со Мной.

Но и отъ нихъ отошелъ Онъ на разстояніе камня, брошеннаго рукою, и сталъ молиться.

Они не могли въ темнотѣ видѣть лица Его, но шепотъ молитвы, доносимый вѣтромъ, подобный мучительному стону, свидѣтельствовалъ, что безконечна скорбь, мрачными тѣнями покрывавшая лицо Его, съ котораго холодный потъ капалъ, подобно каплямъ крови.

Они видѣли Его воздѣтыя къ небу руки и ужасались за Него. Но человѣческая слабость побѣждала, и трижды Онъ находилъ ихъ задремавшими.

И въ послѣдній разъ Христосъ съ упрекомъ сказалъ имъ:

— Вы опять уснули. Вотъ приблизился часъ, и Сынъ Человѣческій предается въ руки грѣшниковъ. Встаньте, пойдемъ: приближается предающій Меня.

О, я представляю при этомъ ужасъ учениковъ! Окаменѣлые, они остановились передъ Христомъ, не зная, что имъ дѣлать.

У ночи захватило дыханіе до того, что вся земля, кромѣ этого клочка, на которомъ они стояли, какъ-бы провалилась въ бездну пустоты.

И вдругъ весь садъ наполнился подозрительнымъ шумомъ, шорохомъ и шепотомъ; задрожали листья маслинъ, и вѣтеръ заметался, какъ птица, внезапно ослѣпленная во время сна. Десятки красныхъ огней, раздуваемыхъ вѣтромъ, вспыхнули здѣсь и тамъ во мракѣ среди вѣтвей, заражая воздухъ смолистымъ чадомъ; блеснули на огнѣ мѣдные доспѣхи воиновъ, побагровѣлъ воздухъ. И, предводительствуемые Іудой, они направились ко Христу, готовые преслѣдовать Его какъ звѣря, въ случаѣ, если Онъ попытается бѣжать.

Но Христосъ стоялъ, молча глядя на Іуду: тотъ шелъ къ Нему поспѣшно, трусливо и, вытянувъ шею, поцѣловалъ Его скользкимъ, ядовитымъ поцѣлуемъ.

О, конечно, это было послѣднее и самое страшное усиліе предательской воли! Кто знаетъ, можетъ быть, онъ тотчасъ же упалъ невдалекѣ отъ этого мѣста и потомъ бѣжалъ, преслѣдуемый мстительными духами этой ночи, или ползъ, какъ гадъ, чтобы бросить обратно свои сребреники, а затѣмъ удавиться въ невыразимыхъ мученіяхъ совѣсти.

Отъ огней факеловъ трещатъ, коробятся и падаютъ на землю прахомъ сожженные листики маслинъ. Перепуганные ученики, пригибаясь, быть можетъ, припадая отъ страха къ землѣ, бѣгутъ, скрываются между деревьями.

Одинъ Петръ, встревоженный на Сіонѣ загадочными рѣчами Учителя, пришелъ съ мечомъ, который онъ хранилъ подъ одеждой. Растерянно выхватываетъ мечъ, наудачу взмахиваетъ имъ и отсѣкаетъ воину ухо.

Но едва Христосъ, понимающій всю безплодность такой защиты, останавливаетъ Его кроткими словами: «Взявшій мечъ, отъ меча и погибнетъ»,—какъ Петръ также скрывается въ темнотѣ и оставляетъ Христа одного, окруженнаго врагами.

Здѣсь—высшая трагедія божественнаго духа Христа. Послѣ этого Онъ уже не молится о томъ, чтобы миновала Его чаша сія. Онъ покорно даетъ связать себя, и только во взглядѣ Его, напрасно ищущемъ вблизи учениковъ, тлѣетъ, можетъ быть, послѣдняя горечь жизни. Но дальше это не можетъ поколебать величія и ясности духа Его.

Онъ ничего не отвѣчаетъ на издѣвательства и обиды; стража грубо и презрительно мститъ Ему за безпокойство, которое изъ-за него должна испытывать она, вмѣсто того, чтобы спать дома въ этотъ поздній ночной часъ, или пить вино и играть въ кости съ пріятелями.

Его ведутъ, и луна изъ-за тучъ провожаетъ это шествіе поблѣднѣвшимъ свѣтомъ; ведутъ внизъ, вотъ по этому самому мостику, и Онъ, можетъ быть, задѣваетъ Своимъ плечомъ за камень, уцѣлѣвшій до сихъ поръ и какъ будто имѣющій свое особенное выраженіе, какъ всякій предметъ, на которомъ лежитъ печать великой древности.

Багровое пламя смоляныхъ факеловъ, какъ пьяное, играетъ съ мрачными, ночными тѣнями. Дымъ попадаетъ въ глаза Христу. Онъ отворачивается, видя Геѳсиманскій садъ и Елеонскую гору, мысленно прощается съ этими любимыми мѣстами, гдѣ Ему знакомо каждое деревцо, каждый камешекъ.

Онъ не увидитъ ихъ болѣе.

По преданію, одинъ изъ воиновъ такъ сильно толкнулъ на мостикѣ Христа, что Онъ упалъ въ Кедронскій потокъ. Съ грубыми издѣвательствами Его вытащили оттуда и продолжали путь.

Не доходя Дамасскихъ воротъ, стража сворачиваетъ налѣво и, мимо могилы Авессалома, Іакова и Захарія, ведутъ Христа къ западнымъ воротамъ города.

Караванъ верблюдовъ, запоздалыхъ въ пути, позванивая бубенцами, пересѣкаетъ имъ дорогу около этихъ воротъ.

Громадныя животныя, нагруженныя товарами, испуганно фыркаютъ, шарахаются въ сторону отъ пылающихъ на вѣтру огней, а удивленные погонщики спрашиваютъ стражу: въ чемъ дѣло?

Но стража и сама хорошенько не знаетъ:

— Такъ, какой-то бунтовщикъ, не хочетъ признавать царя.

— Что тамъ, Онъ самъ Себя называетъ царемъ.

— Ха, ха, ха, хорошъ царь!

Глядя на Его мокрую одежду, они покатываются отъ смѣха, держась за бока.

— Да этого мало, Онъ называетъ еще Себя Сыномъ Божіимъ.

Смѣхъ обрывается, и лица погонщиковъ становятся строгими: они—люди простые, но благочестивые и такое богохульство ихъ оскорбляетъ.

— Да Онъ — просто безумный.

Они укоризненно покачиваютъ головами, но, распрощавшись со стражей, скоро забываютъ объ этой встрѣчѣ и идутъ, тихо напѣвая старыя пѣсни про своихъ героевъ подъ звонъ все тѣхъ же бубенчиковъ.

Мнѣ кажется, что я сейчасъ вижу все это отсюда съ поразительной ясностью. И сердце мое стонетъ столько же за это далекое, далекое прошлое, сколько и за наше время. Все такъ мало измѣнилось съ тѣхъ поръ, все, начиная съ природы и кончая людьми.

Въ продолженіе двухъ тысячелѣтій на землю эту упали ливни крови: кости сваливались, какъ хворостъ, и дикія бури-войны бушевали во имя Христа. Іерусалимъ разрушался и возникалъ много разъ, но въ Геѳси-

манскомъ саду растутъ тѣ же сизыя маслины, тѣ же красные цикламены качаются среди камней, какъ огненныя бабочки. И люди остались тѣ же.

А этотъ караванъ верблюдовъ... Развѣ онъ не остался такимъ же, какъ и при Христѣ, вмѣстѣ съ своими товарами, проводниками и ихъ одеждами!

То же самое... То же самое...

Христа какъ будто сейчасъ только увели отсюда. Исчезли факелы, закрылись городскія ворота, и все осталось, какъ тогда. Іерусалимъ спитъ, окутанный мракомъ, подъ небомъ, закрытымъ тучами, и отъ бѣлыхъ камней Іосафатовой долины идетъ къ нему безмолвіе смерти, которое гаситъ всѣ звуки, вой бродячихъ собакъ и крикъ голоднаго осла, забытаго пьянымъ хозяиномъ.

III.

Нѣсколько крупныхъ капель дождя падаютъ на меня. Можетъ быть, это—ночная роса съ маслинъ, закачавшихся отъ сильнаго порыва вѣтра,—холодный потъ ужаса, охватившаго ихъ отъ воспоминаній о той великой, скорбной ночи.

Я поднимаю голову и гляжу на небо.

Тучи низко несутся на востокъ въ ужасномъ смятеніи, и это онѣ роняютъ холодныя капли пота. Я слышу печальное шуршаніе капель по листьямъ, сливающееся съ ропотомъ и вздохами деревьевъ, уныло качающихся по вѣтру.

Встревоженный голосъ Саввы окликаетъ меня. Я поднимаюсь и иду къ нему.

Его окликъ разбудилъ собаку въ ближайшемъ дворѣ.

Слышно, какъ хлопаетъ окно наверху, и гортанный испуганный голосъ араба кричитъ что-то въ темноту, поминая имя Аллаха.

Собака еще пуще лаетъ; тогда въ двери, выходящей на балконъ каменнаго домика, вѣроятно, сторожки, по-

является фигура другого человѣка. Два голоса ихъ безпокойно переговариваются между собою и натравляютъ на насъ собаку, перескочившую черезъ проломъ въ заборѣ.

Тогда Савва успокоительно откликается имъ: кличется обратно собака и все смолкаетъ.

И капли дождя уже не падаютъ больше. Только вѣтеръ тянетъ настойчиво и сильно и гонитъ тучи на востокъ.

— Холодно,—говоритъ Савва.

Да, холодно; холодно, какъ и въ ту же ночь, когда Петръ подошелъ къ костру погрѣться во дворѣ Кайафы. Все, какъ тогда.

Хочется закрыть лицо руками отъ этой трагической близости къ прошлому. Но сердце не закроешь, и, полное почти безнадежной скорби и жуткости, оно обливается кровью ужъ не только за настоящее, но и за будущее.

Нельзя измѣрить величіе божественной жертвы, но мучительная дрожь охватываетъ при мысли о томъ, что за ней и передъ ней — предательство. Оно издѣвается надъ ея безплодностью, звономъ сребрениковъ оно отвѣчаетъ на молитву, четками которой служатъ кровавыя капли пота. Оно сторожитъ на каждомъ шагу подвигъ и предательскими ударами ножа подсѣкаетъ его корни.

Удавился Іуда, но за нимъ стояли первосвященники. Сила предательства въ нихъ. И, на смѣну одного сломавшагося клинка, всегда явится другой, чтобы поразить изъ темноты героя.

Я бросаю послѣдній взглядъ на маслины и камни Геѳиманскаго сада и выхожу на дорогу къ вершинѣ Елеонской горы, къ храму Вознесенія.

Несмотря на сумракъ ночи, какъ-бы потерявшей луну, дорога среди темныхъ камней и деревьевъ восходитъ бѣлой полосой, и мы идемъ вверхъ, среди глухого

безлюдья, выше и выше, и, по мѣрѣ этого восхожденія, какъ будто не удаляемся отъ Іерусалима, а приближаемся къ нему.

Такъ, оглядываясь назадъ, я яснѣе вижу въ темнотѣ древнюю стѣну и куполъ мечети Омара и самый Іерусалимъ, который теперь отдѣляется отъ тучъ длинной свѣтящейся полосой неба, и на серебристо-голубомъ четко рисуются темными изломами стѣны, башни, крыши, купола...

Савва что-то лепечетъ возлѣ меня своимъ смѣшнымъ, путаннымъ языкомъ. Онъ проспалъ, по крайней мѣрѣ, часъ, въ который я такъ безотчетно перешелъ за грань двухъ тесячелѣтій. Онъ все продолжаетъ говорить о тѣхъ двухъ арабахъ, которые съ недоброй цѣлью поджидали насъ. Скоро среди его лепета я различаю слова: «зарѣзали... іеромонахъ... настоятель... отецъ Парфеній».

Я вслушиваюсь внимательнѣе и, наконецъ, понимаю: всего четыре мѣсяца тому назадъ, на Елеонской горѣ, зарѣзали настоятеля монастыря, отца Парфенія, шестидесятилѣтняго старца. Убійцъ до сихъ поръ такъ и не нашли. Арестовали араба-привратника, который, повидимому, участвовалъ въ убійствѣ, хотя и отпирается.

Савва таинственно наклоняется ко мнѣ и шепчетъ, какъ-будто кто-нибудь можетъ подслушать насъ здѣсь, кромѣ громадныхъ кактусовъ:

— А я скажу, брато, это—греки. Зло все отъ нихъ!..

Онъ всей душой ненавидитъ грековъ и съ наивнымъ негодованіемъ разсказываетъ мнѣ о нихъ разныя возмутительныя вещи. По его словамъ, греческіе монахи и вообще духовенство—очень плохіе христіане, а люди—еще хуже.

Но я уже не слушаю его. Какое мнѣ дѣло до козней и нечестія греческаго духовенства! Передъ глазами моими возникаютъ темныя, высокія стѣны, куполообразныя башни: это—турецкая казарма.

На углу ея громадный камень, сидя на которомъ, Христосъ, по преданію, бесѣдовалъ съ апостолами Петромъ, Іаковомъ, Іоанномъ и Андреемъ о кончинѣ міра и о второмъ пришествіи Своемъ.

«Бдите, убо не вѣсте бо, когда Господь дому прійдетъ: вечеръ, или полунощи, или въ петлоглашеніе, или утро: да не, пришедъ внезапу, обрящетъ вы спяще».

Колокольня, болѣе чѣмъ въ двадцать саженъ вышины, поднимается на самой вершинѣ Елеона, на томъ мѣстѣ, съ которымъ связано такъ много чудесныхъ сказаній.

Мы стучимъ въ желѣзную калитку; испуганное спросонья черное лицо африканскаго араба появляется передъ нами за рѣшеткой, но, несмотря на значекъ Саввы, онъ долго не рѣшается отворить намъ.

Во дворѣ монастыря начинается настоящее смятеніе; слышатся испуганные голоса, темнѣютъ въ отдаленіи черными пятнами монахини.

Вслѣдъ за тѣмъ появляются еще двѣ фигуры: русскій крестьянинъ-сторожъ въ полушубкѣ, и другой сторожъ-арабъ, живописно задрапированный въ бурнусъ, съ винтовкой за плечами.

Начинаются переговоры между ними и Саввой.

Я уже хочу уйти и отсюда, но насъ впускаютъ.

Двѣ черныя женщины, въ монашескихъ одеждахъ, все еще не рѣшаясь приблизиться къ намъ, издали начинаютъ свои опросы.

Говоритъ, собственно, одна; другая только вздыхаетъ и шепчетъ съ дрожью въ голосѣ:

— Ой, Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Мы стараемся оправдать свое позднее посѣщеніе, и онѣ, наконецъ, успокаиваются и въ свою очередь оправдываются передъ нами въ своемъ испугѣ.

Онѣ не могутъ забыть этого кроваваго ужаса, омрачившаго ихъ мирную жизнь въ монастырѣ; онѣ плачутъ,

разсказывая мнѣ о звѣрскомъ убійствѣ старца, котораго всѣ такъ любили и чтили за его доброту и отзывчивость.

Указываютъ у церковной стѣны его могилу, надъ которой горитъ красноватымъ огонькомъ неугасимая лампада; затѣмъ ведутъ онѣ меня къ домику, гдѣ убили его ночью, и откуда убійцы прошли по направленію къ сторожкѣ, оставляя на желтомъ пескѣ слѣды ногъ, выкупавшихся въ старческой крови.

Монахини вспоминаютъ его добрыя дѣла и трудолюбіе, а сторожъ-крестьянинъ разсказываетъ съ трогательными подробностями, какъ наканунѣ, съ зари до зари, работалъ онъ вмѣстѣ со старикомъ, копая землю, которую покойный такъ любилъ.

— Много работалъ отецъ Парфеній, усталъ и говоритъ мнѣ: «Ну, благослови тебя Господь, иди». И самъ вошелъ въ незакрытую дверь.

— Больше его мы живымъ ужъ и не видѣли.

Женщины опять вздыхаютъ и плачутъ, глядя на печальный, опустѣлый домъ, окна котораго глядятъ, какъ слѣпые глаза. Очевидно, имъ самимъ жутко глядѣть на этотъ домъ и онѣ ведутъ насъ къ садовой оградѣ, гдѣ темнѣютъ масличныя деревья и кипарисы, черные и тяжелые, какъ чугунъ, мрачно напоминающіе о смерти.

Монахини сожалѣютъ, что не могутъ въ столь поздній часъ оказать намъ должное гостепріимство, показать церковь и древнюю мозаику, весьма замѣчательную, которую относятъ къ V вѣку.

— А пещеру преподобной Пелагеи вы не видѣли?

— Нѣтъ.

— Какъ же! Вонъ она тамъ, близко. Преподобная, подъ видомъ евнуха, проводила въ этой пещерѣ строгую, затворническую жизнь и тѣмъ все свое порочное поведеніе искупила. Тутъ она скончалась и погребена. Весьма примѣчательное мѣсто,—доканчиваетъ она со вздохомъ.

Другая славнымъ симпатичнымъ голосомъ вступаетъ:

— Здѣсь чудныя мѣста. Тутъ въ скалѣ слѣдъ лѣвой стопы Своей оставилъ Христосъ, какъ бы въ увѣреніе Своей всегдашней присущности. И Матерь Божія послѣ Вознесенія Христова любила приходить сюда. Прекраснѣйшій Елеонъ нашъ и честнѣйшій, не то что южная вершина: тамъ Соломонъ, впавшій въ искушеніе, воздвигъ капище нечестивое, срамное, для язычницъ, женъ своихъ.

Я не вижу лица монахини; оно зарѣяно мракомъ, но голосъ ея звучитъ нѣжно и молодо, проникнутый трогательной любовью къ этому, дѣйствительно, прекрасному мѣсту.

Однако, несмотря на все ихъ вниманіе, я предпочелъ бы хоть на нѣсколько минутъ остаться на этомъ мѣстѣ, излюбленномъ Христомъ.

Оставить ихъ. Но это удивило и обидѣло бы простосердечныхъ монахинь. По счастью, онѣ сами нѣсколько отстали отъ меня, вѣроятно, чтобы разспросить моего проводника, что я за человѣкъ.

Я остаюсь въ сторонѣ одинъ и, взглянувъ съ горы внизъ, мгновенно забываю и о нихъ, и обо всемъ на свѣтѣ.

Какъ глубоко понятно становится мнѣ дивное сказаніе о Вознесеніи Христовомъ именно съ этой горы! Несмотря на внѣшнюю близость, поразительно далека она отъ Іерусалима, отъ всей суеты жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ какая родная всему великому и святому, что есть на этой землѣ вокругъ нея.

Огни Іерусалима кажутся отсюда лампадами, зажженными въ необъятномъ храмѣ, алтаремъ котораго служитъ Елеонская гора.

Монахини напрасно сожалѣли, что я не при дневномъ свѣтѣ вижу все сейчасъ; ночью душа моя настроена такъ необычно, довѣрчивѣй, можетъ быть, суевѣрнѣй,

и оттого ближе къ той красотѣ, которую мало видѣть одними глазами.

Туча и луна придаютъ еще болѣе очарованія тому, что я вижу, угадываю, почти постигаю.

Шире раздалось серебристо-голубое пространство между землею и тучами; безконечно длинной полосой, изломанной со стороны неба и земли, сіяетъ оно и какъ бы течетъ, какъ свѣтлая рѣка. Слѣва, подъ этой рѣкой свѣта, еще болѣе яркое пространство, которое все фосфорится и блещетъ, точно зеркало луны, гдѣ она отражается изъ-за тучъ.

Мертвое море...

Я долго не могу оторвать отъ него глазъ. Мертвое море... Воображеніе напрасно силится представить себѣ на его берегахъ нечестивые города, Содомъ и Гоморру, полные ослѣпительнаго порока. Безжизненной холодностью льда блеститъ Мертвое море, точно громадный остеклянѣвшій зрачекъ земли.

Судьба Навуходоносора и подобныхъ ему властителей, судьба царствъ и народовъ, украшавшихъ и оживлявшихъ эти берега, покрыта забвеніемъ, какъ могильное дно — мертвыми водами этого мрачнаго моря.

За нимъ, какъ тучи, чернѣютъ горы Моава по другую сторону мертваго моря, Іудейская пустыня, Долина Іордана. Туда идетъ, слабо проступая во мракѣ, извивающаяся, теряющаяся и вновь возникающая дорога, по которой вблизи движется что-то черное, живое... Вѣрно, караванъ; на этотъ разъ изъ Іерусалима.

Я слѣжу за нимъ, пока онъ не сливается съ мракомъ, и опять взглядъ мой, самъ собой, обращается къ Іосафатовой долинѣ, какъ будто въ ней таится душа этихъ невыразимо трогательныхъ мѣстъ.

Нѣтъ, это было бы слишкомъ печально. Безмолвіе смерти, даже ожидающей трубы архангела Гавріила, слишкомъ мрачное истолкованіе всего, что произошло

тутъ,—хотя бы въ Геѳсиманскомъ саду, или тамъ, гдѣ сейчасъ вспыхнулъ огненный крестъ надъ Голгоѳой.

IV.

Около полуночи я простился съ Елеонской горой и пошелъ домой опять тою же дорогой, мимо масличной Геѳсиманской рощи.

Въ узкихъ проходахъ, между каменныхъ стѣнъ, вѣтеръ, еще болѣе усилившійся, дулъ порою особенно остро и враждебно. Серебристо-голубая полоса за Мертвымъ моремъ закрылась тучами. Луна окончательно исчезла, и все потерялось во մракѣ и тишинѣ, смущаемой только рѣзкими налетами вѣтра, глухимъ шумомъ его въ вѣтвяхъ и сухими томительными вздохами въ извилистыхъ переходахъ по спуску съ Елеонской горы.

Изрѣдка еще крикъ ночной птицы жалобно и пронзительно падалъ въ темноту и какъ-будто повисалъ въ ней.

Нѣсколько разъ принимался итти дождичекъ. Молодой весенній дождичекъ, нерѣшительный и задумчивый, при которомъ вѣтеръ не смѣлъ метаться съ такимъ испугомъ и шумомъ. Но дождичекъ брызгалъ нѣсколькими каплями и замиралъ.

Я просилъ моего спутника проводить меня другой дорогой.

То ли онъ усталъ и полудремалъ на ходу, то ли онъ плохо зналъ Іерусалимъ, такъ какъ поселился здѣсь недавно,—только мы заплутались и, въ концѣ концовъ, очутились совсѣмъ въ другомъ концѣ города, на окраинѣ его, около какой-то мельницы, которая стояла съ растопыренными крыльями на холмѣ, какъ будто также заплуталась въ темнотѣ и не знала, куда ей итти.

Это странствованіе, столь необычное съ самаго начала, очевидно, должно было и кончиться необычно. Я бы, пожалуй, ничего не имѣлъ противъ этого, если

бы не былъ такъ утомленъ. Ноги не шли и тяжелѣли вѣки, и по временамъ все пережитое и видѣнное представлялось видѣніями далекихъ дней, дѣтскихъ дней.

Геѳсиманскій садъ... Елеонская гора...

Дѣтскія представленія слабо сливаются съ дѣйствительностью. Тайна предвидѣнія, доступная только на зарѣ пробужденія, какъ будто находитъ здѣсь свое подтвержденіе. Да иначе и не могло быть. Все такъ.

Но отчего тогда въ дѣтствѣ все это представлялось въ такомъ божественномъ свѣтѣ, въ мерцаніи невыразимыхъ надеждъ и отрадъ, полное благословляющей силы и красоты, а сейчасъ мнѣ страшно углубляться въ роковое значеніе этихъ мѣстъ.

Все продуманное раньше колеблется, но опытъ жизни и исторіи со всѣхъ сторонъ поддерживаетъ его своими остріями.

Не вернуть мистической вѣры дѣтскихъ лѣтъ и въ этомъ вся тайна паденія религіи и христіанства.

— Мы заплутались,—говорю я Саввѣ.

— Заплутались, брато, — отвѣчаетъ онъ. — Я сейчасъ.

И Савва торопливо уходитъ куда-то, оставивъ меня одного.

Все глухо кругомъ. Я опираюсь о каменный заборъ и почти дремлю.

Мельница стоитъ, поднявъ руки, темная, большая. Она уже не кажется теперь заплутавшейся, она какъ будто молится, поднявъ къ небу руки въ широкихъ, черныхъ рукавахъ.

Обрывки дѣтскихъ воспоминаній сами собой встаютъ въ памяти; они какъ будто зовутъ къ примиренію, но достаточно одного движенія моего, какъ мысль отрезвляется и уже не вѣритъ въ воскресеніе.

Стало совсѣмъ холодно, пошелъ дождь, который вѣтеръ бросаетъ прямо въ лицо. Холодный и совсѣмъ ужъ не весенній дождь. Хочется скрыться отъ него, куда ни попало.

Но вблизи нѣтъ никакой надежды найти гостиницу. Все пусто и глухо, даже собаки попрятались отъ дождя.

Тогда, совсѣмъ ужъ не расчитывая на моего замѣшкавшагося каваса, я самъ поднялся на какой-то холмъ и, къ своему счастью, увидѣлъ высоко въ темнотѣ два круглыхъ огня. Я узналъ ихъ. Наканунѣ я видѣлъ ихъ съ Сіонской горы: это—огни на Яффскихъ воротахъ.

Я окликнулъ Савву. Онъ отозвался сквозь шумъ дождя и скоро очутился около меня.

Мы пошли по узкой улицѣ, сплошь заваленной острыми камешками.

Савва что-то лепеталъ въ свое оправданіе. Подъ дождемъ его фигура казалась дѣтски безпомощной и жалкой. Онъ съ твердымъ убѣжденіемъ закончилъ свой лепетъ.

— Это не иначе, брато, какъ злой духъ запуталъ меня. Ему не нравится, что мы до Христа пошли.

Я взглянулъ на Савву, и онъ ужъ не представлялся мнѣ жалкимъ. Онъ казался ребенкомъ, которому я, во всемъ искусившійся и сомнѣвающійся человѣкъ, готовъ былъ завидовать даже въ эту минуту.

Мечеть Омара.

Наканунѣ изъ мрачной стѣны Іерусалима съ золотыми, нынѣ наглухо заложенными воротами, въ которыя въѣзжалъ на осликѣ Христосъ, я видѣлъ только куполъ великой мечети Омара.

Это было на вечерней зарѣ, когда молчаніе Іосафатовой долины и кроткая печаль Гефсиманскаго сада поднимаютъ въ душѣ благоговѣніе давно минувшихъ лѣтъ. И тогда куполъ этой мечети казался мнѣ загадочной короной древности, живущей подъ нимъ, подобно легендарной птицѣ съ сѣдыми поникшими крыльями.

Послѣ узкихъ, мрачныхъ, грязно-базарныхъ улицъ Іерусалима я вдругъ очутился у подножья широкой гранитной лѣстницы, наверху которой тонко и граціозно поднимались пять колоннъ, соединенныхъ легкими арками.

Кавасъ Марко, длинный и сухой старикъ въ расшитомъ черногорскомъ костюмѣ, охваченномъ на таліи зеленымъ поясомъ, въ маленькой круглой шапочкѣ, изъ-подъ которой полумѣсяцемъ блеститъ лысина и бѣлѣютъ мягкіе, какъ пухъ волосы, первый поднимается на лѣстницу.

Мы идемъ въ неустановленный день. Неизбѣжны переговоры и бакшишъ.

Это особенно ясно становится въ ту минуту, какъ наверху лѣстницы, изъ-за колоннъ, намъ навстрѣчу бросается высокая фигура старика, съ большой бородой, въ бѣлой чалмѣ въ бѣломъ развѣвающемся халатѣ.

Онъ съ искаженнымъ отъ ярости лицомъ останавливается посреди лѣстницы въ негодующей позѣ опернаго жреца, потрясая руками, обрушивается на каваса съ бѣшенымъ крикомъ.

Тотъ спокойно поднимаетъ руки: онъ знаетъ цѣну этой встрѣчи, и въ ту минуту, когда мулла, прервавъ свои крики, еще съ открытымъ ртомъ стоитъ передъ нами, кавасъ съ лукавымъ добродушіемъ произноситъ всего нѣсколько словъ. Но этого совершенно достаточно, чтобы гнѣвъ муллы сразу поблекъ и руки спокойно опустились. Однако, онъ торопитъ насъ и почти стремительной походкой поднимается по лѣстницѣ. Но около колоннъ останавливается и широкимъ восточнымъ жестомъ приглашаетъ войти.

Послѣ полудня. Небо фарфорово-прозрачно и сине. Вчерашній дождь какъ-будто омылъ его, и даже бѣлыя пухлыя облака кажутся насквозь промытыми дождемъ и пронизанными яркимъ весеннимъ солнцемъ.

Весна во всемъ. Она сіяетъ въ воздухѣ, трепещетъ на гранитныхъ истертыхъ плитахъ, распускается въ сизой зелени маслинъ и отражается даже въ могильныхъ кипарисахъ, по чугунной зеленоватости которыхъ струится молодой синій блескъ.

На широкой гранитной площади, которая такъ велика, что даже огромная мечеть Омара не подавляетъ ее, дуетъ весенній вѣтеръ; сухимъ шорохомъ звучитъ въ кипарисахъ и сушитъ влагу, оставшуюся во впадинахъ плитъ, послѣ вчерашняго дождя.

Эти древнія плиты почти бѣлы мертвенной бѣлизною старости и гладко отшлифованы въ продолженіе многихъ вѣковъ человѣческими ногами,—оттого на нихъ такъ поразительно прозрачно лежатъ теплыя тѣни, точно разлитая акварельная краска.

Кое-гдѣ на площади яркими, живыми пятнами движутся восточные костюмы, и зеленая трава, окроплен-

ная красными маками, пробивается среди плитъ, трогательной нѣжностью радуя глазъ.

Мулла слишкомъ торопитъ. Мнѣ представляется непристойной его суетливость здѣсь, гдѣ покой покоряетъ душу своимъ величiемъ, особенно около этой несравненной мечети, предъ которой я останавливаюсь, побѣжденный съ перваго взгляда...

Вся синяя, цвѣта полулуннаго ночного неба, на солнцѣ она кажется прозрачной. Я не знаю, что это за камень, изъ котораго построена она, но его благородно-синiй цвѣтъ поражаетъ своей чистотой и нѣжностью.

Стѣны мечети, не смотря на свой громадный объемъ, не кажутся, однако, ни тяжелыми, ни громоздкими, и разгадку этой тайны надо прежде всего искать въ завершенiи этой мечети, въ ея куполѣ, который съ перваго взгляда кажется черезчуръ великъ, но затѣмъ чувствуешь, что именно онъ какъ бы поднимаетъ эти стѣны, и даже не удивляешься легкости серебрянаго полумѣсяца, выростающаго изъ его вершины, какъ таинственный цвѣтокъ. Затѣмъ, несомнѣнно, этотъ куполъ придаетъ мечети ту восточную стильность и величавость, въ которой такъ поразительно сказывается духъ мусульманства.

На синевѣ этихъ стѣнъ узоры, созданные изъ камней различныхъ цвѣтовъ, кажутся кружевами, вытканными изъ драгоцѣнныхъ нитей. И эти кружева, повисшiя среди столбовъ и арокъ, какъ-то невыразимо осмысливаютъ стѣны извнѣ, возбуждая довѣрiе и предчувствiе въ душѣ, далекой отъ скрытой за ними святыни.

Я долго не могу оторвать глазъ отъ этой синевы и отъ этихъ благородныхъ украшенiй, какъ бы созданныхъ не только одной творческой фантазiей, какъ и весь храмъ, но одной и той же искусною рукою.

Въ этомъ вѣрно и кроется особенное очарованiе мечети Омара, ибо прекрасно воистину только то, что

единосущно, что служитъ выраженіемъ одной воли, одной души.

Великолѣпны и изящны кіоски, тріумфальныя ворота, арки и башенки, разсѣянныя по могильной пустынѣ; особенно мечеть Эль-Аска. Но послѣ мечети Омара даже она производитъ сравнительно ничтожное впечатлѣніе, не смотря на связанное съ ней преданіе о томъ, что здѣсь находилась Святая-Святыхъ, куда первосвященникъ Захарія ввелъ Дѣву Марію, когда Ей было всего три года.

Можно не умѣть разбираться въ стилѣ той или другой эпохи, не знать тайнъ архитектуры, по которымъ, какъ по книгѣ, читается исторія царства и народовъ, но и непосвященному глазу, чуткому однако къ красотѣ, при внимательномъ взглядѣ на всѣ эти второстепенныя сооруженія, становится ясно отсутствіе въ нихъ единой души и единой творческой воли.

Христіанство, Мусульманство, Іудейство и язычество сходятся здѣсь подъ одними сводами въ варварскомъ союзѣ, гдѣ меньше всего гармоніи, гдѣ все случайность и противорѣчіе. Оттого въ этихъ камняхъ нѣтъ и тѣни той одухотворенности и жизни, которая говоритъ изъ каждой линіи мечети Омара. Оттого эта бѣлая площадь и производитъ впечатлѣніе безконечно-печальнаго бѣлаго поля, на которомъ, послѣ жестокихъ и кровавыхъ пировъ жизни, окаменѣлые, забытые свидѣтели стоятъ, не узнавая другъ друга.

Кто поставилъ здѣсь эти кипарисы, подобные чернымъ, надгробнымъ обелискамъ? Не сама ли природа, божественнѣйшій творецъ и завершитель дѣяній рукъ человѣческихъ? Такъ или иначе, эти кипарисы выросли на почвѣ, утучненной несчетными трупами, пропитанной жаркой человѣческой кровью, оттого они такъ мрачны и мертвенно тяжелы, оттого они такъ таинственно осмысливаютъ печаль этого мѣста, великаго и незабвеннаго.

Въ V вѣкѣ по исшествіи сыновъ Израилевыхъ изъ Египта, на исходѣ своего царствованія, прогнѣвившій Бога царь Давидъ увидѣлъ здѣсь ангела, простершаго карающую руку на Іерусалимъ. И сказалъ Давидъ ангелу, истреблявшему народъ, ибо это было время, когда Богъ говорилъ съ людьми и ангелы Божіи принимали участіе въ войнахъ:

— Вотъ я согрѣшилъ, я поступилъ беззаконно, а эти овцы что сдѣлали? Да будетъ рука Твоя на мнѣ и на домѣ отца моего.

И въ тотъ же день было велѣніе Давиду: поставить жертвенникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ видѣлъ ангела. Ангелъ же Господень былъ на гумнѣ Орна-Іевусеянина.

И купилъ Давидъ гумно и воловъ, бывшихъ на гумнѣ за пятьдесятъ сиклей серебра.

И построилъ тамъ Давидъ жертвенникъ Господу и принесъ всесожженія и мирныя жертвы на скалѣ Моріа.

Эта скала послужила алтаремъ храма Соломона, воздвигнутаго въ четыреста восемьдесятъ седьмомъ году, въ одиннадцатый годъ его царствованія; строилъ же его Соломонъ семь лѣтъ.

Домъ Божій былъ обложенъ внутри чистымъ золотомъ и золотыя цѣпи были протянуты передъ золотымъ давиромъ, предназначеннымъ для Ковчега Завѣта. Въ молитвенной тишинѣ и безмолвіи былъ построенъ этотъ величайшій изъ храмовъ, отъ котораго и донынѣ сохранились гигантскіе камни. Ни молота, ни топора, ни всякаго другого орудія не было слышно въ храмѣ при строеніи его; такова была тайна строительства, оставшаяся невѣдомой доселѣ, какъ до сихъ поръ невѣдомъ способъ передвиженія этихъ гигантскихъ камней, передъ которыми всѣ современныя машины, предназначенныя для подобныхъ цѣлей, кажутся дѣтскими игрушками.

Библейскія страницы о построеніи этого храма полны восторгомъ передъ величіемъ генія Соломона, воздвигшаго домъ Божій, достойный Его имени и мудрости самаго Соломона, большей, чѣмъ мудрость всѣхъ сыновъ востока и вся мудрость египетская.

Остервенѣлый Навуходоносоръ разрушилъ это дивное созданіе и столбы мѣдные, которые у дома Господня; и поставы, и море мѣдное, которое въ домѣ Господнемъ, изломали халдеи и отнесли мѣдь ихъ въ Вавилонъ вмѣстѣ съ золотомъ. И мѣди во всѣхъ этихъ вещахъ не было и вѣсу.

Такъ свидѣтельствуетъ библія, и это свидѣтельство звучитъ, какъ рыданіе о погибшемъ. Хотя, по возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго, храмъ былъ воздвигнутъ снова, и снова разрушенъ, и опять воздвигнутъ Иродомъ, но въ немъ ужъ не могло быть того сказочнаго великолѣпія и того божественнаго величія, какое было при Соломонѣ, ибо мудрость, касающаяся камня, заставляетъ его оживать и даетъ ему глаза.

Но значительность Иродову храму придаетъ имя Христа, съ которымъ, несомнѣнно, установлена связь этого мѣста, этихъ бѣлыхъ могильныхъ плитъ, по которымъ ступаютъ мои ноги.

Въ храмъ Ирода былъ принесенъ Іисусъ Христосъ въ сороковой день Его рожденія. Здѣсь Симеонъ встрѣтилъ Его предреченнымъ привѣтомъ и ужасомъ наполнилъ сердце Матери, сказавъ Ей:

— Тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе.

По этимъ плитамъ двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ пришелъ Онъ въ храмъ, гдѣ изумилъ стариковъ Своею мудростью и познаніемъ. Здѣсь кнутомъ изгонялъ Онъ торгующихъ, молился и училъ народъ. Съ этимъ храмомъ тѣсно связана жизнь Христа, вплоть до того мгновенія, какъ разодралась въ храмѣ священная завѣса.

Но и этотъ храмъ былъ разрушенъ. Синяя мечеть Омара сіяетъ на этомъ мѣстѣ, и все же, если бы здѣсь

не было камня на камнѣ, мѣсто это осталось бы храмомъ. Немногіе сохранившіеся съ тѣхъ поръ камни знаютъ и помнятъ Христа.

Я надѣваю на ноги туфли, услужливо поданныя мнѣ однимъ изъ сторожей; и вхожу въ дверь синей мечети, священнѣйшей для мусульманъ, чтимой наравнѣ съ Магометовыми мечетями въ Меккѣ и Мединѣ.

Всего пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ не только входъ въ эту мечеть, но даже за ея ограду былъ недоступенъ иновѣрнымъ, и каждый застигнутый тамъ могъ избавиться отъ казни, только принявъ магометанство.

Есть свидѣтельство, что, когда Бельгійскій принцъ, получившій разрѣшеніе султана для осмотра мечети, предъявилъ его іерусалимскому пашѣ, тотъ смущенно сказалъ:

— Я впущу васъ туда, но не ручаюсь, что вы оттуда выйдете.

Послѣ яркаго солнечнаго свѣта, отраженнаго бѣлыми плитами, мнѣ первыя минуты темно въ мечети, настолько темно, что я почти ничего не различаю. Чувствую надъ собою только глубину, прохладу и тишь, въ которой тонутъ человѣческіе голоса, поющіе молитвы. Я даже на мгновеніе закрываю глаза и какъ будто погружаюсь въ свѣжую глубину на дно озера, покрытаго куполомъ золотого вечерняго неба.

Это золото купола первое, что осталось въ моемъ впечатлѣніи, и я только потомъ понялъ, что въ связи съ золотымъ куполомъ это ощущеніе и впечатлѣніе озера вызвано было зеленовато-мутнымъ тономъ свѣта, наполняющаго обширную внутренность мечети.

Зато, когда я открылъ глаза, великолѣпіе мечети до жуткости охватило меня. Это произошло не сразу; оно проникало въ меня постепенно, волнуя и вызывая

то высокое внутреннее наслажденіе, то сладостное чувство общенія съ какимъ-то новымъ міромъ, подобное которому вызываютъ въ насъ творенія геніевъ.

И какъ удивительно лучъ солнца, проникшій справа въ окно подъ самымъ куполомъ, пронизывалъ воздухъ этой мечети, золотисто-зеленоватый отъ обилія золота и зеленаго драгоцѣннаго камня, свѣтившаго, какъ изумрудъ!

Свѣтъ проникалъ во множество оконъ, оживляющихъ мечеть и придающихъ ей необыкновенное очарованіе, благодаря цвѣтнымъ стекламъ, создающимъ удивительный эффектъ освѣщенія. Кажется, что вмѣсто стеколъ пронизаны свѣтомъ лепестки цвѣтовъ, цѣлая радуга изъ цвѣточныхъ лепестковъ, въ которыхъ купается солнце.

Эти окна—чудо мозаики. Глубокій гипсъ переплетаетъ ихъ, собирая и отражая ихъ сіяніе, оттого и происходитъ эта легкая зыбь свѣта, заливающаго мечеть.

Я не зналъ, куда мнѣ глядѣть: все было одинаково прекрасно, все, начиная отъ купола и кончая пушистыми восточными коврами, которые дѣлаютъ полъ мечети подобнымъ дну озера, покрытаго мягкимъ, цвѣтнымъ мохомъ.

Я шелъ среди двухъ рядовъ колоннъ, изъ которыхъ одинъ рядъ, ближайшій къ мраморнымъ стѣнамъ, возвышался параллельно восьми гранямъ мечети, въ то время, какъ другой рядъ замыкалъ кругомъ середину мечети, огороженную двумя рѣшетками; первая рѣшетка—деревянная, узорная, вторая—въ ростъ человѣка, металлическая, утвержденная на мраморномъ выступѣ.

Растерянный, я взглянулъ за эту рѣшетку только впослѣдствіи: эти круговыя колонны, поддерживающія куполъ, прежде всего приковали мое вниманіе; древнія колонны изъ порфира, малахита и мрамора—такихъ цвѣтовъ, какого теперь нѣтъ уже нигдѣ на землѣ; золо-

ченныя капители колоннъ связаны арками и надъ ними, очерчивая все основаніе купола, вилась поразительной красоты мозаика слоновой костью и золотомъ по фону чернаго камня, который кажется сплошнымъ и единымъ. Конечно, эта поразительная мозаика—лишь рисунки, созданные восточной фантазіей, проникнутой благоговѣйнымъ сознаніемъ, что она творитъ ихъ для храма. Но, когда вникаешь въ нихъ, кажется, что угадываешь за ними мудрость, близкую къ мудрости корана, стихи котораго, вѣщающіе объ Аллахѣ, Магометѣ и Христѣ, звучатъ вездѣ въ мечети въ начертаніи буквъ, подобныхъ этимъ загадочнымъ арабескамъ.

И вообще всѣ украшенія мечети представляются столько же созданіемъ искусства, сколько и религіи мусульманской, откровеніемъ вѣры и фантазіи.

Между тѣмъ, сопровождающій насъ мулла нетерпѣливо обращается къ моему кавасу, и я вижу, что онъ не доволенъ моей медлительностью. Причины очевидны: храмъ быстро наполняется правовѣрными, и рѣзкіе голоса молитвъ сливаются съ негодующимъ шипѣніемъ противъ иновѣрцевъ, нарушающихъ чистоту моленій.

Только тутъ я обращаю вниманіе на это пространство за рѣшеткой; оно одно, какъ будто, пусто. Я встаю на мраморный цоколь и вижу передъ собой громадную глыбу камня, какъ будто выпертаго извнутри невѣдомою силой.

Это и есть скала Моріа, для мусульманъ священная почти, какъ камень Каабы, такъ какъ, помимо прочихъ легендъ, существуетъ преданіе, что на этой скалѣ Авраамъ занесъ жертвенный ножъ надъ Исаакомъ.

Теперь здѣсь хранится свитокъ корана, написанный на древнемъ пергаментѣ.

Все разрушалось и погибало, все видоизмѣнялось и теряло свои имена. Даже самый Іерусалимъ въ эпоху римскаго императора Адріана звался Элія, и только эта

скала оставалась неприкосновенной, то, какъ ничего не-стоющій камень, то, какъ неизреченная святыня.

Этотъ камень дикаго и мрачнаго вида, но трудно вообразить себѣ что-нибудь болѣе величественное и достойное, чѣмъ онъ въ этой мечети. Онъ представляетъ какъ бы сердце ея, обнаженное и окаменѣлое, но затаившее въ себѣ все могущество древнихъ вѣковъ и всю силу своего легендарнаго значенія. Этотъ камень былъ алтаремъ Соломонова храма и храма Ирода; на немъ приносились жертвы, и это углубленіе, выдолбленное въ серединѣ его—мѣсто, куда стекала кровь жертвенныхъ животныхъ. Кровь смывалась потоками воды, проведенной изъ прудовъ Соломона, отстоящихъ въ нѣсколькихъ часахъ отъ Іерусалима.

Эта окровавленная вода стекала внизъ въ Кедронскій потокъ.

Крики вокругъ растутъ. Кавасъ хватаетъ меня за руку, и я вижу разъяренныя лица и сверкающіе глаза, съ злобой и презрѣніемъ устремленные на насъ.

— Идемъ, идемъ скорѣе!—тревожно торопитъ меня Марко и тянетъ вслѣдъ за муллой, который почти бѣжитъ впередъ, съ склоненной виновато головой, отвѣчая на угрозы и торопя насъ.

Онъ раздраженно скалитъ на меня зубы, но меня только забавляетъ его смятеніе, хотя жуткое чувство, томительно возбуждающее нервы, само собой поднимается въ душѣ отъ темной ярости правовѣрныхъ.

Я убѣжденъ, что если бы одинъ изъ нихъ, не совладавъ съ собой, поднялъ на меня или на моего каваса руку, толпа въ одно мгновеніе растерзала бы насъ и растоптала въ прахъ.

Но я, не прибавляя шага, медленно прохожу, какъ сквозь строй, среди разнятой муллой толпы, которая смыкается за нами, какъ волны.

Мнѣ жаль покидать мечеть: мнѣ, человѣку, потерявшему вѣру, сладостно и почти завидно видѣть такой

подъемъ религіознаго чувства, при которомъ каждый посторонній кажется осквернителемъ святыни.

За стѣнами мечети я не могу удержать вздоха о томъ, что такъ мало видѣлъ ее и былъ въ ней. Дальнѣйшее паломничество мое не можетъ вознаградить меня за это лишеніе и я почти равнодушно осматриваю мечеть Аль-Аска, хотя съ ней связаны такія трогательныя преданія.

Широкая древняя лѣстница, ведущая изъ этого храма съ юга, навѣрное, была той, по которой Дѣва Марія вступила сюда, сопровождаемая изъ самаго Назарета Своими подругами, съ зажженными свѣтильниками.

Меня даже не особенно занимаетъ и это громадное подземелье подъ всей площадью, на которой стоитъ мечеть Омара, куда такъ торжественно спускаемся мы вслѣдъ за муллою. Такъ вотъ оно что! Вся эта площадь вмѣстѣ съ храмомъ, оказывается, стоитъ на громадныхъ колоннахъ, воздвигнутыхъ среди гранитныхъ плитъ и сводовъ. Колоссальные камни съ остатками горельефовъ въ видѣ виноградныхъ листьевъ составляютъ основу этого подземелья, какъ бы второго храма, куда выходитъ нижняя часть скалы съ своимъ воронкообразнымъ отверстіемъ.

Отсюда скала кажется висящей въ воздухѣ, чѣмъ муллы и морочатъ головы слишкомъ наивнымъ посѣтителямъ. Для нихъ же они стучатъ въ каменный полъ подъ скалою, заставляя внимать гулу пустоты, который кажется какъ-будто стономъ самого ада.

Мой кавасъ утверждаетъ, что подъ этимъ подземельемъ третье, такое же громадное, но входъ туда закрытъ.

Въ камняхъ кое-гдѣ вдѣланы желѣзныя кольца и виднѣются углубленія съ впадинами въ гранитномъ по-

лу: тутъ, несомнѣнно, держали лошадей, можетъ быть, въ то время, когда эти подземелья утратили значенiе храма.

За нами остается цѣлый рядъ неразгаданныхъ тайнъ, чередующихся съ шарлатанскими баснями, вызывающими раздраженiе, какъ и эти попрошайки, сидящiя на пути въ пещерахъ и около корытъ, служившихъ мѣстомъ обрѣзанiя, и съ жадными криками простирающихъ черныя костлявыя руки.

— Бакшишъ! Давай на масло! Давай на масло!

И вотъ я опять на воздухѣ.

Послѣ мрачнаго, суроваго, пыльнаго подземелья я опять вижу синее небо съ весенними пушистыми облаками, пронизанными солнцемъ, и синюю мечеть среди бѣлыхъ бѣлизною древности плитъ.

Красные маки пылаютъ на солнцѣ, какъ лампадка, и темные кипарисы стоятъ неподвижно, какъ погасшiе факелы.

Великолѣпна внутренность мечети и могущественна красота ея, какъ Божественная проповѣдь, написанная золотомъ, слоновой костью и драгоцѣнными каменьями на вѣчномъ мраморѣ. И все же, какъ радостно глазамъ послѣ этого неподвижнаго великолѣпiя глядѣть на Божiй мiръ, на синiй куполъ неба и на эти бѣдные цвѣточки и травку, пробившуюся среди плитъ, по которымъ ступалъ Христосъ.

Магометанство, Христiанство, Iудейство... Богъ одинъ. Но религiя, какова бы она ни была, замкнутая въ стѣны, даже осыпанная драгоцѣнными камнями, рано или поздно должна задохнуться въ нихъ.

Я слышу, какъ муэдзинъ кричитъ съ высокой мечети; онъ поднялъ голову, приложилъ къ щекѣ руку и высокимъ, жалобнымъ воплемъ призываетъ къ молитвѣ.

Онъ замолкъ, и я поднимаю голову на другіе голоса, которые льются откуда-то сверху: это поютъ жаворонки, и сердце мое вспыхиваетъ нѣжностью и лаской къ этимъ маленькимъ крылатымъ муэдзинамъ, зовущимъ къ молитвѣ всѣхъ, безъ различія религіи, все живое и сущее на землѣ.

На Іорданъ.

Я заказалъ себѣ наканунѣ верховую лошадь. Двухтысячный караванъ паломниковъ выступаетъ съ разсвѣтомъ на Іорданъ. Легъ рано, но великолѣпная лунная ночь мѣшала, видно, спать не мнѣ одному. Въ открытыя окна безпрерывно доносились съ улицы громкіе голоса и стукъ шаговъ по звонкимъ плитамъ.

Но на зарѣ я уснулъ, и, когда стукнули въ мою дверь, было уже довольно свѣтло, и съ улицы доносился шумъ и гулъ суетящейся толпы, который пронизывался рѣзкимъ крикомъ мѣнялы.

— Деньги мѣнять, время не терять! Эй, старухи, старички, берите парички!

Какъ не спѣшилъ я, однако, нѣсколько запоздалъ, а когда очутился на улицѣ, кавасъ сообщилъ мнѣ, что караванъ уже вышелъ.

— Догòните его за Дамасскими воротами...

Лошадь уже ожидала меня. Но чтò это была за лошадь! Я мечталъ объ арабскомъ конѣ, а эта врядъ ли была болѣе рѣзва, чѣмъ любой оселъ.

Но арабское сѣдло довольно покойно съ своими стременами для всей ступни. Да и не разскачешься, если тебя сопровождаетъ самъ владѣлецъ лошади.

— Елла!—говоритъ онъ, и мы пускаемся въ путь.

Утро тихое и сѣренькое. Еще солнце не взошло; въ городѣ движеніе; навстрѣчу попадаются козы, ослики, верблюды и очень мало людей, зато всѣ люди въ восточныхъ абаяхъ, всѣ—арабы, бедуины или феллахи. Уже за Дамасскими воротами солнце выходитъ изъ-за

горъ, освѣщаетъ зубчатыя городскія стѣны, золотистый камень которыхъ дивно свѣтится на солнцѣ. Отсюда видно, какъ далеко раскинулась дорога черезъ Кедронскій потокъ, черезъ Геѳсиманію, Виѳанію, черезъ холмы и долины.

Тамъ и сямъ она обрывается, чтобы вынырнуть снова вдали, и бѣлѣющимъ ручейкомъ блеститъ по красноватому скату холма, убѣгая къ сиреневымъ горамъ Моава. Проѣзжаемъ Виѳанію, гдѣ очень чтится пещера воскресшаго Лазаря, и надъ кубиками домовъ возвышается древняя руина, остатокъ церкви, когда-то бывшей на мѣстѣ встрѣчи Христа съ Марѳой и Маріей.

Мой проводникъ спрашиваетъ, далеко ли паломники.

— Разъ затянуться табакомъ,—отвѣчаютъ ему обычной арабской фразой.

И дѣйствительно, поднявшись на каменистую возвышенность, я вижу далеко внизу растянувшійся по бѣлой дорогѣ караванъ: точно муравьи, расползлись богомольцы версты на три, но внизу, на поворотѣ, какъ будто гнѣздо этихъ муравьевъ и такое же гнѣздо справа, у источника Двѣнадцати Апостоловъ. Тамъ люди копошатся и чернѣютъ, запасаясь водой въ далекій путь.

Солнце быстро поднимается. Расползаются, какъ тѣни, облака. День будетъ жаркій, а дорога утомительна и безводна.

Мы колесимъ зигзагами вправо-влѣво и медленно нагоняемъ ихъ. Сначала старики и старухи, которыя идутъ, не спѣша, ровными переплетающимися шажками. Большинство въ лаптяхъ, но есть и основательные мужики въ валенкахъ и даже въ огромныхъ тяжелыхъ, подбитыхъ желѣзными подковами, сапогахъ. Эти высоко поднимаютъ ноги и каждымъ шагомъ своимъ точно стараются убѣжденно вколотить камни въ землю.

Наиболѣе молодые, ретивые и неопытные ушли впередъ, но съ половины пути картина измѣняется, и мно-

гіе изъ нихъ очутятся позади, рядомъ со слабыми и даже увѣчными.

Паломники идутъ и въ одинъ голосъ тянутъ молитву. Пѣніе ихъ издали кажется унылымъ жужжаніемъ или журчаніемъ ручья. Всѣ съ котомками, съ бутылками, съ чайниками, позванивающими въ тактъ пѣнію.

Напрасно кавасъ, въ бѣломъ кафтанѣ на бѣлой лошади, скачетъ отъ тѣхъ, что идутъ позади, къ переднимъ, желая создать болѣе стройное движеніе: онъ уже охрипъ, а его не слушаютъ, идутъ по-своему, и въ разныхъ группахъ поютъ разное. Остановились на нѣкоторое время у перваго хана, гдѣ есть вода. Тутъ бы подождать еще остальную часть каравана, которая должна была выйти черезъ нѣсколько минутъ послѣ меня. Вонъ уже эта часть виднѣется наверху на ровной бѣлой дорогѣ. Черныя точечки и палочки также расположились по пути и напоминаютъ нотные значки, разставленные по ровнымъ линіямъ.

Тамъ также кавасъ на лошади, замыкающій все шествіе, и изъ-за его спины иногда поблескиваетъ дуло винтовки: мало ли что можетъ случиться на этомъ дикомъ и долгомъ пути.

Тѣ, что не поютъ, на ходу разговариваютъ между собою о томъ, о семъ, иные ссорятся. До меня доносятся обрывки ихъ бесѣдъ, отдѣльныя словечки. И, несмотря на то, что ихъ такъ много, и всѣ они изъ разныхъ мѣстъ, кажется, по этимъ случайно долетѣвшимъ словамъ, что у нихъ одна жизнь, одни интересы, одна душа. Недавно выпадали дожди, и потому дорога, слава Богу, не очень пыльная, но все же лучше ѣхать впереди. Я обгоняю пѣшихъ и ѣдущихъ верхомъ на осликахъ. Большинство—священники подъ зонтиками и дамы. Но есть и деревенскія женщины, которымъ не подъ силу путь, или позволяютъ средства. На послѣднихъ паломники смотрятъ косо. Господамъ уже

такъ положено, а простому человѣку зазорно къ святымъ мѣстамъ своихъ ногъ жалѣть.

Достаточно мнѣ десятка на три саженъ выбраться впередъ, и голоса позади замираютъ, и только шумъ шаркающихъ и стучащихъ ногъ доносится, безпрерывный и утомительно скучный: точно сзади волочатъ по землѣ что-то громоздкое и тяжелое.

Солнце уже высоко. Горы Моава вдали изъ сиреневыхъ стали синими; онѣ далеко за Мертвымъ моремъ, но съ подъемомъ кажутся совсѣмъ близко. Виѳанія съ темно-зелеными купами точно таетъ по мѣрѣ удаленія въ начинающемъ струиться воздухѣ. И все безмолвнѣе, все печальнѣе поднимаются холмы, все болѣе дичаетъ мѣстность и путь.

И здѣсь горы напоминаютъ купола подземныхъ храмовъ, и здѣсь онѣ мѣстами каменисты и безжизненны, какъ на пути изъ Яффы въ Іерусалимъ, но тишина здѣсь почему-то не такъ удушлива, какъ тамъ. Можетъ-быть, потому, что здѣсь все же какъ будто болѣе простора.

Однако, и тутъ не видно жизни. Изрѣдка услышишь свистъ птички, но кажется, что и она этими короткими трелями жалуется на свое одиночество. Орелъ, точно колдуя надъ этой и безъ того заколдованной землей, чертитъ, поднимаясь все выше въ небо, магическую спираль. Что ему здѣсь дѣлать? Гдѣ жертвы для него?

Изрѣдка встрѣчается становище верблюдовъ, или пасущіяся по склонамъ стада черныхъ козъ. Пастухъ играетъ на тростниковой дудкѣ, и жалобно, какъ блеяніе козленка, звучатъ среди холмовъ дикіе звуки, въ которыхъ нѣтъ мелодіи, а только однообразные вскрики и стоны.

Трупъ лошади попался на пути. Стервятники-ястреба отъ жадности подпустили насъ довольно близко и неохотно поднялись съ падали.

— Ружьемъ... Пафъ!—наглядно показалъ мнѣ проводникъ на хищниковъ.

Но они видѣли, что путники безоружны, и, едва мы миновали ихъ, снова полетѣли къ падали.

Часа черезъ три пути неожиданно выросла передъ глазами стѣна и открытыя ворота. Это такъ называемый ханъ Добраго Самарянина. Вокругъ него на свободѣ щипали травку ослики, и шевелились около большого котла, подъ которымъ дымился огонь, арабы.

Въ противоположной стѣнѣ двора также были открыты ворота, и насквозь синѣло яркое небо. Во дворѣ стояли экипажи, суетились люди. Справа—открытыя настежь двери въ довольно обширное помѣщеніе, похожее на сарай. Тутъ въ первой комнатѣ—буфетъ, во второй—столы и лавки, въ третьей—что-то въ родѣ лавочки, гдѣ продаются сѣдла, старое оружіе, дубины и разные предметы благочестія изъ дерева, стекла и перламутра.

Страшной нелѣпостью поражаетъ стоящая въ амбразурѣ окна ободранная парикмахерская кукла или манекенъ съ клочьями волосъ на проломленной головѣ.

— Что у васъ есть?

— Все есть,—отвѣчаетъ арабъ.

— Яичницу можно сдѣлать?

— Нѣтъ.

— Тарелку щей?

— Нѣтъ.

— Молока?

— Нѣтъ.

— Что же можно?

— Пива можно. Вина можно. Рыба можно,—съ гордостью указываетъ онъ на ржавыя вздувшіяся жестянки съ консервами.

Я завтракаю вареными яйцами и апельсинами, которые на всякій случай захватилъ съ собою.

Вино палестинское здѣсь дорогое и самый плохой сортъ.

Но мое положеніе завидное. Зато, когда вваливается во дворъ огромный паломничій караванъ, начинается стонъ.

Кто побогаче и попроворнѣе, захватили кипятокъ и воду, заготовленную арабами. Но это только капля. Воды здѣсь нѣтъ совсѣмъ. Ее привозятъ издалека, изъ монастыря Георгія Хузевита, берутъ за стаканъ двѣ парички—5 коп. Однако, и той скоро не хватаетъ, и бѣдняки изнемогаютъ отъ жажды послѣ трехчасового утомительнаго пути подъ знойнымъ солнцемъ.

Это — ужъ непростительное варварство. Ежегодно здѣсь идутъ и караваны и отдѣльные русскіе паломники. Въ годъ проходитъ не менѣе пяти-шести тысячъ,—неужели же нельзя было позаботиться, чтобы здѣсь для нихъ хоть вода-то была? Говорятъ, покойный архимандритъ Антонинъ хотѣлъ купить это мѣсто, но не успѣлъ осуществить этой неотложной нужды, а послѣ него объ этомъ, видимо, мало думаютъ. Конечно, трудно надѣяться на грековъ, которые, обирая до тла православныхъ паломниковъ, еще не ударили для нихъ пальцемъ о палецъ, но и русской духовной миссіи и Палестинскому обществу стыдно оставлять паломниковъ на произволъ арабовъ по пути къ святынѣ и заставлять мучиться жаждой чуть ли не въ продолженіе десятичасового пути въ сожженной солнцемъ пустынѣ.

Люди роптали; ревѣли отъ жажды ослы. Каравану нечего было здѣсь дѣлать, и, едва передохнувъ, паломники собрались дальше. Я опять очутился впереди, несмотря на то, что ѣхалъ шагомъ, подгоняя лошадь только тогда, когда проводникъ мой оставлялъ меня, избирая кратчайшія тропинки и иногда скрываясь отъ глазъ минутъ на двадцать пять—тридцать.

Тишина, медленное покачиванье въ сѣдлѣ и солнце послѣ безсонной ночи убаюкивали меня. Безпощад-

ная небесная синь надъ безнадежными горами заставляла закрывать глаза. Красные огоньки и точечки кружились передъ глазами. Или это маки въ зеленой травѣ? Онѣ покачиваются отъ легкаго вѣтерка и тоже какъ будто дремлютъ.

Рѣдко встрѣтятся на пути пара осликовъ, нагруженныхъ скарбомъ, верблюдъ, съ качающимся наверху арабомъ. Иногда изъ корзинокъ, перекинутыхъ по бокамъ ослика, выглядываютъ, точно птички изъ гнѣзда, двѣ дѣтскихъ головки. Встрѣтится бедуинъ въ полосатой абаѣ съ винтовкой за плечами—и опять пустота, тишь, безнадежность и орлы въ синевѣ.

Непрерывный, плавный и пріятный шумъ неожиданно оживилъ тишину.

Что такое? Неужели потокъ? Дремота моя сразу прошла. Лошадь также почувствовала свѣжесть воды въ этомъ шумѣ. Зафыркала и зашевелила ушами.

Я свернулъ немного влѣво, и въ глубинѣ ущелья увидѣлъ сверкающую и прыгающую по камнямъ воду потока, подъ которымъ черными точками, какъ блохи, прыгали козы. И еще увидѣлъ я подъ этой водой, высоко на отвѣсной скалѣ, бѣлыя стѣны монастыря Георгія Хузевита, къ которому изъ Іерихонской долины ведетъ узкая тропинка надъ самымъ обрывомъ.

Кельи схимниковъ бѣлѣютъ по отвѣсу горы. Ихъ только и можно отличить отъ камней потому, что онѣ побѣлены. Какъ пробираются туда, какъ доставляютъ имъ пищу? Должно быть, по веревкѣ.

На обратномъ пути я рѣшилъ заѣхать въ этотъ монастырь, а теперь чувствовалъ усталость и голодъ. Хотѣлось скорѣе добраться до Іерихона. Лошадь, точно раздѣляя мое желаніе, пошла быстрѣе. Да и путь вился отъ самаго Іерусалима внизъ за исключеніемъ небольшихъ подъемовъ. Около Іерихона я уже буду больше чѣмъ на тысячу футовъ ниже уровня моря. Здѣсь—конецъ іудейскихъ горъ. За ними воздушной грядой тя-

нется Моавъ, а въ межгорныя впадины синѣетъ густо и тяжело, какъ блестящій камень, Мертвое море.

На дорогѣ, въ пыли, черный и длинноносый, какъ воронъ, сидитъ греческій монахъ и не предлагаетъ, а требуетъ купить у него разложенныя имъ на грязной подстилкѣ мелочи.

— Давай парички! Давай парички!—кричитъ онъ рѣзкимъ каркающимъ голосомъ.

Я бросилъ ему мелочь, и онъ кинулся за ней съ разлетающимися, какъ черныя крылья, полами рясы.

«Нѣтъ, не поѣду въ монастырь!»—рѣшилъ я въ ту же минуту и подтолкнулъ лошадь. Она побѣжала рысцой.

Такъ вотъ онъ каковъ Іерихонъ. Нѣсколько бѣлыхъ домиковъ съ красными кровлями; возлѣ нихъ не то сваленый хворостъ, не то кучки навоза.—Арабская деревушка.

Зато и деревушку и бѣлые домики осѣняютъ зеленью высокія деревья, которыя издали кажутся сплошнымъ садомъ, а надъ нимъ качаютъ свои легкіе султаны финиковыя пальмы.

Ровная широкая долина идетъ отъ самой подошвы горы вплоть до Моава; по ней извиваются потоки, отмѣченные болѣе темной лентой кустарника, такъ же, какъ и Іорданъ, который только по этой зелени и угадывается вдали.

Свѣжесть зеленой равнины послѣ безжизненныхъ каменистыхъ іудейскихъ горъ и холмовъ улыбается съ ласковымъ радушіемъ, и зной отъ одного вида этого свѣтлаго оазиса сразу какъ будто становится здѣсь не такъ чувствительнымъ.

Мутный потокъ пересѣкаетъ путь, и лошадь тянется жадно къ нему мордой и шумно пьетъ, раздувая ноздри. Попьетъ-попьетъ, подниметъ голову и точно не вѣритъ себѣ, или желаетъ продолжить удовольствіе, медлитъ, а съ ея влажной мохнатой губы падаютъ, блестя, крупныя капли воды.

Передъ самымъ Iерихономъ—тучные огороды, орошаемые водой изъ потока Елисѣя. Этой водой пользуются въ равной степени всѣ iерихонцы при помощи особыхъ каналовъ и запрудъ.

Извѣстна легенда объ этомъ источникѣ. Соленой и негодной была вода его, но Елисѣй помолился, и вода очистилась отъ соли, горечи и мути.

Бѣленькiе домики съ красными кровлями оказались отелями. Ихъ тутъ цѣлыхъ четыре. Надъ ними развѣваются нацiональные флаги, и флагъ—надъ русской миссiей, гдѣ мы проведемъ эту ночь. Десятокъ арабскихъ дѣтишекъ высыпаетъ навстрѣчу и требуетъ бакшишъ.

Подворье миссiи стоитъ въ прекрасномъ садикѣ, гдѣ цвѣтутъ розы, олеандры, гдѣ высокiя финиковыя пальмы колышутъ свои султаны надъ мелколиственными эвкалиптами и смоковницами, сикоморами и кедрами, а колючiе громадные кактусы оберегаютъ садикъ отъ скотины. Въ настоящее время при миссiи строится храмъ, а пока молятся въ часовнѣ, воздвигнутой, очевидно, надъ древнимъ храмомъ, отъ котораго сохранилась только часть мозаичнаго пола. По преданiю, отсюда родомъ былъ Закхей, въ домѣ котораго былъ Iисусъ, и въ часовнѣ есть изображенiе его на деревѣ, бросающимъ пальмовыя вѣтки подъ ноги ослику, на которомъ ѣдетъ Спаситель.

Слышно, какъ за садикомъ обтесываютъ камни, а около дома—суета: приготовляются къ встрѣчѣ паломниковъ; для господъ худощавый рыжiй монашекъ протащилъ въ кухню за ноги растопырившихъ крылья куръ.

Послѣ безпрерывной восьмичасовой ѣзды верхомъ я, разминая ноги, поднимаюсь наверхъ, наскоро сбросивъ съ себя обувь и пиджакъ, валюсь въ постель въ прохладной довольно большой сводчатой комнатѣ съ двумя

рѣшетчатыми окнами и четырьмя кроватями подъ кисейными пологами отъ москитовъ.

Между тѣмъ, какъ я съ наслажденіемъ отдыхаю, вносятъ самоваръ и постный обѣдъ—на деревянномъ маслѣ.

— Ужъ извините... черезъ часика два будетъ готово скоромное, а пока—чѣмъ Богъ послалъ.

Но мнѣ лѣнь шевелиться. Въ комнатѣ прохладно, и пріятно протянуть ноги, лѣтъ пятнадцать уже неиспытывавшія такихъ переѣздовъ верхомъ. Самоваръ кипитъ и даже слегка позваниваетъ, какъ умѣютъ дѣлать самовары только въ глубокой провинціи.

Если закрыть глаза и прислушиться къ его привѣтливому шуму, кажется, что гдѣ-то далеко-далеко играетъ цѣлый оркестръ.

Но вдругъ шумъ самовара покрывается другимъ шумомъ, въ который вплетается длинная тонкая трель: такъ арабы выражаютъ свой восторгъ. Не успѣлъ еще я, какъ слѣдуетъ, вслушаться въ эту новую музыку, какъ раздался выстрѣлъ, другой.

Я бросился къ окну и вижу: мчится вдаль отъ раскинувшейся тутъ же арабской деревушки бедуинъ на великолѣпной сѣрой лошади, а за нимъ—двое другихъ съ гиканьемъ и криками. Въ рукахъ одного изъ нихъ винтовка, и въ воздухѣ еще пахнетъ дымомъ и пороховой гарью.

Толпа арабовъ, женщинъ и дѣтей неистово шумитъ, и я въ первое мгновеніе думаю, что тотъ бедуинъ впереди укралъ лошадь или совершилъ какое-нибудь иное преступленіе и мчится отъ погони. Но они его нагоняютъ. Тогда онъ на всемъ скаку осадилъ лошадь и почти перевернулся въ сѣдлѣ. «Раненъ!» съ тревогой подумалъ я. Въ ту же минуту онъ повернулъ лошадь и ринулся обратно на своихъ преслѣдователей. Тѣ, какъ будто пораженные испугомъ, сдѣлали то же самое. Великолѣпныя лошади мчались, вытянувъ свои короткія го-

ловы, но, не доскакавъ до деревни, повернули снова назадъ, и то же сдѣлалъ первый. И опять восторженная трель переплела весь шумъ. У меня сразу отлегло отъ сердца: это только испытывали новую лошадь, не больше. Но я не могъ не любоваться, какъ всадники коршунами носились по равнинѣ, то взлетая на ближайшій къ деревнѣ холмъ, то уносясь вдаль по ровной дорогѣ среди зеленыхъ хлѣбовъ и пастбищъ.

Вошелъ священникъ, одинъ изъ тѣхъ, что̀ ѣхалъ подъ зонтикомъ на осликѣ. Его верхняя черная ряса вся покрыта бѣловатой пылью, и желтая соломенная шляпа отъ этой пыли стала сѣрой.

Но онъ сбрасываетъ черную рясу и подъ ней оказывается кремовая. На лбу, на мѣстѣ шляпы, красная полоса, точно ленточка.

За нимъ двое другихъ—съ узелочками и сверточками, кажется, монахи.

— Возможно здѣсь расположиться?—спрашиваетъ одинъ изъ нихъ.

— Пожалуйста.

Но, пошептавшись, они исчезаютъ, и мы остаемся вдвоемъ со священникомъ, который вздыхаетъ и вопросительно поглядываетъ на меня, ища, очевидно, возможности подѣлиться съ новымъ человѣкомъ обуревающими его огорченіями. Однако, лишь умывшись и приступивъ къ чаю, мы заводимъ настоящую бесѣду.

— Хорошо,—говоритъ онъ, поднимая и опуская руку и ставя ее ребромъ на столъ.—Ну, а что̀ я теперь прихожанамъ своимъ скажу о благодатномъ огнѣ, коли на мой вопросъ о сей тайнѣ онъ смѣяться началъ.

— Кто—«онъ»?

— Да греческій архимандритъ. Вы подумайте только: объяснить съ религіозно-философской точки зрѣнія, или съ символической,—это ихъ не удовлетворитъ, если бы даже они и поняли, а обманывать, послѣ того, какъ мнѣ такъ отвѣтили, я не могу. Народъ ищетъ

чудесъ, и только вѣрой въ чудеса поддерживается его религія.

— Но вы-то сами, батюшка, вы вѣрили въ это чудо?

Священникъ замялся.

— Я предполагалъ здѣсь нѣкую высшую тайну. Пусть бы ужъ лучше это для меня тайной и осталось. А вѣдь это что же такое?

Онъ скорбно развелъ руками и закачалъ сокрушенно головой. Съ горечью сталъ говорить онъ о своемъ разочарованіи и о грекахъ:

— Прямо знаете, хоть зазорно сознаться, а ужъ я и не радъ, что поѣхалъ сюда,—грѣхъ одинъ... истинный грѣхъ. Осуждать нельзя, а нельзя и не осуждать, потому у нихъ, извините, не только архимандриты, а и митрополиты ихніе, Богъ знаетъ, откуда вышли. За ними нельзя и благодати признать. Иные и въ семинаріи-то даже не были.

Онъ началъ называть мнѣ имена и разсказывать біографіи греческихъ священниковъ и настоятелей монастырей:

— Всѣ они живутъ и держатся только русскими денежками, а попросись какой ни на есть русскій въ ихъ монастырь,—ни за что не пустятъ. Опять же арабы...—такіе же православные есть среди нихъ. На ихъ землѣ греки устроились, денежки ихъ прикарманили, а въ монастырь—тоже ни ногой. И за все парички тянутъ. Шагу нельзя ступить, перекреститься нельзя, чтобы парички за это не потребовали. Вотъ хоть бы на Іорданѣ Господь сподобилъ безъ нихъ обойтись.

Бесѣду нашу прервалъ монашекъ, въ тяжелыхъ сапогахъ, съ испуганнымъ отъ природы лицомъ.

— Отецъ Парфеній, пожалуйте молебенъ служить. Паломники просятъ.

Отецъ Парфеній наскоро глотнулъ чай.

— Развѣ ужъ пришли?

— Всѣ пришли. Только иные на Іорданъ отправились.

Онъ захватилъ свой узелокъ и торопливо побѣжалъ къ часовнѣ, приговаривая:

— Ой, ноги-то не слушаются, устали съ непривычки, а надо бѣжать, а то какой-нибудь грекъ опять выищется и тутъ; оберетъ ихъ и за молебенъ.

Передъ закатомъ поднялся вѣтеръ; пыльные смерчи закружились по дорогѣ, и облака также, какъ будто затянутые пылью, заклубились надъ мрачными іудейскими горами.

Среди этихъ горъ прямо-таки ужасна гора Соблазна, или Сорокадневная. Она—цвѣта праха. Къ ея почти отвѣсной груди также прилѣпился монастырь, и его отлично можно разглядѣть отсюда въ бинокль.

Вершина горы окружена стѣной и оттого кажется какъ будто срѣзанной. Мраченъ и закатъ за этой горою. Солнце точно уходило въ плѣнъ, и отблески его въ непріятныхъ по тону и очертаніямъ облакахъ были мѣдно-краснаго зловѣщаго цвѣта.

Къ Мертвому морю отсюда идутъ эти мертвыя горы, наваленныя одна на другую, какъ будто самимъ дьяволомъ, послѣ того, какъ въ безсильной ярости тотъ покинулъ Христа.

Не оживляютъ ихъ ни тропинки, ни стада черныхъ козъ, прыгающихъ по камнямъ.

Послѣ заката вѣтеръ сразу затихъ, и бедуинская деревня ожила.

Подъ плоскими кровлями сложенныхъ изъ камня, а то такъ и просто изъ терновника, убогихъ жилищъ,— зажигались огни. Стрижи, передъ тѣмъ, какъ усѣсться по гнѣздамъ, засновали еще суетливѣе. Какія-то маленькія птички стаей просвистѣли въ воздухѣ, точно горсть брошенныхъ камней. И съ пастбищъ стали возвращаться ослики, козы и овцы. Блеянье скота, голоса людей, звонъ арабскихъ музыкальныхъ инструментовъ,

—все слилось въ дикій концертъ. Дѣвочки въ отрепьяхъ, но красивыя и граціозныя, увидя меня на плоской кровлѣ, устроили что-то въ родѣ хоровода, закружились, танцуя и всплескивая по временамъ руками, а затѣмъ, конечно, хоромъ стали просить бакшишъ. Я бросилъ имъ мелочь, и онѣ, какъ куры на зерна, бросились на деньги, крича, визжа и валяясь въ пыли.

Настали сумерки, и засвѣтились звѣзды, которыя сначала были ярче луны. Но постепенно луна становилась ярче и, наконецъ, засіяла въ небѣ сильнымъ голубовато-серебристымъ свѣтомъ, а звѣзды поблѣднѣли.

Сильнѣе запахли розы въ іерихонскихъ садахъ, и надъ Іорданской долиной въ удивительномъ великолѣпіи заблестѣла свѣтлая тропическая ночь.

Она сокрыла тѣнью ужасный обликъ іудейскихъ горъ и слила съ далью равнинъ таинственныя горы Моава. Ярче запылали костры подъ навѣсами, гдѣ шевелились библейскіе люди, и три огненныхъ точки засвѣтились на горѣ Сорокадневной, въ томъ мѣстѣ, гдѣ днемъ бѣлѣлъ монастырь. Внезапно вниманіе мое отъ арабской деревушки было отвлечено инымъ шумомъ и иными голосами.

Красноватый отблескъ пламени дрожалъ на листьяхъ деревьевъ, откуда доносились эти голоса, и, перейдя на другую сторону крыши, я остановился, растроганный.

Посреди сада, подъ деревьями, былъ сооруженъ первобытный алтарь. Множество свѣчей сіяло вокругъ него въ рукахъ тысячной толпы богомольцевъ. Вѣтеръ колебалъ пламя свѣчей, которое то замирало, то вспыхивало съ необыкновенной яркостью, освѣщая обращенныя ко мнѣ лица стоявшихъ впереди.

Служилъ всенощную мой знакомый священникъ въ блестѣвшей золотымъ шитьемъ парчевой красной ризѣ, а тысячная толпа стройно и съ чувствомъ пѣла.

И я не помню, чтобы когда-нибудь богослуженіе въ церкви казалось мнѣ такимъ торжественнымъ и захватывающимъ, какъ здѣсь, съ бѣднымъ алтаремъ, сооруженнымъ подъ благоухающими деревьями, надъ которыми сіяли луна и звѣзды.

— Въ путь!

Меня разбудили, когда чуть занималась заря и сіяли звѣзды. Еще въ арабской деревнѣ кое-гдѣ догорали костры, а уже арабы опять поднимались. Любитъ этотъ народъ ночь, звѣзды и утреннія и вечернія зори.

Іерихонская долина еще дремала въ усталомъ мерцаніи звѣздъ, а ужъ по смутно-сѣрѣющей дорогѣ къ Іордану шли паломники, и неестественно большимъ и сказочнымъ казался силуэтъ верблюда, идущаго на востокъ.

Тамъ, гдѣ за зеленою каймою кустовъ былъ Іорданъ, тянулся бѣлой полосою паръ. Гдѣ-то вдали меланхолично позванивали бубенцы: очевидно, шелъ караванъ.

Уже разсвѣло, и всѣ паломники ушли, когда я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ Іордану. Дорожная пыль была истоптана тысячью ногъ, но трава долины, на которой еще не успѣла высохнуть роса, была свѣжа и нѣжна. Даже кусты терновника, изъ коего былъ сплетенъ вѣнокъ Христу, зеленѣли привѣтливо и мягко.

Мы ѣхали не по той дорогѣ, по которой пошли паломники. Это было ясно и потому, что, подъѣзжая къ Іордану, мы не слышали ни голосовъ ни шума. Да и дорожная пыль тутъ была не такъ потоптана, какъ въ началѣ нашего пути.

Вотъ и пушистые кусты растенія, которое у арабовъ зовется «тарфа» и встрѣчается только у воды, какъ наша

ива. Запахло рѣчной сыростью. Двѣ черныхъ птицы, похожихъ на дикихъ утокъ, снялись передъ нами и полетѣли. Только подъѣхавъ почти вплоть къ этимъ кустамъ, я увидѣлъ передъ собою Іорданъ, маленькую, мутную рѣчку, которая, однако, текла очень стремительно, такъ что задѣваемыя водою вѣтки деревьевъ судорожно бились и рвались вслѣдъ за убѣгающими струями.

Даже слышно было, какъ вода шумитъ, протекая среди густой, зеленой уремы, гдѣ, говорятъ, ранней весной много соловьевъ. Но теперь было тихо. Птицы улетѣли на сѣверъ, и только на противоположной сторонѣ важно расхаживалъ черногузый аистъ, вѣрно, отбившійся отъ стаи.

Гдѣ же паломники?

Мой проводникъ нѣсколько растерялся, но, оглянувшись влѣво, гдѣ сверкалъ позолотой крестъ на монастырѣ Іоанна Крестителя, я увидѣлъ сплошную черную массу, которая, какъ смола, стекала съ горы внизъ къ Іордану.

Какія-то искры вспыхивали въ этомъ черномъ потокѣ людей, а надъ потокомъ колыхались пятна. Это наши паломники съ хоругвями шли къ рѣкѣ, и въ ихъ рукахъ сверкали серебряныя ризы иконъ и прочіе блестящіе предметы. Я поспѣшилъ къ нимъ по вязкой дорогѣ вдоль Іордана. Они шли съ пѣніемъ, обнаживъ головы, которыя пекло утреннее солнце. По пути къ Іордану, къ тому мѣсту, гдѣ, по преданію, Іоаннъ крестилъ Христа и народъ, встрѣтился широкій потокъ, черезъ который надо было переправляться.

Тѣ, у кого были лошади, поѣхали на лошадяхъ— кто могъ заплатить парачку, садился верхомъ на араба. Но большинство, конечно, двинулось самостоятельно, разувшись и на половину раздѣвшись, такъ какъ глубина мѣстами была гораздо выше колѣнъ.

Вязкая тина засасывала ноги, и приходилось вытаскивать ихъ съ усиліемъ. Тина была и съ другой стороны, откуда слѣдовало до мѣста пройти саженей сорокъ. Вся эта низина, вмѣстѣ съ кустами, при разливахъ Іордана заливалась на далекое пространство, и иногда, говорятъ, вода доходила чуть не до подошвы горы, гдѣ стоитъ монастырь.

На берегу Іордана уже шло богослуженіе, но толпа спѣшила раздѣться. Однако, мало кто раздѣвался донага; почти всѣ оставались въ бѣлыхъ саванахъ, заготовленныхъ еще дома, въ саванахъ изъ лучшаго полотна. Вѣдь эти саваны они будутъ хранить, какъ святыню, и въ нихъ положатъ ихъ въ гробъ.

Я переправился на другую сторону рѣки въ лодкѣ, чтобы лучше видѣть всю картину этого купанья, которое паломники считаютъ вторымъ крещеніемъ. Быстрая мутная рѣчка, цвѣта кофе съ молокомъ, неслась въ зеленыхъ берегахъ, образуя на поворотѣ воронку, гдѣ крутился соръ и сухія вѣточки.

На берегу и среди зелени, освѣщенная солнцемъ, шевелилась вся эта охваченная благоговѣйнымъ экстазомъ толпа въ бѣлыхъ саванахъ.

И вотъ, при первыхъ же словахъ молитвы, подхваченныхъ огромнымъ хоромъ взволнованныхъ голосовъ: «Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи», сотни людей бросились въ воду рѣки, гдѣ почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ крестился Христосъ и увѣровавшій въ него народъ. Сознавали-ли эти люди вполнѣ, что̀ они дѣлаютъ? Съ одной стороны—эти бѣлые саваны, сліяніе со смертью, которая имъ не страшна въ этой освящаемой Іорданской водой погребальной одеждѣ; съ другой стороны—пріобщеніе ко Христу, какъ источнику безсмертія, Своей Божественной плотью навсегда благословившему воды этой рѣки.

Зрѣлище было поразительное, и мнѣ было жутко, и я чувствовалъ себя взволнованнымъ до слезъ.

Всплески воды, голоса, шумъ, бѣлые саваны,—все трепетало, сіяло и навсегда запечатлѣвалось въ глазахъ и въ сердцѣ. Я чувствовалъ, что никогда не забуду этой картины, и самому становилось до боли жаль, что не могу я быть заодно съ ними, что это радостное общеніе со смертью и Христомъ недоступно моей душѣ. Купаясь, одѣваясь и раздѣваясь, мужчины и женщины не замѣчали наготы другъ друга. Такъ же, вѣрно, было и тогда, когда, препоясавъ чресла свои, суровый Іоаннъ, обросшій волосами, сильный и величественный, благословлялъ Христа, у Котораго онъ не считалъ себя достойнымъ развязать ремень сандалій. И толпа вѣрующихъ такъ же шла въ эти воды, принимая впервые этотъ обрядъ, какъ вступленіе въ новую жизнь, радуясь великой и чистой радостью дѣтей, передъ которыми открывалась новая жизнь, свѣтлая и братская, и такъ же склонялись надъ ними благословляющія вѣтви деревьевъ, и сіяло солнце, и синѣло небо, и, залитые прозрачной голубизной воздуха, стояли вдали горы Іудеи и Моава.

Многіе изъ купающихся не ограничивались троекратнымъ погруженіемъ въ воду и пускались переплывать Іорданъ. Сильное теченіе быстро сносило пловцовъ. Не вездѣ можно было вылѣзать, потому что берега оборваны теченіемъ и мѣстами очень круты. Приходилось хвататься за вѣтки деревьевъ, за торчащіе въ обрывахъ корни. Вдругъ раздался крикъ:

— Тонетъ! Человѣкъ тонетъ!

Толпа заметалась. На водѣ, недалеко отъ противоположнаго берега, то появлялась, то исчезала голова и, наконецъ, показались только руки. Я бросился отвязывать лодку, но мнѣ мѣшалъ арабъ, который тоже хватался за веревку. Онъ суетился, кричалъ больше всѣхъ и, наконецъ, когда на помощь утопающей бро-

сился изъ растерянно-топтавшейся толпы какой-то парень, арабъ внѣ себя взобрался на дерево и безсмысленно размахивалъ тамъ руками.

За парнемъ, долго крестясь, бросился еще мужикъ, заросшій волосами. Третій и четвертый кинулись въ воду, но плыли совсѣмъ не туда, куда надо, и больше размахивали руками и шлепали по водѣ, чѣмъ подвигались впередъ. Между тѣмъ, первый опустился и схватилъ лѣвой рукой тонущую. Съ трудомъ работая правой, онъ подвигался къ берегу со своей ношей. Тутъ ему двинулись на помощь еще нѣсколько человѣкъ и тонувшую выволокли. Это была старушка, которая, видимо, предполагала, что въ Іорданѣ, святой рѣкѣ, никакъ нельзя потонуть. Нѣсколько мгновеній она не могла еще очнуться, но, наконецъ, пришла въ себя и, какъ ни въ чемъ не бывало, стала одѣваться.

Паломники, набравъ въ бутылки іорданской воды, собрались въ обратный путь: кто—на Сорокадневную, кто—въ монастырь Георгія Хозевита, кто—въ Ефремовскій монастырь.

Дожидались только, когда высохнутъ бѣлые саваны, развѣшанные на деревьяхъ, да окликали другъ друга.

Кое-кто пошелъ посмотрѣть часовенку за Іорданомъ, выстроенную, по преданію, на мѣстѣ убѣжища Маріи Египетской. Я рѣшилъ отправиться на Мертвое море.

Паломникамъ не зачѣмъ было итти туда, и приходилось ѣхать одному. Кавасъ еще раньше предупреждалъ меня, что дорога къ Мертвому морю не безопасна: бедуины нерѣдко нападаютъ на путниковъ и грабятъ ихъ. Ограбили не такъ давно двоихъ русскихъ. Но еще хуже было съ епископомъ діокесарійскимъ и его спутниками, у которыхъ разбойники, во время ихъ купанья на Мертвомъ морѣ, забрали все до нитки, и тѣ, голые, въ палящій зной, должны были пѣшкомъ итти до Ильинскаго монастыря.

Зато, съ палкой шейха, которую шейхъ вручилъ одному русскому, тотъ обошелъ все Заiорданье, и всюду его встрѣчали, какъ дорогого гостя.

— Я вамъ дамъ проводника,—предложилъ кавасъ.

Но мнѣ не хотѣлось безпокоить лишняго человѣка. Къ тому же нашелся еще спутникъ, молодой человѣкъ, вооруженный фотографическими аппаратами, съ которыми онъ взгромоздился на ослика. Поѣхали шагомъ. Сначала дорога шла вдоль Iордана, вскорѣ повернула направо, образуя болотце, оставшееся отъ разлива. Солнце поднималось на полдень; начинало припекать. Кусали комары. Безнадежная мертвенность и тишина начинали томить не меньше, чѣмъ зной. Это была не тишина пустыни, которая присуща ея простору, и потому естественна. Здѣсь, среди нагихъ каменистыхъ холмовъ и дикихъ ослѣпительно бѣлыхъ скалъ, которыя имѣли видъ развалинъ, оставшихся послѣ землетрясенiя отъ сказочныхъ дворцовъ и храмовъ, тишина и дикая безжизненность казались проклятiемъ. Казалось, цѣлый городъ съ дворцами и храмами истлѣлъ тутъ и разсыпался прахомъ, и бѣлизна его была ужасно мертвенна при синемъ морѣ. Воздухъ струился вдали, уничтожая рѣзкость контуровъ, и вся эта картина порой представлялась утомительному взгляду видѣнiемъ лихорадочнаго бреда.

Лошадь ступала тяжело, какъ будто влача за собой весь этотъ зной, и тишину, и струящiйся воздухъ.

— Бахаръ-Лютъ!—возвѣстилъ арабъ, указывая съ холма впередъ.

Тамъ тускло, какъ олово, блестѣла вода, надъ которой мертвенно и бездушно поднимались iудейскiя горы.

Мертвое море...

Вотъ я подъѣхалъ къ самой водѣ.

Съ плоскаго берега, плоско и тяжело уходитъ оно вдаль.

Ни травинки, ни деревца. Возлѣ берега плыветъ дохлая рыбка; она попала сюда изъ Іордана и мгновенно погибла.

Сейчасъ ее прибьетъ къ берегу, хотя море совсѣмъ неподвижно и какъ будто сковано зноемъ, и она высохнетъ здѣсь, какъ вонъ та каряга.

Мрачныя іудейскія горы сторожатъ эту водяную могилу. Черезъ одну изъ ихъ котловинъ далеко, далеко, какъ стрѣлка, или какъ царапина на синевѣ неба, чернѣетъ колокольня Елеонскаго храма.

Даже камешки на этомъ берегу не тѣ, что̀ на другихъ моряхъ. Это—твердые кремни; среди нихъ—ни раковины, ни водоросли.

Странно видѣть на этомъ морѣ какое-то неуклюжее большое судно и лодку.

Оказывается, это—судно съ керосиновымъ моторомъ и ходитъ до города Карака, куда доставляетъ изъ Іерусалима рисъ и петроль, а оттуда—пшеницу.

Значитъ, эта хибарка на берегу, гдѣ живетъ болгаринъ-надсмотрщикъ,—нѣчто въ родѣ пристани.

Достаточно было заикнуться о томъ, что хочется пить, какъ болгаринъ моментально предложилъ все, что̀ угодно: пиво, вино... Все, кромѣ воды, которую сюда доставлять труднѣе, чѣмъ прочіе напитки; вода быстро загниваетъ, а эти не портятся.

Конечно, есть также и консервы. Живетъ этотъ болгаринъ здѣсь съ женой, а въ гости къ нему ходитъ арабъ—сторожъ соли, которую разворовываютъ бедуины.

Однако, соляныхъ промысловъ Турція не создала. На сѣверѣ Мертваго моря есть нефть, но и ее не эксплоатируютъ.

Мертвое море—мертвыя горы. Печать страшной тоски лежитъ на этой громадной мертвой глади. И не вѣрится, что это—стихія. Если бы сейчасъ, на моихъ гла-

захъ, тутъ поднялись волны, движеніе ихъ, навѣрное, мнѣ показалось бы неестественнымъ.

Вода прозрачна, но къ ней какъ-то не тянетъ; она даже въ этотъ зной не внушаетъ желанія искупаться. При томъ о свойствахъ этой воды ходятъ дурные слухи, и одинъ изъ старинныхъ путешественниковъ по Палестинѣ свидѣтельствуетъ, что когда его драгоманъ вышелъ изъ воды Мертваго моря, глаза его сдѣлались кровяными, а тѣло побагровѣло и внезапно покрылось прыщами. Глаза болѣли нѣсколько дней, а на тѣлѣ долго не проходили вереда. Однако, болгаринъ смѣялся надъ этимъ сообщеніемъ. Самъ онъ купается каждый день. Воды Мертваго моря, наоборотъ, считаются, по его словамъ, у арабовъ цѣлебными.

— Здѣсь приведутъ верблюдики купать, ослики, баранки. Отъ разныхъ болѣзней купать!—расхваливалъ онъ Мертвое море ломанымъ русскимъ языкомъ. И, наконецъ, самымъ разительнымъ было послѣднее доказательство.

— Германскій принцъ недавно пріѣхался. Купалъ долго. Полчаса не могли его взять.

Это меня убѣдило больше всего. Недолго думая, я раздѣлся и бросился въ воду съ головой. Но въ ту же минуту выскочилъ обратно: глаза мучительно ѣла соль, и вода, попавшая черезъ носъ въ горло, острыми спазмами захватила дыханіе.

Я боялся, что мнѣ сдѣлается дурно. Такъ случилось, какъ я узналъ послѣ, съ одной англичанкой, которая была неосторожна, какъ и я.

Но все обошлось сравнительно благополучно,—только чихалъ я безъ конца и цѣлыя сутки страдалъ убійственнымъ насморкомъ. Нѣтъ, это купанье даже не освѣжило меня, да я и не оставался долго въ водѣ, хотя на ней и можно лежать неподвижно, не шевеля ни руками, ни ногами, и она держитъ, сколько угодно.

Но, когда я легъ такимъ образомъ, и глаза мои увидѣли безнадежно безоблачное небо, все тѣло почувствовало, что вода—мертвая, я поспѣшилъ выйти изъ нея.

Мертвый берегъ блестѣлъ на далекое пространство искорками: это сверкала подъ солнцемъ соль, и надъ ослѣпительно бѣлыми скалами вдали, какъ фарфоръ, синѣло небо.

Виѳлеемъ.

Еще вечеромъ, ложась спать, я съ волненіемъ думалъ о томъ, что завтра рано утромъ поѣду въ Виѳлеемъ.

Ночью шелъ дождь. Я слышалъ, какъ онъ шуршалъ таинственно и протяжно въ листьяхъ деревьевъ, росшихъ подъ моимъ окномъ, трепетными шорохами пробѣгалъ по крышѣ и звенѣлъ и журчалъ, сливаясь по водосточнымъ трубамъ.

Я боялся, что и завтра дождь испортитъ мою дорогу, но меня разбудили солнечные лучи, которые вмѣстѣ съ утреннимъ вѣтромъ обрадовались открытому окну и освѣжили и оживили мою комнату.

Бѣлая занавѣска на окнѣ вздувалась и по временамъ открывала небо и облако, легкое, какъ этотъ тюль, какъ будто тамъ, въ небѣ, были настежь открыты окна, какъ у меня.

Сочное цоканье копытъ послышалось за окномъ: экипажъ за мною.

И опять я взглянулъ на Іерусалимъ новыми глазами. День какъ будто снялъ съ него эту грязную, мрачную, почти зловѣщую маску, которая наканунѣ ночью подавляла меня. Полинявшія черепицы крышъ, обмытыхъ дождемъ, свѣтились тепло и весело на солнцѣ, какъ золотистые безчисленные соты, и колокольный звонъ гудѣлъ подобно жужжанью пчелъ, хлопочущихъ на весенней работѣ.

Елеонская гора и Геѳсиманія взглянули на меня, какъ близкія, довѣрившія минувшей ночью пришельцу трогательную, прекрасную тайну.

И вдругъ, какъ это бываетъ только въ подобныя счастливыя минуты жизни, я совершенно ясно ощутилъ, какъ въ душѣ моей прибавилось что-то новое, чего я не могъ сознать вчера, какая-то теплая искорка свѣта, которая никогда не угаснетъ.

Тайны любви и вѣры! Кто знаетъ, изъ какихъ источниковъ возникаютъ онѣ, какими путями попадаютъ въ душу. Я вспомнилъ дѣвушку-нѣмку, принявшую православіе и не умѣвшую объяснить, во имя чего она это сдѣлала, и ея измѣна уже не показалась мнѣ такой дикой. Разъ въ этомъ не было корысти, значитъ, такъ было надо. Пусть каждый находитъ отраду—Бога тамъ, гдѣ Онъ кажется ближе къ нему. Пусть на землѣ будетъ столько религій, сколько людей, и душа каждаго человѣка станетъ отраженіемъ почитаемаго имъ храма. Свобода вѣроисповѣданія ведетъ не къ разложенію религіи, а къ сліянію въ единомъ Богѣ: ни одинъ листикъ на деревѣ не повторяетъ другой, но всѣ они питаются одними корнями.

Дулъ весенній вѣтеръ, поднимая легкую бѣлую пыль по дорогѣ, свѣтившуюся подъ солнцемъ; и отъ бѣлыхъ камней города, отъ этой бѣлой пыли синева неба казалась особенно густой и яркой.

Миновавъ Яффскія ворота, Сіонъ и гору Соблазна, мы спустились въ Реѳаимскую долину. Въ библейскія времена долина эта называлась также Теревинфовой, такъ какъ была покрыта теревинфовыми деревьями; среди нихъ соглядатаи, посланные Моисеемъ, по преданію, увидѣли гигантовъ и, въ ужасѣ убѣжавъ отъ нихъ, донесли о томъ Моисею,—оттого и произошло слово «рефаимъ», которое въ переводѣ съ древне-еврейскаго значитъ—«юдоль гигантовъ».

Бѣлыя дороги, бѣлые камни, молчаливые холмы, покрытые дикими травами, кое-гдѣ сизыя старыя маслины, въ которыхъ синева неба какъ будто смѣшалась съ прахомъ земли,—вотъ все, что осталось отъ плодо-

носныхъ садовъ, виноградниковъ и тучныхъ пастбищъ. Кладбище прошлаго, гдѣ костей не меньше, чѣмъ камней, ибо здѣсь происходили несчетныя войны со времени Саула, поразившаго тутъ филистимлянъ. Не былъ ли Голіаѳъ потомкомъ тѣхъ гигантовъ, которыхъ видѣли соглядатаи Моисеевы?

Время, какъ Давидъ, мѣткими взмахами пращи разрушало царства и превращало въ груды мусора великія древнія сооруженія вдоль этой дороги. Оттого здѣсь такъ много камней, останки отъ дворцовъ, храмовъ и могилъ, которые теперь не болѣе, чѣмъ камни, брошенные пращой.

Слѣва отъ дороги есть долина, усѣянная круглыми какъ пули камешками. Непонятно, откуда и какъ они взялись, и, разумѣется, происхожденіе ихъ въ этой странѣ великихъ тайнъ и чудесъ оказалось легендой, которую одни связываютъ съ именемъ Христа, другіе—съ именемъ Его Матери.

«Шелъ Христосъ этой дорогой и увидѣлъ сѣятелей.

— Что вы сѣете?—спросилъ Онъ.

Тѣ съ насмѣшкой отвѣтили Христу:

— Камни.

— Сѣющій камни, камни и пожнетъ,—отвѣтилъ Христосъ, и хлѣбныя зерна окаменѣли».

Это жестокое преданіе такъ неправдоподобно, такъ не вяжется съ образомъ Христовымъ, что не стоило бы и разсказывать его, если бы тамъ не было крупицы восточнаго закона, полагавшаго око за око, зубъ за зубъ.

На этомъ пути нѣтъ ни одного стараго камня и древняго дерева, съ которымъ не было бы связано Имя Христа, Богоматери; и, надо правду сказать, среди преданій, полныхъ нѣжности и красоты, есть много измышленій, созданныхъ невѣжествомъ или, еще хуже, корыстью.

Но все это прощаешь за страстное стремленіе человѣческой мысли утвердить не одни только духовные слѣды Спасителя на землѣ. И, какъ ни наивны подчасъ

подобныя попытки, онѣ въ душѣ вызываютъ нѣжность сознанія, что вотъ это теревинфовое дерево—отростокъ того, подъ которымъ отдыхала Мать Христа по пути изъ Виѳлеема въ Іерусалимъ; а этотъ большой камень, выдолбленный внутри на подобіе неглубокаго бассейна, служилъ Ей ложемъ во время отдохновенія по пути въ Виѳлеемъ.

Углубленіе камня послѣ дождя еще сохраняетъ влагу, которую жадно выпиваетъ хищное палестинское солнце. Вокругъ нѣтъ и слѣда дождя. Прикоснешься къ пепельно-сѣрому камню и чувствуешь его тепло, и тепломъ дышатъ дикія жесткія травы, среди которыхъ красными огоньками пылаютъ нѣжныя анемоны.

Блѣднѣетъ небо, рѣдѣютъ облака, и кажутся маревомъ голубыя горы Моава у Мертваго моря слѣва, а справа—іудейскіе горы.

Особенную воздушность пріобрѣтаютъ холмы и высоты, на которыхъ бѣлѣютъ храмы и зданія, похожіе на крѣпости. Бѣлизна ихъ кажется ослѣпительно-яркой среди деревьевъ, темныхъ, какъ смола: монастырь св. Иліи, селеніе Бетъ-Джала... Въ каменистой пустынѣ каждое деревцо, каждое зданіе пріобрѣтаютъ особенную значительность.

Но когда на полпути изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ я увидѣлъ справа отъ дороги одинокое бѣдное зданіе съ невысокимъ, круглымъ куполомъ, какъ-то особенно родственное окрестнымъ холмамъ, на меня сильнѣе, чѣмъ когда-либо, дохнуло глубокой печалью древности, которая подъ этимъ куполомъ достовѣрно утверждена простымъ дикимъ камнемъ.

Гробница Рахили.

Отъ этихъ двухъ словъ таинственное дуновеніе пробѣгаетъ по моему тѣлу и шевелитъ волосы. Въ нихъ цѣлая библейская поэма, трогательная поэма материнской любви и скорби, величавая и нѣжная, какъ пѣсня самой земли, пріявшей въ свои нѣдра прахъ женщины и

матери, чей образъ увѣковѣченъ великой книгой Бытія.

Тамъ же мѣсто это указано такъ точно, что его найдетъ и слѣпой, и я узналъ его прежде, чѣмъ произнесли названіе.

Старая маслина, такая же одинокая, какъ эта гробница, растетъ неподалеку отъ нея, бросая легкую лиловую тѣнь на бѣлые камни и сѣрыя травы. Здѣсь много этихъ камней, остатки могилъ или развалинъ, среди которыхъ указываютъ на развалины дома патріарха Іакова. Далѣе, за круто обрывающимся склономъ, опять развалины, имя которыхъ печально, какъ звонъ похороннаго колокола: Рама.

«Гласъ въ Рамѣ слышенъ бысть: плачъ и рыданіе и вопль многихъ, Рахимъ плачущася чадъ своихъ». Арабское селеніе Рама приняло это имя, но не мрачную славу древняго мѣста. Въ бѣдныхъ каменныхъ хижинахъ, которыя издали кажутся кучей нагроможденныхъ по горному склону камней, живутъ мирные арабы.

Я долго не рѣшался войти во внутренность гробницы. Есть священныя мѣста, передъ которыми невольно останавливаешься въ непонятномъ смятеніи. Вотъ тутъ остановился Іаковъ по пути въ Виѳлеемъ, и съ нимъ были Рахиль, и дѣти его, и стадо его. И занемогла въ пути Рахиль и умерла, и похоронилъ ее тутъ Іаковъ и поставилъ надъ ней камень. И было это почти за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. И весь израильскій народъ заключался въ этомъ патріархѣ съ двѣнадцатью сыновьями его, потомство которыхъ овладѣло землей обѣтованной и размножилось, какъ песокъ морской.

Бѣлѣющей лентой вьется мимо дорога, ручей жизни, по которому цѣлые вѣка движутся люди отъ іерусалимской святыни къ виѳлеемской и обратно. Между пещерой рожденія Христа и вовышеніемъ Голгоѳы протекаетъ эта дорога, почти касаясь гробницы праматери израильскаго народа, несомнѣнно, та самая дорога, по

которой шли волхвы, и много разъ проходилъ Христосъ съ Своими учениками. Они останавливались около источниковъ и колодцевъ, слѣды которыхъ сохранились и понынѣ, отдыхали здѣсь отъ пути и отъ солнечнаго зноя подъ тѣнью такихъ же маслинъ, и, можетъ-быть, не разъ останавливались передъ этой могилой и вздыхали и благословляли мать Веніамина и Іосифа, донынѣ благословляемую всѣми матерями и женами.

И въ минуты скорби и отчаянія, такъ же, какъ и въ минуты благоговѣйной радости, восточныя женщины—мусульманки и еврейки—приходятъ сюда съ своими молитвами и слезами, а въ томъ почтеніи, которое оказываютъ этой могилѣ ихъ мужья, яснѣе всего проявляется благороднѣйшее преклоненіе мужчины передъ величіемъ женщины, благодатно сочетавшей въ себѣ непоколебимую вѣрность жены и безконечную любовь матери.

Обыкновенно запертая дверь къ этой могилѣ оказалась на этотъ разъ, на мое счастье, открытой.

Съ сладкимъ трепетомъ переступилъ я, наконецъ, ея порогъ и остановился подъ полукруглымъ куполомъ, круглившимся надъ небольшимъ каменнымъ квадратомъ. Сводъ купола отсырѣлъ, и въ пятнахъ сырости расплывались какія-то фигуры, образы и письмена, въ которыхъ воображеніе смутно искало разгадку древней тайны.

Подъ этимъ куполомъ не было ничего, кромѣ большого, скругленнаго наверху камня, покрытаго подсиненной известкой. Масса свернутыхъ бумажекъ покрываетъ верхнюю поверхность камня: все это молитвы и просьбы женщинъ, обращенныя къ своей скорбящей за всѣхъ угнетенныхъ сестрѣ.

Навѣрно, самый камень, поставленный Іаковомъ. давно превратился въ прахъ подъ этимъ куполомъ, но присутствіе безсмертной души, питаемой вѣчной памятью живущихъ, чувствуется здѣсь такъ ясно, что

охватываетъ трепетъ, и черныя буквы на стѣнѣ, библейскія строки о Рахили, оплакивающей своихъ дѣтей, сообщаютъ всему впечатлѣнію ту возвышенную строгость, нѣжность и печаль, которыя ищутъ хоть слабаго отраженія въ словѣ.

Я съ грустью и нѣжностью еще разъ взглянулъ на синій камень и вышелъ.

Послѣ душнаго воздуха, пропитаннаго сыростью и известковой пылью, меня охватилъ весенній солнечный воздухъ, отъ котораго закружилась голова. На синемъ куполѣ неба, какъ пятна сырости, расползлись облака, и вся земля подъ этимъ куполомъ казалась также могилой, которая, однако, не вызывала холодной скорби о бренности земного и о ничтожествѣ жизни, какъ будто могила Рахили свидѣтельствовала о безсмертіи духа, для котораго время—зеркало славы: чѣмъ больше углубляется оно, какъ вода, тѣмъ прозрачнѣе отраженіе въ немъ.

Когда люди живутъ близкой къ природѣ жизнью, даже творенія рукъ ихъ кажутся иногда созданіемъ самой природы.

Вотъ я слышу характерный перезвонъ колокольчиковъ. Оглядываюсь и вижу: идетъ отъ Виѳлеема, по дорогѣ въ Іерусалимъ, верблюдъ. Идетъ, покачиваясь всѣмъ своимъ уродливымъ тѣломъ на длинныхъ тонкихъ ногахъ, медлительно и важно кивая несоразмѣрно маленькой головой на длинной шеѣ.

Это его бубенцы освѣжаютъ тишину солнечнаго жаркаго утра прозрачными звуками, которые падаютъ подобно каплямъ чистой росы.

Арабъ, закутанный въ ткани темно-песочнаго цвѣта, почти такого же тона, какъ верблюжья шерсть, дремлетъ на высокомъ горбу, растянувшись, какъ въ лодкѣ. А за нимъ, на маленькомъ осликѣ, тянется, закутанная въ черное, женская фигура.

Вотъ они поравнялись съ могилой Рахили и остановились около нея, и оба слѣзаютъ на землю. Я замѣчаю осторожныя движенія женщины и ея полноту. Нѣтъ сомнѣнія, это—будущая мать идетъ просить у Рахили благополучнаго разрѣшенія отъ бремени.

Бубенцы замолкаютъ, и тишина сразу пустѣетъ, какъ будто сиротѣетъ безъ нихъ. Я не знаю, въ чемъ тутъ тайна, но для меня ясно, что этотъ звонъ—родной печальной палестинской природѣ, и она скучаетъ о немъ какъ скучала бы о пѣсняхъ своихъ птицъ и о голосахъ земли, которые сдержанно звучатъ со всѣхъ сторонъ.

Большинству туристовъ, главнымъ образомъ дамъ, сопутствуютъ краснощекіе жирные патеры и гиды,—гиды, которые своими пошлыми губами торопливо, равнодушно называютъ на ходу священныя имена, тыча пальцами направо и налѣво и, какъ будто, извлекаютъ ими сердцевину изъ словъ, божественныхъ для всего міра.

Они шумятъ, переговариваются и хохочутъ, обгоняя другъ друга, какъ будто ѣдутъ на пикникъ.

Торопливо и робко сторонятся отъ нихъ русскіе паломники, крестьяне. Бѣдные, сѣрые, запыленные, они толпой идутъ въ Виѳлеемъ, постукивая деревянными батожками, сгорбившись и механически переставляя натруженныя ноги, побывавшія уже у Іордана и Мертваго моря.

Они вразъ, какъ сѣрыя овцы, поднимаютъ на проѣзжающихъ свои головы въ теплыхъ шапкахъ и темныхъ платкахъ. Среди нихъ я узнаю и того старичка, моего спутника на пароходѣ, который никакъ не могъ найти шапки для своей непомѣрно большой головы.

Теперь на немъ до-нельзя измятый рыжій котелокъ, Богъ знаетъ ужъ, откуда доставшійся ему. Онъ первый снимаетъ его, низко кланяясь проѣзжающимъ, и вслѣдъ за нимъ обнажаются десятки другихъ головъ, лысыхъ и волосатыхъ, сѣдыхъ, бѣлокурыхъ и темноволосыхъ.

Обдавая паломниковъ бѣлой пылью, проносятся мимо нихъ экипажи, и, оглянувшись, я вижу, какъ, опять вступивши на дорогу, они идутъ, не обращая вниманія на эту пыль, все тѣмъ же сбившимся стадомъ, съ обвѣтренными сосредоточенными лицами, съ жадно устремленными впередъ глазами.

Вотъ уже они кажутся въ пыли сплошной кучей, темной и смутной, и только ихъ жестяные чайники ослѣпительными звѣздами сверкаютъ на солнцѣ сквозь пыль.

Съ какимъ бы удовольствіемъ я самъ пошелъ съ ними! Но меня, помимо противнаго ложнаго стыда, останавливаетъ мелочное сознаніе, что я окажусь среди нихъ чужимъ, и, можетъ-быть, не столько по духу своему, сколько по этому костюму, сливающему меня въ одну сорную массу съ покорными жертвами Кука, которыхъ возятъ изъ одного мѣста въ другое, не справляясь съ ихъ желаніями.

Настроеніе мое испорчено, и я самъ такъ же покорно отдаюсь во власть моего извозчика, который скоро перегоняетъ куковскихъ лошадей и ставитъ мнѣ это на видъ съ такой гордостью, какъ будто онъ самъ—обогнавшая другихъ лошадь.

Я, впрочемъ, отчасти благодаренъ ему, такъ какъ безъ пыли вижу передъ собой бѣлый городъ, восходящій на вершину горы, бѣлый городъ, рѣющій въ синемъ, струистомъ воздухѣ своими храмами и домами, оттѣненный синѣющей издали зеленью садовъ и виноградниковъ.

Виѳлеемъ...

Глаза мои жадно впиваются въ эти бѣлыя, легко восходящія одно надъ другимъ зданія, которыя вдали сливаются съ фономъ мѣловой виѳлеемской возвышенности. При этой бѣлизнѣ такъ ярка и близка кажется небесная синева, какъ будто небо прильнуло къ бѣлымъ стѣнамъ и благословляетъ ихъ.

Улыбающаяся нѣжность этого города обрадовала меня и заставила забыть о только-что пережитомъ непріятномъ впечатлѣніи. И опять я съ изумленіемъ спрашиваю себя: «Да неужели здѣсь?» И на этотъ разъ все мнѣ отвѣчаетъ: «Да, здѣсь».

Если несомнѣнно для меня, что въ мрачномъ Іерусалимѣ былъ распятъ Христосъ, еще несомнѣннѣе для сердца и мысли, что родиться Онъ долженъ былъ именно здѣсь.

Я думаю, что и городъ тогда очень походилъ на нынѣшній древній городъ, отечество Давида, утвержденный потомствомъ Соломона, какъ свидѣтельствуетъ книга Бытія.

Есть вблизи Виѳлеема селеніе Евфратъ, что́ значитъ плодородіе, такъ же по преданію назывался и Виѳлеемъ, поля и окрестности котораго славились, какъ золотыя житницы. Съ этими плодоносными полями связана трогательная библейская исторія Руфи и Вооза. И, несмотря на то, что плодородіе виѳлеемской земли значительно изсякло, свѣтлая поэзія и понынѣ озаряетъ ее, и только кровь убіенныхъ младенцевъ огненными пятнами выступаетъ сквозь бѣлизну виѳлеемскихъ камней.

Уже изъ города доносился легкій шумъ, похожій на шумъ далекаго водопада.

Завидѣвъ мой экипажъ издали, по бѣлой дорогѣ замелькали навстрѣчу разноцвѣтныя пятна, и вскорѣ нѣсколько человѣкъ дѣтишекъ, красивыхъ, смуглыхъ и черноглазыхъ, запрыгали по обѣ стороны экипажа, не отставая отъ лошадей.

Дѣвчонки скакали наравнѣ съ мальчишками и съ звучными криками протягивали ко мнѣ руки за милостыней. Чтобы отвязаться отъ нихъ, а главное, предупредить моего извозчика, который намѣревался кнутомъ отдѣлаться отъ ихъ назойливости, я бросилъ имъ нѣсколько мелкихъ монетъ и въ ту же минуту увидѣлъ, какъ ихъ полуголыя тѣла слились по дорогѣ въ одинъ

крутящійся клубокъ, который распался моментально, завидѣвъ приближеніе новыхъ экипажей.

Теперь уже весь городъ былъ предо-мной, и бѣлые кубики домовъ, испещренныхъ множествомъ оконъ, представлялись гигантскимъ ульемъ.

Дорога вливалась въ нихъ, какъ рѣка, переходя въ узкую улицу, по которой отъ ближайшаго источника шли двѣ виѳлеемскихъ женщины въ живописныхъ костюмахъ, съ высокими украшеніями на головѣ.

У порога бѣлаго небольшого дома одна изъ женщинъ остановилась и обернулась въ мою сторону. Я и раньше много слышалъ о сохранившемся прекрасномъ типѣ виѳлеемскихъ женщинъ, но это лицо поразило меня: въ немъ было столько тонкаго благородства, спокойствія и кротости, что я долго потомъ искалъ въ изображеніяхъ мадоннъ, на иконахъ и картинахъ художниковъ этихъ чертъ, строгихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательныхъ.

Она была, конечно, не еврейка: евреевъ мало въ Виѳлеемѣ, но, очевидно, природа, не разбирая національности, неуловимо возсоздаетъ свое подобіе въ образахъ людей, изъ поколѣнія въ поколѣніе живущихъ подъ однимъ и тѣмъ же небомъ.

Намъ недолго пришлось ѣхать городомъ. Въ одной изъ узкихъ улицъ, замкнутыхъ высокой каменной стѣной, которая казалась съ перваго взгляда глухой, мой экипажъ долженъ былъ остановиться.

Улица была запружена людьми, экипажами, верблюдами и осликами, которые шевелились среди разложенныхъ товаровъ, шумѣли и зѣвали въ то время, какъ на площадкѣ справа бѣлыя ушастыя овцы, подкрашенныя ради приближающейся Пасхи красной краской, стояли неподвижно, сбившейся кучей, точно завороженныя черными глазами и длиннымъ, загнутымъ посохомъ араба, напоминавшаго въ своихъ лохмотьяхъ бронзовую статую библейскаго пастуха.

Святыня, къ которой я шелъ, несомнѣнно, была гдѣ-то здѣсь близко. Я нетерпѣливо оглянулся: за стѣной, древней и темной, замыкающей улицу, справа и слѣва возвышались колокольни. Но эта глухая стѣна съ маленькой, почти незамѣтной въ ней желѣзной дверью, смущала меня.

Замѣтивъ мое одиночество и недоумѣніе, нѣсколько гидовъ опрометью бросились ко мнѣ, предлагая свои услуги на всевозможныхъ языкахъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ похожъ ни на какой языкъ въ мірѣ.

Но дверца въ стѣнѣ отворилась, и оттуда высыпала цѣлая толпа въ сопровожденіи двухъ греческихъ священниковъ съ черными, курчавыми бородами и древними, иконописными лицами.

«Тамъ»,—сказалъ я себѣ и, сдѣлавъ видъ, что рѣшительно не слышу и не замѣчаю назойливыхъ голосовъ и лицъ, пошелъ къ этой двери, но тутъ мнѣ преградилъ дорогу продавецъ четокъ, у котораго я долженъ былъ взять нанизанные на нитку перламутровые шарики.

У самыхъ дверей нитка разорвалась, и бусы посыпались по камнямъ. Въ ту же минуту нѣсколько маленькихъ мальчишекъ бросились на нихъ, точно воробьи на зерна, и едва не сшибли меня съ ногъ.

Это была какъ-бы невольная жертва моя передъ вступленіемъ на порогъ святыни, около которой ныли и вопили калѣки и нищіе, съ изломанными, сморщенными, коричневыми тѣлами, кричавшіе о нищетѣ, голодѣ и страшныхъ болѣзняхъ изъ-за лохмотьевъ, облѣпившихъ ихъ подобно комьямъ грязи.

Я рѣшилъ итти, никого не разспрашивая: дорого самому узнать и увидѣть то, что съ дѣтства казалось такимъ священнымъ и близкимъ.

Маленькая дверь отворилась за мной, и прохлада высокаго стариннаго храма, съ двумя рядами красныхъ коринѳскихъ колоннъ, на минуту остановила меня у входа.

Пустота храма въ первое мгновенiе поразила меня, но это только уяснило его величiе. Даже эта маленькая дверь не казалась нелѣпостью: вѣдь этотъ храмъ, возстановленный во Имя Пресвятой Богородицы царицей Еленой, со временъ Юстiана не разъ былъ защищаемъ, какъ крѣпость. Нечестивые, овладѣвшiе христiанскими святынями, имѣли обыкновенiе вводить во внутренность храмовъ лошадей и скотъ. И, чтобы предупредить такое оскверненiе святыни, часто закладывали камнями обширныя двери храма, оставляя входъ только для одного-двухъ человѣкъ.

Вмѣстѣ съ старыми дверьми, говорятъ, съ обѣихъ сторонъ замуровано также по парѣ колоннъ, и такимъ образомъ вмѣсто двѣнадцати ихъ осталось по десяти съ каждой стороны. Потолокъ поддерживается громадными балками кедроваго и кипарисоваго дерева изъ ливанскихъ лѣсовъ; стѣны, когда-то облицованныя мраморомъ и украшенныя мозаикой, облупились, но мѣстами драгоцѣнные слѣды мозаики еще проступаютъ цвѣтными, красивыми пятнами. Особенно хорошо сохранились мозаики на стѣнахъ главнаго алтаря, по обѣимъ сторонамъ котораго устроено два престола, а справа и слѣва отъ нихъ узкiе сводчатые входы въ пещеру, гдѣ родился Христосъ.

Едва я подошелъ ко входу слѣва, какъ на меня дохнуло оттуда спертымъ воздухомъ, пропитаннымъ ладаномъ, воскомъ и масломъ. Изъ темной глубины, набитой толпой паломниковъ, которые тѣснились даже на стертыхъ ступеняхъ, ведущихъ внизъ, мутно мерцали огни лампадъ и свѣчъ, и доносилось гнусавое пѣнiе армянскихъ священниковъ, съ черными, точно нагофрированными бородами.

Богослуженiе скоро кончается, и вся толпа выходитъ въ другiя двери, оставляя пещеру опустѣлой. Только дымъ отъ ладана струится синими пасмами, просвѣчивая на огонькахъ разноцвѣтныхъ лампадъ.

Часовой-турокъ опускаетъ ружье, и стукъ его о каменныя плиты глухо отдается въ пещерѣ.

Я спускаюсь въ нее съ чувствомъ сладостнымъ и жуткимъ, похожимъ на то, которое ощущаешь передъ погруженіемъ въ прозрачную морскую воду послѣ зноя и пыли. Здѣсь еще больше, чѣмъ наверху, несмотря на спертый воздухъ и терпкій запахъ воска и масла, чувствуется прохлада камней, не знающихъ солнца.

Пещера небольшая, вышиной не болѣе полутора человѣческаго роста, и слѣва отъ пещеры глубокая ниша, озаренная лампадами, разукрашенная тканями и образами.

Здѣсь.

Я вижу звѣзду въ нишѣ, посреди пола, она вся блеститъ, отполированная милліонами губъ, касающихся ея въ благоговѣйномъ восторгѣ.

Какъ хорошо, что я сейчасъ одинъ здѣсь. Чувство безконечной нѣжности наполняетъ мою душу, и я опускаюсь на колѣни передъ этой звѣздой, на которую упало столько горькихъ человѣческихъ слезъ,—слезъ, которыя льются тысячелѣтія и которыхъ религія милосердія не только не изсушила, но и вызвала новый источникъ: слезы за ближняго.

Только тотъ, кто не знаетъ сладости этихъ слезъ, увидитъ небо истиннаго счастья, и бѣдны и ничтожны покажутся ему всѣ утѣхи и радости міра.

Блаженный Іеронимъ, пещера котораго находится вблизи и соединена съ пещерой рожденія Христа узкими подземными переходами,—блаженный Іеронимъ всѣмъ существомъ постигъ эту истину. Оттого онъ и бросилъ всѣ богатства пышнаго Рима, всѣ почести и мірскую славу и удалился въ эту дикую пещеру, чтобы служить Христу.

Нельзя безъ трогательнаго чувства читать наивную и свѣтлую исповѣдь его о томъ, какъ боролся онъ съ искушеніями жизни, которыя ему, сравнительно, не трудно было отвергнуть. И только отъ одной слабости онъ не могъ отказаться до преклонныхъ дней своихъ: отъ древней римской литературы.

Особенно плѣняли его пышныя рѣчи Цицерона. Онъ постигалъ просвѣтленнымъ умомъ, что и онѣ суетны, но красота ихъ ослѣпляла его и долго вела за собой. Одно изъ его посланій къ своему другу—римлянкѣ изъ рода Гракховъ, которая вмѣстѣ съ матерью своей послѣдовала за учителемъ и окончила здѣсь свои дни—поразило меня своей искренностью и величіемъ духа:

«Я разскажу тебѣ о моихъ несчастіяхъ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ я разстался съ родными, родительскимъ домомъ и друзьями и, что еще труднѣе, съ роскошью жизни—для благъ небесныхъ и, безпрестанно борясь, достигъ Іерусалима, я не могъ разстаться съ моей библіотекой, которую пріобрѣлъ большими стараніями и трудами. Итакъ я, несчастный, послѣ чтенія Цицерона постился. Послѣ ночи, проведенной безъ сна, послѣ слезъ, которыя вырывались изъ глубины сердца моего отъ воспоминанія прошедшихъ грѣховъ моихъ, я бралъ въ руки Плавта. Когда же, придя въ себя, я начиналъ читать пророковъ, то слогъ ихъ мнѣ казался грубъ и непріятенъ, и хотя отъ слѣпоты глазъ моихъ я не видѣлъ свѣта, я осуждалъ не глаза мои,—а солнце. Между тѣмъ какъ древній змій такимъ образомъ надо мной издѣвался,—въ половинѣ четыредесятницы жестокая лихорадка проникла въ составъ моего изнеможеннаго тѣла; лишась совершенно покоя, я такъ изнемогъ, что кожа едва облекала мои кости.

«И видѣлъ я уже близость моей кончины; почти все тѣло мое охладѣло, и жизненный жаръ трепеталъ только въ груди моей...

«Вдругъ я перенесенъ былъ духомъ передъ судилище Судіи, гдѣ былъ такой свѣтъ и такой блескъ отъ всего окружающаго, что я, упавъ ницъ на землю, не смѣлъ взглянуть. На вопросъ: кто я?—отвѣтствовалъ, что я христіанинъ. «Лжешь,—возразилъ тотъ, кто предсѣдалъ на судѣ:—ты цицеронянинъ, а не христіанинъ: гдѣ сокровище твое, тамъ и сердце!»

«Тутъ я обомлѣлъ, и посреди жестокихъ ударовъ совѣсти, мучительнѣйшихъ пламени огненнаго, я страдалъ, припоминая самъ въ себѣ этотъ стихъ: «Во адѣ, кто исповѣстся тебѣ». И я началъ восклицать: «Помилуй мя, Боже! Помилуй мя!»

Легкій шумъ шаговъ, шорохъ и шопотъ нѣжныхъ голосовъ заставили меня оглянуться.

Послѣ черныхъ тяжелыхъ монаховъ и пестрыхъ болтливыхъ туристовъ такъ пріятно было увидѣть дѣтей въ свѣтлыхъ платьицахъ изъ какой-нибудь школы или пріюта.

Они впорхнули сюда, какъ бѣлыя птицы, и всѣ, какъ одинъ, распростерлись на каменномъ полу, около звѣзды и у яслей, выдолбленныхъ въ дикомъ камнѣ пещеры,—у яслей, куда Божья Матерь положила Новорожденнаго Младенца.

Сопровождала ихъ монахиня съ добрымъ, озабоченнымъ лицомъ, въ бѣломъ головномъ уборѣ, который ее также дѣлалъ похожей на большую птицу, оберегавшую своихъ птенцовъ.

Я все могу забыть,—и монаховъ и паломниковъ, которыхъ встрѣтилъ тутъ,—но этихъ дѣтокъ въ пещерѣ, гдѣ родился Христосъ, я никогда не забуду.

Простота и бѣдность этой пещеры, передъ которой алтарь Гроба Господня кажется музеемъ драгоцѣнныхъ сокровищъ, какъ будто освятились этими дѣтьми. Несмотря на присутствіе старшей, они вовсе не соблюдали

того строгаго благоговѣнія, которое требовалось отъ взрослыхъ святыней этого мѣста.

Для нихъ родившійся здѣсь Малютка-Христосъ былъ своимъ,—такой же маленькой, свѣтлой птичкой, какъ и они.

Распростершись на гладкихъ камняхъ, дѣти, подталкивая другъ друга, перешептывались и пересмѣивались и вслѣдъ за монахиней указывали другъ другу маленькими пальчиками на ясли и на звѣзду.

— Кюи, кюи...—повторяли они вслѣдъ за монахиней, по-итальянски объяснявшей имъ, что требовалось.

И это восклицаніе звучало, какъ щебетаніе птицъ.

Для нихъ, конечно, не существовало времени, для нихъ это было вчера, и если они опоздали увидѣть Младенца, все же въ этихъ нишахъ для ихъ воображенія сохранилось тепло Его тѣльца и эхо Его младенческаго голоса, также похожаго на пискъ птичекъ.

Если бы Онъ сейчасъ былъ передъ ними, они бы, конечно, смѣялись и забавлялись съ Нимъ и щекотали бы Его тѣми цвѣточками, которые они принесли, чтобы положить въ Его ясли.

Монахиня заставила ихъ прочесть молитву, которую они пролепетали поспѣшно и недружно, послѣ чего опять снялись, какъ птицы, и юркнули за своей вожатой дальше, къ пещерѣ, гдѣ схоронены четырнадцать тысячъ убитыхъ Иродомъ младенцевъ, и въ пещеру обручника Іосифа и блаженнаго Іеронима и другихъ святыхъ и подвижниковъ.

Я такъ былъ благодаренъ этой случайности. Эти дѣтишки удивительнымъ образомъ помогли мнѣ представить всю первобытную дикость пещеры и великую нищенскую и божественную простоту всего здѣсь происшедшаго.

«Бычокъ здѣсь мычалъ, и ребенокъ кричалъ,
И трое волхвовъ тихо пѣли».

Я также прошелъ по всѣмъ пещерамъ, гдѣ спасались и молились Христовы подвижники, и мнѣ какъ-то сами собой вспоминались римскія катакомбы св. Агнесы, гдѣ я былъ давно, и гдѣ, можетъ-быть, впервые возникли у меня мысли о христіанствѣ, которыя здѣсь утверждались и опредѣлялись еще болѣе.

Я думалъ о первыхъ Христовыхъ послѣдователяхъ, этихъ свѣточахъ христіанства, которые подъ землей, въ темнотѣ и великой тайнѣ, охраняли пламя Христовой вѣры, кровью своей запечатлѣвая его при выходѣ на свѣтъ.

Какъ ни дико, но я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что эти сводчатые коридоры соединены съ тѣми безчисленными катакомбами запутанными извилистыми ходами, какъ-бы прорытыми упорными подземными червями.

Становилось жутко и холодно, когда я сравнивалъ нынѣшній блескъ и пышность, которой окружено на землѣ христіанство, съ его возникновеніемъ въ пещерѣ, подъ землею, гдѣ оно родилось, какъ кристальный источникъ, и осталось такимъ же кристально чистымъ, пока для него не построили великолѣпныя хранилища на землѣ.

Нѣтъ ли здѣсь закона, какъ проклятія, тяготѣющаго надъ человѣчествомъ? Не поддерживается ли воистину каждая великая моральная идея только жертвами и тайной? Не обречена ли она на вырожденіе послѣ того, какъ становится достояніемъ не только избранныхъ и званыхъ, но и незваныхъ, послѣ того, какъ она является не даромъ небеснымъ для ищущей и жаждущей души, а чуть ли не обязанностью, отступленіе отъ которой карается земными законами.

Во что превратились христіанскіе монастыри, пародирующіе ту Христову общину, которая подъ землею была дѣйствительно такъ близка къ заповѣдямъ Христа? Да зачѣмъ удаляться! Что творится тутъ, около

этой великой пещеры, откуда началась новая исторія жизни, открылись новые пути духа!

Тѣ, которые называютъ себя служителями Христа, которые кадятъ и молятся здѣсь около Него на разныхъ языкахъ,—въ корыстной враждѣ другъ съ другомъ они доходятъ до неистовыхъ ругательствъ, до дракъ, и тутъ, у яслей Христовыхъ, и тамъ, у Его гроба, и нерѣдко въ этихъ дракахъ на божественные камни летятъ клочья ихъ длинныхъ волосъ и бородъ, льется ихъ кровь, мутная и буйная, какъ дешевое вино.

Возвращаясь, чтобы еще разъ взглянуть на пещеру, я увидѣлъ тамъ тѣхъ паломниковъ - крестьянъ, которыхъ обогналъ по пути.

Со слезами и рыданіями распростерлись они на плитахъ, приникая къ нимъ съ такой вѣрою и страстностью, какъ будто хотѣли врости въ нихъ.

Ихъ рыданія глубоко меня взволновали; эти люди, всю жизнь возившіеся съ землей, сами темные и дикіе, какъ земля, составляли какъ бы одно цѣлое съ темными глыбами пещеры, пріютившей Младенца-Христа съ Его Матерью.

Не они ли нынѣ являются простыми и крѣпкими камнями, оберегающими Христа, молчаливо и простодушно открывающіе Его заповѣдямъ свои бѣдныя, какъ пещеры, сердца, въ то время какъ городъ, по случаю праздника пышно освѣщенный и разукрашенный, переполненный праздничными гостями, закрываетъ свои ворота для неимущихъ и бѣдныхъ, не имѣя, гдѣ пріютить ихъ?

Въ тѣ двѣ недѣли, которыя я пробылъ съ паломниками на пароходѣ по пути въ Іерусалимъ, я видѣлъ, какъ жадно и мучительно они стремились сюда. А сколько времени они объ этомъ мечтали, готовились къ этому и молились, чтобы Господь сподобилъ ихъ дойти до виѳлеемской святыни!

Я хотѣлъ проникнуть сейчасъ въ ихъ душевное состояніе, представить его себѣ, хоть отчасти приблизить-

ся къ нему, и съ тоской остановился передъ невозможностью. Оно показалось мнѣ необъятнымъ, всепоглощающимъ, безконечнымъ. Для нихъ въ настоящую минуту это должно быть все, должно быть такое беззавѣтное пріобщеніе и сліяніе съ Христомъ, которое мнѣ и подобнымъ не можетъ быть доступно.

Вѣдь это ужъ останется на всю жизнь. И тѣ земныя тяготы, которыя несли они часто съ тупостью животныхъ, послѣ этого должны получить въ ихъ глазахъ видъ испытанія, посылаемаго притѣснителями ихъ и гонителями вѣры Христовой.

Нѣкоторые изъ нихъ казались на полу окаменѣлыми. Конечно, для нихъ время потеряло здѣсь всякій смыслъ, и Богъ знаетъ, какъ долго могли бы они не отрываться отъ этихъ каменистыхъ плитъ, если бы не явился священникъ, чтобы отслужить по ихъ просьбѣ молебенъ Младенцу-Христу.

И вотъ запылали восковыя свѣчи въ заскорузлыхъ рукахъ, и запѣлъ и торопливо забормоталъ голосъ священника, за которымъ они вслухъ повторяли слова молитвы.

Мнѣ стало жаль ихъ первоначальнаго молчаливаго моленія души, для которой не надо было ни словъ, ни посредниковъ. И я вышелъ изъ пещеры почему-то въ смутномъ и подавленномъ состояніи.

Опять солнце, опять свѣжій воздухъ и вѣтеръ. Опять шумъ и суета жизни, пестрымъ базаромъ окружавшей пещеру.

Религію поставили здѣсь на вывѣску, и со всѣхъ сторонъ, изо-всѣхъ щелей и лавокъ пристаютъ продавцы, предлагающіе разный вздоръ, для котораго у нихъ существуетъ безсмысленное опредѣленіе: предметы благочестія.

Каждый уголъ здѣсь превращенъ въ лавочку, и, чтобы возвысить цѣну его, люди кощунственно стараются сочетать его съ Именемъ Христа и Его Матери.

Указываютъ пещеру, превращенную въ церковную часовню, гдѣ будто бы Матерь Божія кормила Младенца, и пещеру эту называютъ Млечной пещерой: стѣны ея бѣлы, какъ молоко.

На нихъ красными, оранжевыми, зелеными пятнами играетъ солнечный свѣтъ, проникающій сквозь разноцвѣтныя стекла, и потный отъ усталости, бритый монахъ тутъ же продаетъ бѣлыя лепешечки, сдѣланныя изъ мѣла, соскобленнаго съ этихъ стѣнъ. Это—тоже предметъ благочестія. И они съ жадностью раскупаются паломниками, которые готовы повѣрить тому, что въ каждой изъ такихъ лепешекъ есть капля молока Богоматери.

Да, все это при близкомъ столкновеніи способно довести до ужаса. Но достаточно на нѣсколько шаговъ отойти отъ этихъ торгашескихъ измышленій и плутовства, какъ Виѳлеемъ опять рисуется передъ вами бѣлой библейской легендой, и опять льется отъ него въ глаза немеркнущій, кроткій свѣтъ, отъ котораго душа пробуждается и грезитъ ясными снами будущаго братства и любви.

Хевронъ.

Все было бы хорошо: утро отличное. Накануне шелъ дождь, и на Виѳлеемской дорогѣ, обыкновенно очень пыльной, не поднималось ни пылинки. Но судьба послала намъ спутника съ Бедеккеромъ, и онъ отравилъ весь путь.

Самъ по себѣ Бедеккеръ полезная вещь, но въ рукахъ фанатика, который во что бы то ни стало желаетъ васъ просвѣщать по этой красной книжечкѣ, онъ—бичъ. Ко всему этому спутникъ нашъ читалъ по-англійски вслухъ добросовѣстно каждую букву и такъ же переводилъ.

Едва завидѣлъ онъ отъ Ильинскаго монастыря Виѳлеемъ, зачиталъ о рожденіи Христа: «Вен зи юнг чайльд вас... Когда молодой мальчикъ былъ»...

Такъ пошло на весь путь. Нѣсколько отдыхали мы отъ этой пытки во время остановокъ. Тогда онъ бѣгалъ по всѣмъ угламъ, провѣряя, все ли указанное Бедеккеромъ на мѣстѣ, и почему-то всегда такъ случалось, что онъ являлся по колѣна мокрымъ: то въ лужу попалъ, то въ источникъ провалился.

— Иду, знаете, читаю Бедеккера и не замѣтилъ...

Отъ могилы Рахили дорога распускается на двѣ стороны: слѣва—на Виѳлеемъ; справа—на Хевронъ. Я хотѣлъ еще разъ взглянуть на могилу Рахили, но дверь была заперта. Съ какой скорбью рыдалъ здѣсь Іосифъ, когда его, новокупленнаго раба, вели въ Египетъ и караванъ остановился отдохнуть у могилы его матери.

По счастью, этого преданія у Бедеккера не было, и мы избавлены были отъ необходимости выслушать такое сообщеніе по-англійски съ дословнымъ переводомъ.

Экипажъ покатился, оставляя на подсохшей бѣловатой дорогѣ непрерывный слѣдъ отъ колесъ, мимо масличныхъ рощъ и виноградниковъ. Виноградные кусты не поддерживаются здѣсь деревянными подпорками, какъ у насъ на югѣ, а прямо вьются по землѣ или вокругъ сосѣднихъ деревьевъ. Здѣсь лѣсъ дорогъ, да и не стоитъ тратиться на подпорки: виноградныя лозы тутъ неприхотливы и безъ того даютъ хорошій урожай.

Мы ѣхали не болѣе часа отъ могилы Рахили, и вотъ съ лѣвой стороны отъ дороги открылись пруды Соломоновы, о которыхъ Экклезіастъ говоритъ:

«Сотворихъ ми купели водныя, еже напоятъ отъ нихъ прозябаніе древесъ».

Въ довольно тѣсной лощинѣ, образуемой печальными горными кряжами, стоятъ три водоема, три огромныхъ каменныхъ става, изъ которыхъ самый большой имѣетъ въ длину саженъ сто, а въ ширину на уклонѣ— не болѣе 20 саженъ. Два другіе водоема меньше въ длину, но зато шире. Послѣдній водоемъ почти квадратный, и, если второй отдѣланъ лучше перваго,—третій—изященъ, великолѣпно цементированъ и имѣетъ ступени, очевидно, служащія лѣстницами.

Всѣ три бассейна идутъ по уклону, соединены трубами. Вѣроятно, они также снабжены фильтрами, потому что самая чистая вода—въ послѣднемъ водоемѣ. А, можетъ-быть, просто въ третій водоемъ вода попадаетъ наиболѣе отстоявшейся.

Эти три водоема снабжаютъ водой Виѳлеемъ; и Іерусалимъ когда-то пользовался водою отсюда, но теперь онъ живетъ только цистернами. Въ эти водоемы вода шла по трубамъ съ горъ. Источникъ, который имѣется неподалеку отъ нихъ, также соединенъ трубами съ первымъ водоемомъ, но одинъ онъ не въ состояніи былъ

бы наполнить ихъ. Говорятъ, это-то и есть тотъ запечатлѣнный источникъ, который послужилъ въ Пѣснѣ-Пѣсней Соломону, какъ образъ дѣвственной красоты:

Ты—источникъ мой запечатлѣнный;
Ты—съ водою кладезь сокровенный.

Печать Соломонова была приложена къ источнику, надъ которымъ теперь стоитъ каменная часовенка. Тутъ же, около прудовъ, четыре высокихъ зубчатыхъ стѣны замыкаютъ большое квадратное пространство. Восточная часть стѣны обвалилась наполовину. Желѣзная дверь съ турецкой надписью надъ ней наглухо замкнута. Мой спутникъ-арабовѣдъ пытался прочесть турецкую надпись, но она наполовину сбита и высоко поставлена. По его догадкѣ, однако, надпись свидѣтельствуетъ о томъ, что тутъ было нѣчто въ родѣ стоянки для солдатъ въ военное время. Во всякомъ случаѣ ясно, что это сооруженіе далеко отъ библейскихъ временъ.

Печальное и сиротливое впечатлѣніе производятъ эти удаленные отъ всякой жизни водоемы. Глаза какъ-то невольно ищутъ вокругъ чего-то и не находятъ ничего, кромѣ дикихъ каменистыхъ возвышенностей, среди которыхъ бродятъ нѣсколько козъ и пастухъ, напоминающій о библейскомъ прошломъ. Великолѣпные сады Соломоновы цвѣли здѣсь на диво міру; фонтаны и птицы оживляли ихъ своимъ шумомъ и пѣніемъ, и прекраснѣйшія женщины улыбались, тосковали и любили среди цвѣтовъ, красота и нѣжность которыхъ радовали глазъ того, кто самъ былъ на землѣ цвѣткомъ величія и мудрости.

А когда заходитъ солнце и тьма падаетъ на землю,—здѣсь еще печальнѣе, и звѣзды, отраженныя въ недвижныхъ, зеркальныхъ водоемахъ какъ будто спрашиваютъ воду, куда же дѣлось все прошлое великолѣпіе? Вода молчитъ. Однѣ лягушки громкимъ кваканьемъ наполняютъ тишину.

Отъ Соломоновыхъ прудовъ дорога къ Хеврону идетъ по холмистой и каменистой равнинѣ, засѣянной хлѣбомъ и зеленѣющей виноградниками. Послѣ дождя зелень и хлѣба пышны и свѣжи. Маргаритки и анемоны сіяютъ изъ травы веселыми глазками. Направо, на возвышеніи, бѣлѣютъ ярко на синемъ фонѣ неба каменныя ворота и за ними довольно большое зданіе. Это— Бетъ Захарія, мѣсто, купленное нынѣшнимъ архимандритомъ о. Леонидомъ.

Неподалеку отъ него — долина Вади-Біяри. Когда-то здѣсь были колодези, которые шли одинъ за другимъ подъ склонами холмовъ, но отъ нихъ остались лишь источники, текущіе среди травъ и цвѣтовъ. И они печальны, какъ слезы самой земли. Здѣсь обыкновенно останавливаются караваны, идущіе изъ Мекки, и всѣ проѣзжіе и прохожіе. Тутъ при дорогѣ стоитъ небольшой ханъ, гдѣ можно получить кофе и наргиле.

Нѣсколько экипажей стояли около хана, когда мы подъѣхали. Изъ крытаго рыдвана смотрѣли сквозь покрывала большіе восточные глаза женщины, въ то время, какъ нѣсколько другихъ женщинъ, подъ присмотромъ евнуха, точно черныя птицы, расположились въ сторонѣ, неподалеку отъ ручья на нѣжной зеленой травѣ.

Бедуинъ въ полосатой абаѣ, привязавъ коня, разостлалъ коврикъ въ сторонѣ отъ дороги и, обратясь лицомъ къ какой-то могилѣ, возвышавшейся на сосѣднемъ холмѣ, сталъ молиться, поднимая и опуская руки. Мы подошли къ хану, чтобы выпить по чашкѣ кофе и, по восточному обычаю, привѣтствовали сидѣвшихъ тутъ же проѣзжихъ арабовъ обычнымъ:

— Ассалямъ!

Они вѣжливо поднялись и отвѣтили въ свою очередь:

— Уа галейкюмъ ассалямъ!

Одинъ изъ нихъ, очень почтенный на видъ и одѣтый богаче своихъ спутниковъ, предложилъ намъ папиросы

съ какой-то арабской изысканно-любезной фразой. К—ій отвѣтилъ не менѣе изысканно и вѣжливо.

Арабъ былъ нѣсколько изумленъ и не остался въ долгу, на что получилъ еще болѣе отмѣнный комплиментъ.

Тогда арабъ не сдержалъ своего любопытства и освѣдомился, не съ мѣстнымъ ли докторомъ имѣетъ онъ дѣло.

Тотъ отвѣтилъ отрицательно.

Но кто же онъ, что такъ чудесно говоритъ по-арабски?

Спутникъ мой объяснилъ свою ученую позицію, и арабъ былъ въ восторгѣ.

— Какъ? гдѣ-то въ далекой Россіи не только учатъ людей арабскому языку, но и посылаютъ ихъ знакомиться съ арабской премудростью и языкомъ на родину арабовъ! Онъ не могъ сдержаться отъ искушенія сдѣлать гостю небольшой экзаменъ и задалъ ему нѣсколько примитивныхъ школьныхъ вопросовъ.

По мѣрѣ того, какъ тотъ свободно и обстоятельно отвѣчалъ на нихъ, арабъ приходилъ все въ большій и большій восторгъ, такъ же, какъ и его спутники. Они переглядывались другъ съ другомъ, широко улыбаясь и взирая на ученаго, какъ на чудо. Видно было, что они польщены въ высшей степени. Это были купцы изъ Наблуса. Вручивъ намъ свои карточки, они въ свою очередь бережно приняли наши и просили пріѣхать къ нимъ въ гости, чтобы знакомство укрѣпилось. Тщательно пряча карточку въ свой бумажникъ, арабскій купецъ поднялъ на спутника моего черные задумчивые глаза и сказалъ:

— Земная жизнь, это—сѣть, и каждое знакомство—петля въ этой сѣти. Чѣмъ прочнѣе и гуще связаны петли, тѣмъ лучше для сѣти.

И, помолчавъ послѣ этой такъ красиво и вѣрно выраженной мудрой мысли, онъ разсказалъ намъ случай съ

нимъ, когда вотъ такое же дорожное знакомство имѣло для него громадное значеніе черезъ нѣсколько лѣтъ.

Онъ познакомился съ однимъ человѣкомъ изъ африканскаго Триполи. Прошли года, и у наблусскаго купца какъ-разъ случилось въ Триполи очень важное дѣло. Онъ нашелъ у себя адресъ того человѣка, написалъ ему, и тотъ сдѣлалъ все, о чемъ его просилъ случайный встрѣчный.

— Вы понимаете,—закончилъ свой разсказъ наблусскій купецъ,—послѣ этого я никого изъ тѣхъ, кого встрѣчаю на пути, не могу считать для себя чужимъ.

И, поднявъ большія темныя рѣсницы, онъ тихо и задумчиво закончилъ:

— Земля не такъ въ сущности и велика, какъ думаютъ. Но люди могли бы жить на ней, какъ одна семья, если бы поняли эту простую истину и получше сговорились другъ съ другомъ.

Мы разстались друзьями и поѣхали каждый въ свою сторону: они — по направленію къ Іерусалиму, мы — къ Хеврону.

Отсюда до Хеврона оставалась какъ-разъ половина пути. Намъ все чаще стали встрѣчаться пастбищныя долины и пастухи со стадами.

Библейская Ханаанская земля, земля великихъ пастырей, свидѣтельствовала о себѣ обиліемъ стадъ, которыя напоминали времена Авраама.

Пастухи до сихъ поръ въ Палестинѣ далеко не послѣдніе люди. Для большинства изъ нихъ, это — не только профессія, но и призваніе. Они любятъ свои стада, знаютъ каждаго ягненка и, какъ и въ древнія времена, носятъ слабыхъ ягнятъ на рукахъ. Если они не гонятъ стадо, а пасутъ его, пастухъ всегда впереди, а стадо, хорошо знающее его, идетъ за нимъ.

Жизнь среди опасностей не столько отъ дикихъ звѣрей, сколько отъ кочевыхъ разбойниковъ-бедуиновъ, для которыхъ кража скота не преступленіе, а молодечество, требуетъ отъ пастуха большой смѣлости и находчивости, а эти качества очень цѣнятся у арабовъ. Я часто любовался пастухами, какъ изваяніями изъ чугуна или темной бронзы, стоящими на скалахъ и холмахъ, съ своей длинной палкой. Высокое мѣсто, конечно, выбиралось не для картинности, а для того, чтобы слѣдить за стадомъ, видѣть каждую овцу, каждаго ягненка. Пастухъ отвѣчаетъ передъ своимъ обществомъ за каждую такую потерю. Зато онъ и пользуется за свой трудъ, помимо вознагражденія, шерстью со стрижки овецъ. Въ этотъ день, составляющій большой праздникъ у арабовъ, онъ всюду желанный гость и пользуется общимъ вниманіемъ и гостепріимствомъ.

Изъ долины дорога опять переходитъ въ межгорныя лощины и каменистыя возвышенности. Часа за полтора до Хеврона въ одной изъ такихъ возвышенностей мы поровнялись съ пещерами-гробницами, выдолбленными въ камняхъ. Надъ одной изъ нихъ росъ огромный старый лавръ, а другія деревья также выдѣлялись внушительными темными пятнами на свѣтлой зелени травы. Эти древнія могилы свидѣтельствовали о томъ, что когда-то здѣсь поблизости былъ городъ, и, дѣйствительно, Библія упоминаетъ во времена Соломона о такомъ городѣ. Онъ назывался Аравоѳъ. Кромѣ этихъ могилъ да нѣсколько деревьевъ, ничего не осталось отъ этого города, и самое имя его звучитъ безжизненно и глухо, какъ неживое. Мы обгоняемъ нашихъ паломниковъ, вразбродъ шагающихъ отъ Виѳлеема и Іерусалима къ Мамврійскому дубу и какъ-то сразу вслѣдъ затѣмъ попадаемъ въ мѣстность, похожую на садъ. Великолѣпные виноградники, масличныя, смоковничьи рощи, фруктовые сады,—все ясно указываетъ, что близко Хевронъ, этотъ древнѣйшій городъ, который былъ уже могущественнымъ и цвѣтущимъ даже во времена Моисея.

Нашъ бедеккеристъ тотчасъ же раскрываетъ свою красную книжечку и начинаетъ читать о стеклянныхъ заводахъ въ Хевронѣ, о количествѣ учителей, о ввозѣ и вывозѣ. По счастью, промоченныя около Уади-Біаръ ноги даютъ себя знать: онъ чихаетъ отъ насморка, полученіе котораго не указано у Бедеккера, и прекращаетъ чтеніе и переводъ.

Мы — при въѣздѣ въ Хевронъ.

Пара гидовъ бросается къ нашему экипажу отъ стоящаго на перепутьѣ отеля.

Бедеккеристъ съ торжествомъ машетъ у нихъ подъ носомъ красной книжечкой, но это мало помогаетъ. Тогда К—ій дѣлаетъ только одинъ характерный, чисто арабскій жестъ и бросаетъ имъ два слова.

Они разочарованно смотрятъ на него и едва удерживаются, чтобы не выругаться, какъ это было однажды:

— Чего же ты одѣлъ шляпу и европейскій костюмъ, по которымъ тебя можно принять за хаваджу! Только въ соблазнъ вводишь своего брата-араба.

Обыкновенно около этого отеля и останавливаются экипажи, отдавая пассажировъ въ жертву владѣльцу отеля и гидовъ. Но извозчикъ также не смѣетъ вести себя подобнымъ образомъ съ нами и везетъ по очень тяжелой дорогѣ внизъ и вверхъ, черезъ камни и потокъ къ Мамврійскому дубу. Этотъ потокъ упоминается и въ Библіи.

«Хевронъ стоялъ въ долинѣ, прорытой потокомъ».

Потокъ въ самомъ Хевронѣ наполняетъ древнѣйшій водоемъ, который извѣстенъ по Книгѣ Царствъ: подъ нимъ Давидъ приказалъ казнить убійцъ сына Саулова — Іевосфея.

Еле пробираясь между кактусовыхъ изгородей и каменныхъ заборовъ, экипажъ, наконецъ, остановился у воротъ русской миссіи. Мѣсто это съ большими трудностями было куплено у фанатиковъ-мусульманъ покойнымъ собирателемъ земли въ Палестинѣ, о. Антони-

номъ. Владѣлецъ земли, искушенный хорошей цѣной, предложенной ему умнымъ и дальновиднымъ архимандритомъ, согласился уступить это мѣсто русской миссіи. Ночью архимандритъ тайкомъ являлся сюда для переговоровъ съ мусульманиномъ, боявшимся мести со стороны своихъ собратьевъ. Наконецъ, мѣсто было пріобрѣтено, но еще труднѣе оказалось возвести здѣсь постройки, потому что мусульмане не только препятствовали всѣми силами работѣ, но и разрушали нерѣдко построенное.

Тутъ было обширное подворье для паломниковъ, а передъ нимъ — въ двухъ десяткахъ шаговъ — Мамврійскій дубъ.

Конечно, это—не тотъ дубъ, подъ которымъ Авраамъ встрѣтилъ трехъ странниковъ, но несомнѣнно, это—потомокъ одного изъ дубовъ той Мамврійской дубравы, о которой упоминаетъ Библія.

Листья его однако совсѣмъ непохожи на листья нашего дуба: они мелки, кожисты, овальны и всегда разочаровываютъ нашихъ паломниковъ при первомъ взглядѣ.

Мѣсто опредѣлено въ Библіи слишкомъ точно, чтобы можно было въ этомъ сомнѣваться. И самый дубъ очень древній. Ему, навѣрное, тысячи двѣ лѣтъ. Его тройной стволъ сѣръ, какъ зола, растрескался и мѣстами высохъ. Чтобы онъ окончательно не расползся и не погибъ, его аршина на полтора отъ основанія заключили въ каменный плѣнъ. Не думаю, чтобы эта мѣра была особенно остроумна, такъ какъ, благодаря этимъ камнямъ, сжавшимъ дряхлый стволъ, къ корнямъ его не въ состояніи проникнуть влага. Довольно было бы съ тысячелѣтняго старика и желѣзной рѣшетки, которою онъ окруженъ. Въ стволѣ, высохшемъ и затвердѣломъ, какъ желѣзо,—икона. Она не вдѣлана, а нарисована на немъ. Конечно, это—встрѣча Авраамомъ трехъ странниковъ, но картина написана такъ плохо и грубо, что

лучше, если бы ея не было совсѣмъ. Когда собираются сюда паломники, совершается богослуженіе около этой иконы, и алтаремъ служитъ каменное возвышеніе. Но скоро будетъ совершенно готова церковь, сооружаемая неподалеку отъ этого мѣста, гдѣ нашли остатокъ древней церкви, построенной царицей Еленой.

Съ башни, стоящей на высокомъ мѣстѣ въ Мамврѣ, видны весь Хевронъ и древняя мечеть, гдѣ ревниво оберегаются мусульманами гробницы Авраама, Исаака и Іакова. По еврейскому преданію, здѣсь же схороненъ и Адамъ.

Талмудъ по этому поводу разсказываетъ слѣдующую легенду:

— Желая, со свойственнымъ ему радушіемъ, достойно принять трехъ странниковъ (ангеловъ), посѣтившихъ его у дуба Мамврійскаго, Авраамъ поспѣшилъ въ шатеръ къ Саррѣ заказать лепешки, масла и молока, а затѣмъ побѣжалъ къ стаду «выбрать теленка нѣжнаго и хорошаго». Но теленокъ побѣжалъ въ сторону отъ шатра и скрылся въ пещерѣ Махпела. Проникнувъ въ эту пещеру, Авраамъ невольно остановился, пораженный чуднымъ видѣніемъ: озаренные пламенемъ свѣтильниковъ, въ гробницѣ покоились Адамъ и Ева, и благоуханіе исходило отъ отанковъ первородной четы. Эту пещеру Авраамъ и избралъ мѣстомъ вѣчнаго успокоенія для себя и для Сарры.

Вѣроятно, эта легенда возникла благодаря красной глинѣ, которая и теперь видна въ распаханныхъ хевронскихъ поляхъ. Самое слово Адамъ, значитъ, красный.

Здѣсь же схоронены, кромѣ Сарры, Ревекка и Лія.

Пещеры пастырей патріарховъ почти вплотную подходятъ къ нагорной сторонѣ Хеврона. Хевронскіе мусульмане способны разорвать всякаго иновѣрца, который попытался бы проникнуть къ ихъ святынямъ. Даже и въ самый городъ заглядывать не совсѣмъ безопасно, и наши паломники избѣгаютъ его. Но у Іосифа Флавія есть

довольно толковое описаніе этихъ гробницъ, облицованныхъ мраморомъ и покрытыхъ драгоцѣнными тканями, получаемыми изъ Константинополя.

День дышалъ солнцемъ и тишиною, и вспоминались мнѣ при видѣ этой картины библейскія строки объ явленіи Бога Аврааму.

«Явился ему Іегова у дубравы Мамвра, когда онъ сидѣлъ у входа въ шатеръ во время зноя дневного. Онъ возвелъ очи свои, посмотрѣлъ, и се три мужа стоятъ противъ него»...

Какъ это просто и величаво. Человѣкъ настолько чувствовалъ себя Божьимъ созданіемъ, что появленіе передъ нимъ самого Іеговы не повергло его въ трепетъ и не заставило закрыть лицо въ ослѣпленіи и ужасѣ. Онъ принималъ Его, какъ священнаго Гостя, ибо каждый гость—священенъ для него и, даже убѣдившись, Кто передъ нимъ, онъ обратился къ Нему, только какъ къ власть имущему, но склонному выслушать и отвѣчать своему рабу.

Такъ Авраамъ просилъ Іегову о помилованіи Содома и Гоморры, и Богъ благосклонно внималъ ему и склонялся къ его мольбамъ и увѣщаніямъ.

Воистину, благословенныя времена, когда человѣкъ жилъ въ такой близости съ Богомъ. Не потому ли, что онъ стоялъ тогда такъ близко къ землѣ, опорѣ ногъ Господнихъ, жилъ съ нею нераздѣлимо и дружно и умиралъ спокойно, вѣруя, что Іегова уготовитъ для раба своего почетное мѣсто въ своихъ селеніяхъ.

Я отвелъ глаза отъ библейскихъ мѣстъ въ противоположную сторону.

Тамъ за холмами и долинами, синѣвшими, какъ волны, сіяла золотистая полоса, точно свѣтящееся облако. Море!

По стопамъ Христа.

Рано утромъ меня разбудилъ людской крикъ и шумъ, за которымъ чувствовались безтолковая спѣшка и суета. Иногда весь этотъ шумъ покрывался истерическимъ ревомъ осла, особенно усугублявшимъ всю нелѣпость и неряшливость человѣческой сутолоки.

Караванъ паломниковъ собирался въ Назаретъ,— тотъ самый караванъ, съ которымъ долженъ былъ отправиться и я.

На минуту меня взяла оторопь и то непріятное, почти жуткое чувство, которое мнѣ всегда внушаетъ мысль о сближеніи съ толпой, о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ нею. Но вспомнились Іорданъ и тѣ свѣтлыя минуты, пережитыя при видѣ высокаго религіознаго подъема, за которымъ выяснились настоящая красота и сила человѣческаго духа.

Я ужъ больше не колебался — ѣхать или не ѣхать.

Спѣшить, однако, было некуда. Въ одиннадцать часовъ еще будетъ молебенъ, архимандритъ скажетъ напутствіе паломникамъ, отправляющимся въ двѣнадцатидневное странствіе, и только послѣ полудня они двинутся въ путь.

Съ смутнымъ и сбивчивымъ чувствомъ покидалъ я Іерусалимъ. Вернусь ли я когда-нибудь въ него? Не знаю. Вернѣе всего, что нѣтъ. Жизнь такъ коротка, а на землѣ такъ много чудныхъ странъ и народовъ, которыхъ я не видѣлъ и которыя хочу видѣть. И, какъ всегда, когда покидаешь безъ надежды вернуться въ тѣ мѣста, гдѣ переживалъ новыя чувства, было нѣсколь-

ко грустно. Было жаль стѣнъ Іерусалима, его земли, его окрестностей, которыя я исходилъ и изъѣздилъ верхомъ вдоль и поперекъ, но все, что̀ было внѣ этого, что было связано съ людьми, оставило впечатлѣніе спутанное.

— Теплое изъ-подъ холоднаго,—какъ съ геніальной непосредственностью отзывался одинъ чуткій ребенокъ, когда я спросилъ его о Геѳсиманіи.

— Что̀ значитъ теплое изъ-подъ холоднаго?—изумился я его отвѣту.

— А вотъ,—объяснилъ онъ,—древнія маслинки и то, что здѣсь былъ Іисусъ Христосъ,—это теплое, а рѣшеточки и цвѣточки, которыя насадили монахи, это—холодное.

Я видѣлъ въ Іерусалимѣ еще болѣе холодное, чѣмъ эти рѣшеточки и цвѣточки. Наглое хищничество, преступное шарлатанство, издѣвательство надъ религіей и надъ чистѣйшей человѣческой вѣрой. Уѣзжая, я не могъ не думать объ этомъ, и было обидно, какъ будто бы меня ограбили самого чьи-то нечистыя жадныя руки.

Но лишь только я выѣхалъ за городъ, эти досадныя чувства какъ-то сами собой исчезли, и моя грусть засвѣтилась благородными воспоминаніями обо всемъ пережитомъ здѣсь, чего не могли похитить ни людская пошлость, ни жадность.

Направо отъ меня были кроткіе холмы и равнины съ древними маслинами, Кедронскій потокъ, Іосафатова долина, Елеонъ и наконецъ, въ сторонѣ отъ города—мечеть Омара, эта художественная проповѣдь Ислама, заключенная въ драгоцѣнномъ мраморѣ, золотѣ, слоновой кости и перламутрѣ. Пока мой осликъ бодро шагалъ по дорогѣ, поднявъ длинныя уши и покачивая своей большой, упрямой головой, я не сводилъ глазъ съ знакомыхъ, почти ставшихъ мнѣ родными, мѣстъ, гдѣ я какъ будто нашелъ свое дѣтство.

Наканунѣ я въ послѣдній разъ посѣтилъ эти мѣста. Былъ на рѣдкость тихій день, такъ что всѣ звуки казались какъ-то особенно нѣжны и кротки. Подъ вечеръ по-дѣтски звучала труба горниста въ турецкой казармѣ на мѣстѣ преторіи Пилата, а звонъ часовъ доносился изъ города печально, какъ живой голосъ времени.

Я зашелъ въ храмъ Богородицы. Почернѣлые своды, запахъ сырости, воска и масла. Запыленные подсвѣчники. Золоченые шарики, лампады на цѣпочкахъ, повисшія въ рядъ, точно серебряныя птицы.

Направо, въ пещерѣ, гдѣ гробница Богородицы, свѣтились красныя лампадки. Черная женщина-арабка въ углу и другая въ бѣломъ, съ чернымъ лицомъ, у стѣны—молились.

Все въ этотъ день мнѣ представлялось необыкновенно трогательнымъ и первобытнымъ. Даже прокаженные у входа въ пещеру не пугали своими изступленными воплями о милостынѣ, которые вытекали изъ нихъ вмѣстѣ съ гноемъ. Все было, какъ сонъ древности, и отрывало отъ мелочныхъ мыслей и интересовъ дня.

Съ высоты Елеонской горы я видѣлъ великолѣпную мечеть Омара. Муэдзинъ вопилъ съ минарета: «Ля-иляха, илля-ллахъ уа Мухамеду расуль-Ала». И черныя фигуры поползли по бѣлымъ плитамъ къ мечети на этотъ призывъ, а наверху, надо мною, арабъ-пастухъ, которому нельзя было оставить своихъ козъ, въ нищенской полосатой абаѣ, раскачивая головой въ бѣлой гафіѣ, перехваченной аккалемъ изъ верблюжьей шерсти, громко повторялъ священные стихи Корана. Несчастные камни Іосафатовой долины, изсохшее русло Кедронскаго потока—все внезапно пріобрѣло для меня еще какой-то новый смыслъ, какъ образъ дорогого человѣка при разлукѣ съ нимъ.

Паломники уже были далеко. Они, растянувшись, чернѣя на дорогѣ, поднимающейся по взгорью, и, освѣ-

щенные солнцемъ, походили издали на каракули, написанныя дѣтской рукой безъ линейки.

На пути встрѣчались намъ то стада черныхъ козъ, то стада овецъ, которыхъ гнали въ Іерусалимъ. Арабскія деревушки сѣрыми кубиками жались къ зеленоватымъ холмамъ. Скоро солнце сожжетъ здѣсь послѣднюю зелень, и тогда эти деревушки трудно будетъ отличить отъ каменныхъ горъ.

Оглядываясь назадъ, я все время видѣлъ Іерусалимъ. Въ послѣдній разъ онъ предсталъ предо-мною часа черезъ четыре около селенія Рамалы, но такъ далеко, что казался издали какъ бы нарисованнымъ на занавѣси, на сѣроватомъ фонѣ неба.

Въ Ромалѣ паломниковъ встрѣтили звономъ съ колокольни греческой церкви. Время уже близилось къ закату, и надо было позаботиться о ночлегѣ.

Здѣсь оказалась американская гостиница, но я съ моимъ спутникомъ предпочли воспользоваться гостепріимствомъ мѣстнаго приходскаго священника.

Проходя по селенію къ его хижинѣ, я былъ пораженъ красотою арабскихъ дѣвушекъ и дѣтей. Бѣлые балахоны, перетянутые у таліи, головные уборы изъ серебряныхъ монетъ—все это необыкновенно идетъ къ нимъ. Нигдѣ во всей Палестинѣ я не видѣлъ такихъ красивыхъ лицъ, такого тонкаго изящества, какъ въ Рамалѣ. Даже Виѳлеемъ въ этомъ отношеніи уступаетъ Рамалѣ. Почти все молодое населеніе поголовно красиво. Къ сожалѣнію, арабскія женщины скоро старятся и какъ будто не имѣютъ того переходнаго возраста, который у европеянокъ нерѣдко болѣе выразителенъ и привлекателенъ, чѣмъ въ юности. Тутъ отъ молодости женщина какъ-то сразу переходитъ къ старости и становится почти безобразна.

Арабскіе священники въ Палестинѣ большею частью бѣдны, такъ какъ вынуждены довольствоваться только приношеніями своей паствы. Хижина рамальскаго свя-

щенника имѣла всего двѣ, почти пустыхъ, комнатки, и, конечно, самую чистую предоставили гостямъ. Священника самого не было дома. Его жена, высокая, смуглая, исхудавшая отъ частыхъ родовъ и заботъ, женщина, вмѣстѣ со своей кроткой дочерью очень привѣтливо стала угощать насъ чаемъ съ пасхальными куличами, испеченными изъ чернаго тѣста. Мы, въ свою очередь, предложили ей и дѣтямъ, которыхъ было человѣкъ шесть, то, что̀ захватили съ собою.

Солнце уже закатилось, когда пришелъ самъ хозяинъ. У него красивое, умное лицо съ вдумчивыми глазами и тихая спокойная рѣчь. Прежде, чѣмъ мы успѣли спуститься къ нему съ крыши, откуда любовались окрестностями, онъ поднялся къ намъ.

Мой спутникъ по-арабски извинился передъ нимъ за безпокойство, на что хозяинъ учтиво отвѣтилъ:

— Ахлянъ у сахлянъ,—что̀ буквально значитъ: ты пришелъ въ свою семью, гдѣ нѣтъ для тебя преградъ.

— Муштакымктиръ, — прибавилъ онъ обычное арабское привѣтствіе (страшно по васъ соскучились), хотя видѣлъ насъ впервые. Гость не остался въ долгу и также отвѣтилъ принятой фразой:

— Уахна билльикширъ! (Мы еще больше).

Послѣ этого разговоръ пошелъ обычнымъ порядкомъ. Узнавъ, кто мы и попутно сдѣлавъ еще нѣсколько арабскихъ комплиментовъ, хозяинъ спросилъ, какъ нравится намъ Рамала.

Мы искренно стали расхваливать видъ, который открывался съ крыши. Холмы, покрытые масличными рощами, зеленыя долины, открывавшіяся среди холмовъ вплоть до Средиземнаго моря, которое свѣтилось на горизонтѣ подъ багровыми отъ заката тучами палевымъ свѣтомъ.

Хозяину были пріятны наши похвалы. Онъ былъ здѣшній родомъ и любилъ свое мѣстечко.

— Жаль, что уже немного поздно,—сказалъ онъ.— Днемъ, въ ясную погоду, вы могли бы видѣть Яффу вонъ тамъ, а тамъ—Аскалонъ. Теперь же и небо покрывается тучами. Вѣтеръ съ сѣверо-запада, — будетъ дождь.

Становилось прохладно, но жители не сходили со своихъ крышъ, гдѣ они любятъ проводить вечера, и отовсюду доносились оживленные голоса.

Священникъ продолжаетъ говорить о своей родинѣ, указывая въ сторону Іерусалима, надъ которымъ еще можно было разсмотрѣть Елеонскую колокольню.

— Рамала—библейскій городъ. Вонъ въ той сторонѣ—мѣсто гробницы пророка Самуила. Тутъ же онъ творилъ судъ свой. Само слово Рама происходитъ отъ Ев-рамъ, и принадлежала когда-то эта мѣстность колѣну Ефраимову, въ то время, какъ другая Рама—Веніаминова колѣна. Здѣсь былъ Авраамъ, здѣсь же, по преданію, Іосифъ и Марія хватились Отрока Христа на пути въ Назаретъ и, вернувшись въ Іерусалимъ, нашли Его бесѣдующимъ съ мудрецами.

Закатъ солнца какъ-будто задыхался въ тучахъ. Море потускнѣло и слилось съ холмами вдали, и уже теперь вся долина за холмами походила на темное море. Зажглись звѣзды. Вѣтеръ утихъ. Намъ надо было подняться въ полночь, чтобы выступить съ караваномъ. Какъ ни жаль было разставаться съ весенней палестинской ночью, пришлось спуститься внизъ: на завтра предстоялъ шестнадцатичасовой переходъ до Самаріи.

Внизу хозяинъ настоялъ, чтобы мы заняли лучшія постели: его семейное широкое ложе, покрытое шкурой палестинской пантеры, и другую постель на полу, устланномъ циновками и ковромъ, на который положили матрацы, покрытые по-европейски простыней, пуховыя подушки.

Все его семейство какъ-то устроилось въ сосѣдней комнатѣ, самъ онъ — въ углу. Но въ то время, когда мы

уже были въ постеляхъ, онъ отправился въ церковь. Настала тишина. Тутъ-бы и спать.

И мой спутникъ мгновенно заснулъ. Явившійся вскорѣ священникъ заснулъ также, но мнѣ не суждено было спать ни одной минуты. Не успѣлъ я вытянуться въ постели, какъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ укола... снова и снова.

Блохи! Арабскія блохи—довольно серьезный врагъ сна, но утомленіе уже стало побѣждать. Я чувствовалъ, что засыпаю, но по сосѣдству заплакалъ младенецъ.

Его, однако, скоро угомонили. Опять сонъ опускался на глаза, но тутъ началась новая и уже совсѣмъ неожиданная музыка. Сначала тонкимъ звономъ начали бить часы.

— Ничего,—утѣшаю я себя.—Два часа сна, которые остаются мнѣ, тоже недурно.—И, считаю часы, досчиталъ до десяти, но тутъ произошла совсѣмъ новая штука: часы начали играть.

Это было до того неожиданно, что я расхохотался. Часы съ музыкой! Какъ дѣтскій аристонъ, они, оказывается, каждый часъ наигрывали то вальсъ, то польку. Сонъ исчезъ безвозвратно. Послѣ двѣнадцати часовъ, прослушавъ нѣчто въ родѣ кэкъ-уока, я поднялся. Въ ту же минуту зазвонилъ церковный колоколъ: паломники призываются на молитву передъ выходомъ въ путь.

Хозяинъ поднялся также, а за нимъ и мой товарищъ. Мы наскоро умылись, и, поблагодаривъ любезнаго священника, темной улицей пошли туда, гдѣ уже шумѣли паломники и ревѣли ослы. На этотъ шумъ вокругъ отзывались безпокойнымъ лаемъ собаки, которыхъ никогда не видно и не слышно днемъ, да рѣзкими криками перекликались съ разныхъ концовъ селенія пѣтухи. Полночныя звѣзды свѣтили необыкновенно ярко, такъ что въ мягкомъ сумракѣ какъ будто искры разсыпались отъ ихъ лучистаго сверканья. Только западъ глухо темнѣлъ надвигавшимися тучами.

Въ темнотѣ на дворѣ у церкви безпокойно и шумливо толклись люди. Одинъ-два фонаря, влача за собой черныя тѣни, шевелились то въ одномъ, то въ другомъ углу. Пѣшіе паломники уже выступили въ путь; остальные возились, отыскивая своихъ ословъ и ссорясь съ проводниками. Мы, по обыкновенію, выѣхали послѣдними.

Дорога еле-еле бѣлесоватой полосой проступала въ темнотѣ. Становилось все темнѣе; небо закрывалось облаками, и по временамъ я ничего не видѣлъ передъ собою, кромѣ ушей моего осла. Но вотъ позади умолкъ деревенскій шумъ. Мы выѣхали на открытую дорогу. Лишь по поступи осла можно было догадываться, когда мы поднимаемся вверхъ, когда опускаемся внизъ. По огнямъ, которые иногда выступали изъ мрака, можно было знать о томъ, что тамъ есть жилье. Вотъ мы миновали Веѳиль, что́ значитъ «домъ Божій», такъ назвалъ это мѣсто Іаковъ, видѣвшій здѣсь во снѣ лѣстницу, достигающую небесъ, по которой спускались и поднимались ангелы. Иногда, очевидно, попадали въ низкія ложбины, нѣчто въ родѣ ущелья, гдѣ пахло сыростью и острѣе былъ вѣтеръ. Только когда облака разрывались, звѣзды продолжали сѣять на бѣлесую дорогу искристый свѣтъ.

На зарѣ, однако, небо слегка очистилось, и стали выступать темными пятнами холмы и деревья. Они намѣчались то въ одной плоскости съ нами, то наверху, то глубоко внизу, и тогда угадывали, что дорога идетъ гдѣ-то надъ обрывомъ.

Поблѣднѣлъ сумракъ. Неестественно большая утренняя звѣзда засіяла надъ холмомъ и казалась такъ низко и близко, что ее можно было принять за сторожевой огонь. Я долго слѣдилъ, какъ она разливалась въ сѣдѣющемъ сумракѣ. Но вотъ рядомъ съ нею обозначилось длинное свѣтящееся пятно. Заря какъ-будто задержалась на нѣсколько мгновеній, давая этому пятну разго-

рѣться, и я скоро увидѣлъ, что это была комета. Опредѣлились звѣздное ядро и хвостъ,—точно голова и хвостъ огненной птицы, летящей внизъ. Ея предразсвѣтная спутница совсѣмъ исчезла за холмомъ, и комета нѣсколько минутъ сіяла одна, придавая невыразимое очарованіе этимъ мѣстамъ, гдѣ Авраамъ бродилъ со своими стадами, гдѣ тѣни библейскихъ пророковъ возникли неумирающими о́бразами, и гдѣ много разъ проходилъ Христосъ то со Своей Матерью, то со Своими учениками, останавливаясь отдохнуть и напиться у источниковъ, которые и намъ встрѣчались на пути.

У одного изъ такихъ источниковъ—Айнъ-Харамія—паломники остановились на привалъ. Совсѣмъ разсвѣло, и живописное ущелье, покрытое древними маслинами, смоковницами, открылось на далекое пространство. Здѣсь не только въ древности, но и въ сравнительно недавнее время скрывались разбойничьи шайки, грабившія караваны. Да и теперь для одинокихъ странниковъ путь не совсѣмъ безопасенъ.

Алыя мальвы, флоксы и красные маки яркими пятнами выступаютъ по склонамъ, не разъ обрызганнымъ кровью. Но время и вода смываютъ все, а здѣсь ея много. Для нашихъ поломниковъ сюда доставляется въ огромныхъ металлическихъ кубахъ съ подтопками—кипятокъ. Тутъ всѣ отдыхаютъ и подкрѣпляются для дальнѣйшаго пути.

Ѣхать не жарко. Небо все въ облакахъ, и солнце проступаетъ среди нихъ мутнымъ перламутровымъ пятномъ. Часа черезъ два пути—новая остановка около Ханъ-Луббана, гдѣ насъ обгоняетъ греческій митрополитъ, спѣшащій опередить паломниковъ, чтобы встрѣтить ихъ около Наблуса у источника «Самарянки» и повытянуть изъ нихъ трудовые парички на возведеніе новаго храма.

Для сокращенія пути мы иногда оставляемъ идущую въ обходъ дорогу и поднимаемся вверхъ и спускаемся внизъ по каменнымъ тропинкамъ. Одинъ изъ

такихъ спусковъ такъ крутъ, что приходится оставить ословъ и спускаться пѣшкомъ. Камни, точно послѣ землетрясенія, колючій терновникъ и провалы преграждаютъ тропинку, но весело итти, любуясь распахнувшейся впереди долиной и плавными линіями холмовъ и горъ, за которыми справа такъ близко Іорданъ.

Нѣсколько разъ пытается брызнуть дождь. Бѣда, если онъ размоетъ Самарійскую дорогу: въ распутицу, въ невылазной грязи, тамъ пропадаютъ и люди и животныя. Но дождичекъ пойдетъ и остановится, и сквозь тучи опять ярко свѣтитъ солнце.

На закатѣ мы подходимъ къ Наблусу, но у горы Гевала караванъ, какъ лава, скатывается внизъ, къ воротамъ греческаго подворья, окруженнаго высокою каменною стѣной, за которой—древній колодецъ, гдѣ Христосъ бесѣдовалъ съ самарянкой. Тамъ производятся раскопки, и на мѣстѣ древняго храма, воздвигнутаго въ IV вѣкѣ царицей Еленой, строится новый храмъ. Пока у колодца только часовня, гдѣ совершается богослуженіе.

Греческій архимандритъ, отъ котораго изрядно попахивало виномъ, любезно отвелъ намъ комнатку для ночлега. Паломникамъ же приходилось провести ночь на голыхъ камняхъ, хотя подъ кровлей. И то ужъ оказалось благо, такъ какъ ночью пошелъ дождь.

Но вечеръ былъ чудный. Багряныя облака висѣли надъ Геваломъ, гдѣ нѣкогда стоялъ, по завѣту Моисея, великій жертвенникъ и хранился Ковчегъ Завѣта.

— Что тамъ бѣлѣется на вершинѣ горы?

— Гробница Іосифа.

Какъ нашелъ Моисей мѣсто погребенія Іосифа?

Легенда такъ повѣствуетъ объ этомъ:

«Отъ того поколѣнія въ живыхъ осталась Серахъ, дочь Исара. Пришелъ къ ней Моисей и спросилъ:

— «Неизвѣстно ли тебѣ что-либо о томъ, гдѣ погребенъ Іосифъ?»

Серахъ повѣдала Моисею слѣдующее:

— «Египтяне сдѣлали для Іосифа металлическій гробъ и опустили его на дно Нила, дабы призвать благословеніе на воды этой рѣки. И еще потому, что чародѣи египетскіе говорили Фараону: «Если ты желаешь, чтобъ израильтяне никогда не ушли отсюда, сдѣлай такъ, чтобъ они не могли отыскать гробъ Іосифа,—ибо Іосифъ заклялъ сыновъ Израилевыхъ вынести кости его отсюда и взять ихъ съ собою въ Землю Обѣтованную. Такимъ образомъ безъ его останковъ имъ невозможно будетъ уйти изъ Египта».

«Пошелъ Моисей, сталъ на берегу Нила и громкимъ голосомъ воззвалъ:

— «Іосифъ! Іосифъ! настало время, когда Господь избавляетъ народъ Свой отъ рабства, и наступилъ часъ для исполненія данной тебѣ народомъ клятвы. Воздай же должное Господу. Ты задерживаешь Духа Святого, задерживаешь народъ, задерживаешь Покровы Облачные Славы Господней. Если ты самъ покажешься изъ воды—хорошо, если же нѣтъ—мы свободны будемъ отъ клятвы нашей».

«Тотчасъ на водѣ показались пузырьки,—и легко, какъ тростникъ, всплылъ со дна гробъ Іосифа.

«Все время странствованія Израиля въ пустынѣ гробъ Іосифа и Ковчегъ Завѣта находились рядомъ. Прохожіе, видя это, спрашивали о значеніи этихъ двухъ хранилищъ. Имъ отвѣчали: «Въ одномъ—останки человѣка, въ другомъ—Завѣтъ Господенъ».

— «Но развѣ подобаетъ находиться мертвецу рядомъ со Святыней Господней?»

— «Тотъ, кто покоится въ этомъ гробу, исполнилъ все, что̀ написано въ Завѣтѣ этомъ».

Къ югу отъ Гевала возвышается гора Гаризимъ, гдѣ при Зенонѣ и Юстиніанѣ былъ христіанскій храмъ, а

при Александрѣ Великомъ—капище жреца Саннабалата. Гора Проклятій и гора Благословеній, мрачныя и осиротѣлыя, стоятъ теперь нѣмыми памятниками великой древности, а у подножья обѣихъ горъ извиваются дороги и тропинки; и два древнихъ города, Сихемъ, или, какъ онъ называется теперь—Наблусъ, и Сихаръ, который состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ мрачныхъ и бѣдныхъ домишекъ, врядъ ли, впрочемъ, отличающихся отъ тѣхъ, что были тутъ и на горѣ Гаризимъ во время Христа, оживляютъ преданія, связанныя съ этими мѣстами.

Не безъ волненія спустился я въ пещеру, гдѣ до сихъ поръ живъ источникъ, изъ котораго самарянка напоила Христа, гдѣ прозвучали божественныя слова Христа—о поклоненіи Богу не на горѣ и не въ Іерусалимѣ, а «въ духѣ и истинѣ». И это было назадъ тому почти двѣ тысячи лѣтъ. Но какъ мало люди усвоили эти слова и проникли въ ихъ истинный смыслъ!

Паломники цѣловали мокрые камни колодца, мочили лица свои его водою, съ которой смѣшивались ихъ слезы. А наверху, среди зеленыхъ деревьевъ и разбитыхъ колоннъ древняго храма, надъ колодцемъ въ это время шло богослуженіе и читались евангельскія страницы о бесѣдѣ Христа съ самарянкой:

«Женщина говоритъ ему: «Господинъ, Тебѣ и почерпнуть нечѣмъ, а колодезь глубокъ; откуда же у Тебя вода живая?»

«Неужели Ты больше отца нашего Іакова, который далъ намъ этотъ колодезь, и самъ изъ него пилъ, и дѣти его, и скотъ?»

«Іисусъ сказалъ ей въ отвѣтъ: «Всякій, пьющій воду сію, возжаждетъ опять, а кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ».

Я спустился внизъ съ возвышенія, на которомъ шла служба. Рядомъ, подъ навѣсомъ, сидѣли греческій архимандритъ и монахи. Около толпились паломники

и записывались на временное и вѣчное поминовенiе, смотря по лептѣ, которую они вносили.

Торговля шла недурно.

Утро было сѣрое и вѣтреное. Вѣтви деревьевъ безпорядочно качались и свистѣли въ воздухѣ, а надъ горой Гевалъ, какъ духи проклятiя, клубились тучи.

Караванъ стороной обходилъ Наблусъ. Это было жаль, но на это были основательныя причины. Еще въ Библiи жители Сихема назывались буйными людьми, и теперь наблусцы извѣстны, какъ фанатики, не менѣе, чѣмъ хевроняне. Есть у нихъ и еще основанiе для ненависти къ русскимъ: въ русско-турецкую войну Наблусъ снарядилъ отрядъ на свои средства, и весь отрядъ погибъ. Спасся только одинъ, который и принесъ въ родную страну ненависть къ смертельному врагу.

Каждый разъ, какъ здѣсь проходили наши паломники, жители Наблуса издѣвались надъ ними и бросали въ нихъ камни. Въ прошломъ году такимъ образомъ пробили голову одному паломнику. Тогда провожавшiй караванъ кавасъ Халиль, который и теперь, отсидѣвъ годъ въ тюрьмѣ, ѣдетъ съ нами, выстрѣломъ изъ винтовки уложилъ бросившаго камень мусульманина.

И теперь въ Наблусѣ еще есть нѣсколько десятковъ семействъ, потомковъ самаритянъ, считающихъ своимъ родоначальникомъ Аарона. Въ ихъ старой синагогѣ хранится древнѣйшая рукопись Моисеева Пятикнижiя. Но эти осколки библейскаго народа не могли сохранить буйнаго и вѣроломнаго духа своихъ предковъ. Они мирно занимаются торговлей и блюдутъ всѣ iудейскiе обряды, кромѣ возжиганiя огня въ день субботнiй.

Я очень сожалѣлъ, что мнѣ не удалось осмотрѣть синагогу, мечеть, построенную изъ древняго христiанскаго храма, и всего Наблуса. Но и то, что́ я видѣлъ, проѣзжая по его окраинѣ, очень мнѣ понравилось. Го-

родъ очень красивъ, весь окруженъ садами, которымъ Ѳафвовъ потокъ даетъ обильную воду. Старые прекрасные сады обильно и ласково обняли городъ и какъ-будто заботливо охраняютъ его каменные дома и мечети, чтобы они не расползлись по окрестнымъ горамъ.

То, что̀ имѣетъ нѣкоторое право называться дорогою, за Наблусомъ прекращается надолго. Начинается головоломное странствованіе по крутымъ каменистымъ тропинкамъ, которыя смѣло могутъ быть названы чертовыми лѣстницами.

Зато какая красота удивительная открывается передъ глазами: великолѣпныя зеленыя равнины, холмы и горы, покрытыя масличными рощами, сизыя пятна которыхъ такъ нѣжно и мягко рисуются на золотомъ фонѣ хлѣбовъ или на красновато-зеленыхъ склонахъ горъ. Недаромъ одна сентиментальная дѣвица-поповна едва не падала съ ослика отъ восторга и, всплескивая руками, восклицала:

— Ахъ, какіе очаровательные пейзажи! Вотъ гдѣ дивно поэтизировать. Какая жалость, что нѣтъ бинокля.

— Зачѣмъ же бинокль? Развѣ у васъ плохіе глаза?

— Ахъ, нѣтъ, въ бинокль поэтичнѣе. Какъ можно сравнить зрѣлище съ биноклемъ и безъ бинокля! Вотъ жаль также, что со мною нѣтъ фотографическаго аппарата. Ужасно было-бы пріятно снять съ этого пейзажа карточку и увѣковѣчить этотъ видъ. Право, это лучше, чѣмъ декорація въ театрѣ. И даже если нарисовать — не повѣрятъ. Честное слово!

Даже паломники, рѣдко обращающіе вниманіе на красоту природы, здѣсь расчувствовались:

— Экія благодатныя мѣста-то. Не то, что̀ по дорогѣ къ Іордану.

— Чего говорить: тамъ пустыня, одно слово. И отчего это, братцы, тамъ нѣтъ воды, а тутъ ея сколько хошь?

— А самому-то невдомекъ, отчего? Чай, возлѣ тѣхъ мѣстовъ Христа распяли, и дьяволъ Его, Батюшку,

искушалъ, вотъ Онъ ихъ и проклялъ. А тутъ нашъ Спаситель тридцать годковъ странствовалъ. Какъ благодати не быть!

Даже романтическая дѣвица изъ поповенъ забыла о высокомъ стилѣ, въ которомъ выражалась раньше. При видѣ великолѣпныхъ коровъ она въ восторгѣ воскликнула:

— Вотъ такъ коровы! Такъ бы и выдоила сама. Небось, все холмогорская порода.

Солнце продѣлываетъ съ тучами настоящія чудеса. Тучи клубятся на самарійскихъ горахъ и несутся на сѣверо-востокъ, то гонимыя стрѣлами солнца, какъ смѣшавшееся полчище, то какъ будто замирающія подъ яркой радугой. Но вотъ онѣ все болѣе темнѣютъ и тяжелѣютъ, и начинается дождь.

Онъ налетаетъ полосами и хлещетъ въ лицо и насквозь промачиваетъ платье. Дорога портится, путь становится тяжелъ, и паломники съ трудомъ скользятъ по липкой грязи.

Ослы теряютъ свою бодрость. Да и чтó за ослы у иныхъ. Смотрѣть жалко. Хозяева кормить ихъ не кормятъ, а бьютъ нещадно и колютъ остріями палочекъ, чтобы заставить ихъ итти.

Съ караваномъ идетъ съ десятокъ казенныхъ ословъ для ослабѣвающихъ въ пути, заболѣвшихъ и стариковъ.

— Вѣдь вонъ,—возмущается фельдшеръ, откомандированный съ караваномъ:—куда этотъ старикъ пошелъ! Ему ужъ, небось, сто лѣтъ будетъ. Такихъ бы не слѣдовало допускать.

— Чего грѣшишь: «сто лѣтъ!» Мнѣ еще и девяноста нѣтути,—обиженно возражаетъ старикъ.

— А эта вотъ бабушка. Вѣдь у тебя дизентерія; куда же ты двинулась? Вѣдь я говорилъ тебѣ, что въ больницу должна лечь. Вотъ помрешь еще дорогой.

— И-и, батюшка, не все ли равно, гдѣ помирать-то? Ужъ лучше постараться по Христовой дорожкѣ пройтись.

Иныхъ погонщики взваливаютъ на ословъ, какъ мѣшки, и, какъ мѣшки, они то и дѣло сваливаются на землю.

У иныхъ падаютъ ослы.

— Чтó же это ты, извергъ, за животину далъ мнѣ?— набрасывается одна изъ такихъ женщинъ на погонщика-араба.—Вы подумайте только, добрые люди,—жалуется она,—въ Іерусалимѣ, какъ нанимался, говорилъ, муллу мнѣ доставитъ. Я говорю, мнѣ все едино, хоть муллу, хоть штó, только бы везла. А какая же эта мулла, это кость одна, а не животина.

— Кость воистину. Зачѣмъ же брала? Деньги, чай, платила?

— Какъ не платить. Восемь цѣлковыхъ ироду отвалила. Да ужъ когда тутъ съ нимъ спорить, коли надо выѣхать было!

— Наканунѣ слѣдовало смотрѣть.

— Все едино, смотри, не смотри. Онъ наканунѣ-то хошь льва тебѣ приведетъ, и сѣдло и все, какъ надо. А выѣзжать—кошка дохлая вмѣсто того, котораго показывалъ.

Иногда разыгрываются комическія сцены, при видѣ которыхъ нельзя не хохотать. Старикъ въ рыжемъ котелкѣ ѣдетъ на такой «дохлой кошкѣ». Осликъ спотыкается и становится на переднія ноги.

Ткнувшись черезъ голову осла котелкомъ прямо въ грязь, старикъ не можетъ высвободить ногъ изъ веревочныхъ стремянъ. Онъ придавилъ животомъ своимъ голову осла и безпомощно барахтается руками.

Погонщикъ, испуганный за осла, бранится и кричитъ:

— Старика, дурàка, вставай.

Тотъ и радъ бы, да невозможно: ни сѣдокъ ни оселъ не могутъ подняться.

— Ишь, какая дурàка,—раздраженно набрасывается арабъ и съ трудомъ освобождаетъ обоихъ.

— А я почемъ зналъ...—сконфуженно бормочетъ старикъ, снимая поломанный котелокъ и вытирая съ него грязь.

Такъ какъ большинство въ караванѣ всегда женщины, арабы привыкли выражаться въ женскомъ родѣ и себя даже называютъ для удобства женскими именами. Паломницѣ и не запомнить арабскаго имени, да и не пристало какъ-то призывать христіанскими устами какого-нибудь Магомета.

— Зови меня: Алена! — предупреждаетъ арабъ. — Такъ за нѣкоторыми изъ нихъ и остались имена Алена, Акулина, даже одного араба Секлетея звали.

Одинъ изъ паломниковъ, у котораго оселъ былъ необыкновенно лѣнивъ и то и дѣло нагибался къ травѣ пощипать ее, — навязалъ на длинную палку пучекъ ячменя и протянулъ этотъ соблазнъ передъ ослиной мордой. Оселъ поддался искушенію и, вытягивая морду, побѣжалъ за приманкой, которая никакъ не давалась ему.

Паломники, какъ дѣти, хохотали надъ этой забавой. Нашлись подражатели, но не всѣ ослы оказались такъ наивны: нѣкоторые, наоборотъ, при этой шуткѣ пятились назадъ и даже брыкались, обиженные издѣвательствомъ надъ ними.

У древней Самаріи или, по-нынѣшнему — Севасты снова устроили маленькій привалъ, такъ какъ подъемъ на гору былъ очень труденъ. И опять изъ развалинъ камней зазвучали библейскіе голоса—нечестиваго Ахава и грознаго Иліи, который огненными рѣчами своими преслѣдовалъ языческаго царя и его жену. Но самарійскіе цари оставались непреклонны въ своихъ заблужденіяхъ, которыя шли рядомъ съ кровавыми злодѣйствами, закончившимися усѣкновеніемъ главы Іоанна Предтечи. Здѣсь былъ и погребенъ крестившій Христа. Надъ его гробницей, вѣрнѣе—урной, въ которой хранился лишь пепелъ обезглавленнаго тѣла, сожженнаго по повелѣнію

Іуліана Отступника, соорудила храмъ царица Елена, но теперь мѣсто занято мусульманами.

Здѣсь же вокругъ этой гробницы—погребальныя пещеры іерусалимскихъ царей, хотя нѣкоторые склонны ошибочно приписывать ихъ отцу и матери Іоанна Крестителя—Захарію и Елисаветѣ.

Въ окрестностяхъ Севасты въ настоящее время дѣятельно идутъ раскопки, и изъ-подъ камней и праха поднимаются колонны и портики дворцовъ Ирода, воздвигнутаго имъ храма въ честь цезаря Августа, по имени котораго и звался этотъ городъ. Ряды этихъ колоннъ долго виднѣлись мнѣ съ дороги на фонѣ синяго неба, посреди холмовъ, засѣянныхъ хлѣбомъ или оттѣненныхъ сиротливо стоящими масляничными и фиговыми деревьями. А когда-то здѣсь цвѣли волшебные сады Ирода, и звучали орошавшіе ихъ источники. И изъ всего этого сказочнаго великолѣпія остались только «терніи и волчцы». Такъ сбылось библейское пророчество Михея:

«И положу Самарію во овощное хранилище сельное и въ садъ винограда, и низверну въ пропасть каменіе ея, и основанія ея открою».

Вскорѣ послѣ Севасты мы вступаемъ въ настоящее царство фруктовыхъ садовъ, и въ одномъ изъ такихъ садовъ у обильнаго источника, недалеко отъ деревушки Силомъ, устраивается снова привалъ.

День совсѣмъ разгулялся. Паломники оживились, и пестро и шумно, какъ цыганскій таборъ, раскинулся нашъ караванъ на зеленой травѣ, подъ фиговыми, яблоновыми и гранатными деревьями, покрытыми крупными ярко-красными цвѣтами. Красивая женщина-арабка, съ узорно татуированнымъ подбородкомъ, въ темно-красномъ вышитомъ костюмѣ, поставила два котла и кипятитъ въ нихъ воду, за которую паломники охотно тащатъ ей парички. Она кричитъ направо и налѣво, торгуется, споритъ, даже подчасъ даетъ тумаки тѣмъ, кто хочетъ поживиться ея добромъ безплатно. Эти парички—един-

ственное вознагражденіе за потоптанную людьми и животными въ ея саду траву, поломанныя вѣтки деревьевъ и ту нечистоту, которую оставляетъ послѣ своего ухода паломническій караванъ.

Не всѣ однако такъ снисходительны къ своему добру, какъ эти женщины. Случается, что на привалахъ и во время пути погонщики пускаютъ своихъословъ въ арабскіе хлѣба. Хлѣба эти обыкновенно сторожатъ наемники, отвѣчающіе передъ обществомъ, которому служатъ, большими штрафами за такую потраву. Начинается ссора, нерѣдко дѣло доходитъ до драки, и одинъ изъ нашихъ проводниковъ вотъ дня два красуется съ разбитой физіономіей.

Жаль разставаться съ этимъ приваломъ, но уже пѣшіе двинулись въ путь, и гаснетъ костеръ подъ остывающими котлами. Душистый дымъ ползетъ по травѣ у ногъ арабки, гдѣ копошатся двое маленькихъ арабчатъ.

Задержались только тѣ, у кого есть ослы или лошади. Арабка утихла, скалитъ, улыбаясь, свои превосходные зубы и, обмывъ дѣтишекъ въ тѣхъ же самыхъ котлахъ, изъ которыхъ она продавала намъ кипятокъ, что-то внушаетъ имъ. Тѣ быстро бѣгутъ къ намъ и протягиваютъ руки:

— Бакшишъ.

Послѣдняя ночевка наша въ Бирквнѣ, грязной арабской деревушкѣ, гдѣ всего двѣ православныхъ семьи, и священникъ-арабъ бѣдствуетъ со своей многочисленной семьей. Немудрено, что онъ долженъ прибѣгать къ разнымъ ухищреніямъ для изысканія средствъ.

Такъ, передъ деревушкой, при переходѣ черезъ потокъ, стоялъ кривой дурачокъ съ иконой на полотенцѣ и бормоталъ, протягивая тарелку къ паломникамъ:

— Христосъ васикри... Спасибо... Парички... Христосъ васикри... Ни папы... ни мамы...

Этого дурачка я потомъ встрѣтилъ во дворѣ священника,—онъ живетъ у него изъ милости. Всю ночь онъ не давалъ мнѣ спать въ томъ чуланѣ, гдѣ я устроился на ночь. Ворчалъ что-то, шарилъ въ углахъ.

Оказалась, что въ его вѣдѣнiи находится жестянка съ керосиномъ, и онъ опасался за эту драгоцѣнность.

Сынъ священника, мальчикъ лѣтъ 12-ти, съ удивительно красивымъ личикомъ, выбѣжалъ навстрѣчу паломникамъ съ бутылкой и стаканчикомъ.

— Два паричка—ракичка! Два паричка—ракичка!— звонко выкрикивалъ онъ, наливая паломникамъ арабскую водку.

— Давай, малый, давай! Оно съ устатку-то ладно.

Тотъ самый старикъ въ рыжемъ котелкѣ, который упалъ съ осломъ, подходитъ ко мнѣ въ то время, какъ я чищу апельсинъ, и говоритъ:

— Вы ужъ, господинъ, корочки-то не бросайте, а дайте мнѣ.

— Зачѣмъ? На-те вотъ апельсинъ.

— Нѣтъ ужъ... Что́ ужъ... Намъ только бы корочки... Настойка на нихъ больно хороша. Вамъ, значитъ—ѣсть, намъ—пить.

И онъ бережно прячетъ апельсинныя корки въ мѣшокъ, который таскаетъ съ собою, полнехонькiй разными травами, камешками и тому подобнымъ соромъ, который онъ повезетъ въ свою деревню едва ли не какъ святыню.

Вечеромъ я прошелся по деревнѣ. Бѣдность, нечистота; зато вокругъ великолѣпныя по красотѣ мѣста. Скотъ возвратился съ пастбища. Запахло навознымъ дымомъ, и въ открытыя двери арабскихъ жилищъ видны были обычныя картины феллахской жизни.

Прямо противъ двери—большiя нары, на которыхъ расположилась большая семья и ужинаетъ кислымъ молокомъ, лебеномъ, почти единственной пищей арабовъ, если не считать зелени. А передъ нарами въ томъ же по-

мѣщенiи стоитъ въ одномъ углу лошадь, въ другомъ оселъ.

Проснулся я на разсвѣтѣ. Звѣзды были необыкновенно ясны, но конецъ ночи въ нихъ чувствовался такъ же, какъ въ блескѣ чахоточныхъ глазъ—угасанiе жизни... Высокая пальма тонкимъ рисункомъ опредѣлялась во мракѣ надъ плоскими крышами; она стояла печальная, какъ плѣнница, среди этихъ скученныхъ каменныхъ кубиковъ, окруженныхъ колючей кактусовой стѣной. Дурачокъ, бормоча и косясь на меня, осмотрѣлъ керосиновую жестянку и, завернувшись въ рваную абаю, легъ у двери.

Начинало разсвѣтать.

Узкая живописная ложбина; источникъ, а возлѣ него арабскiя женщины и дѣвушки съ кувшинами на головахъ. На утреннемъ солнцѣ эта кроткая библейская картина всегда вызываетъ во мнѣ чувство смутной печали, точно воспоминанiе о сновидѣнiи, въ которомъ грезилось дѣтство...

По выходѣ изъ этого красиваго зеленаго ущелья сразу открывается плодоноснѣйшая Ездрилонская долина. и спокойно и мягко синѣютъ вдали Галилейскiя горы. Здѣсь начинается хлѣбное царство. Здѣсь житница всей Палестины. Благословенiе неба надъ этой долиной, гдѣ зелень и золото хлѣбовъ прекраснѣе самыхъ драгоцѣнныхъ ковровъ въ мiрѣ.

Но первобытно и плохо обрабатывается земля, дающая въ десять разъ меньше того, что̀ она могла бы давать. Феллахъ едва ковыряетъ ее своимъ гвоздемъ, разсѣвая зерна при помощи жестяной воронки, въ которую онъ трубитъ, какъ въ рупоръ, скликая подъ вечеръ своихъ близкихъ. Да и что ему особенно стараться, коли эта земля вся въ рукахъ одного-двухъ богачей, высасывающихъ изъ феллаха всѣ соки.

Здѣсь мало птицъ, или онѣ боятся пѣть, потому что со всѣхъ сторонъ кружатся надъ долиной хищники. И люди, какъ птицы, загнаны и молчаливы.

Мы минуемъ городокъ Дженинъ, гдѣ по преданію Іисусъ исцѣлилъ десять прокаженныхъ. Этотъ городъ остался на горѣ справа; двигаемся по долинѣ Ездрилонской, покоренные ея тоскующей о жизни тишиной. За Джениномъ мы въ Галилеѣ, и это мягко звучащее имя удивительно сливается съ горами и долиной. А между тѣмъ съ этой долиной связаны кровавыя страницы библейской исторіи. Здѣсь Саулъ сражался съ филистимлянами; Гедеонъ съ амалекитянами и медіанитянами; Эзекія съ египетскимъ фараономъ Нехао; Олофернъ—съ израильтянами. Здѣсь проходили войска Александра Македонскаго, крестоносцевъ, полчища Наполеона, и вся долина, всѣ окрестныя горы и холмы пропитаны кровью.

Ужасъ жизни всегда пятнаетъ кровью наиболѣе священныя и благодатныя мѣста,—видно, таковъ законъ судьбы.

На западѣ, надъ моремъ, вплоть до Кармела, рѣзкими, угловатыми горбами очерчиваются Самарійскія горы, а впереди Галилейскихъ выступаетъ крутая высокая гора, на которой, преслѣдуемый врагами, пронзилъ себя мечомъ Саулъ. Тамъ у подножья горы — деревушка Эндоръ, гдѣ прорицательница предсказала царю его мрачную смерть, и кажется, что ужасъ этой мистической тайны до сихъ поръ хранитъ дикая каменистая гора, какъ могила, поднимающаяся надъ Ездрилономъ.

Она среди Галилейскихъ горъ одна внушаетъ чувство тревоги, близкой къ страху. Зато какое свѣтлое чувство поднимается въ душѣ, когда, какъ въ чашѣ, въ углубленіи горъ, вдали увидишь бѣлыя пятна домовъ Назарета.

А направо отъ него за Малымъ Гермономъ, совсѣмъ одиноко, точно хлѣбъ на большомъ блюдѣ, показывается Ѳаворъ. Близость къ Назарету этой горы, имѣющей видъ хлѣба, какъ будто таитъ въ себѣ особенно знаменательный символическій смыслъ... И хлѣбныя поля

идутъ къ нимъ съ своимъ шорохомъ, переливая на солнцѣ тяжелыя волны.

Облака бѣлѣютъ надъ Ѳаворомъ; тѣни отъ нихъ скользятъ по его склонамъ. Онъ то поднимается изъ-за волнующихся хлѣбовъ, то исчезаетъ въ нихъ и наконецъ выступаетъ передъ глазами. Весь онъ покрытъ лѣсомъ, пятна котораго кажутся изюминами въ хлѣбѣ. Я не могу оторвать отъ него глазъ и не замѣчаю, какъ мы поднимаемся на нѣкоторую высоту, гдѣ караванъ располагается, чтобы отдохнуть прежде чѣмъ подняться на крутизну, за которой—Назаретъ.

Острыя, почти отвѣсныя, скалы возвышаются справа. Это—гора Сверженія, откуда фарисеи будто бы хотѣли сбросить Христа.

Рядомъ со мной сидитъ старикъ и, выслушавъ эту исторію, заливается слезами:

— Батюшка нашъ! Сколько муки за народъ принялъ!—бормочетъ онъ, крестясь на гору.—А это, слышь ты, Хворь-гора. Преображеніе на ней было.

— Да, это—Ѳаворъ.

— А это?

— Это—Малый Гермонъ.

— А тутъ какое же чудо произошло?

Я затрудняюсь отвѣтить, но онъ настойчиво требуетъ объясненія отъ другихъ. Чудо должно было произойти и тутъ.

— Безъ чуда никакъ нельзя! Ежели Христовы стопы ея касались, безъ чуда не обошлось.—Онъ переводитъ глаза съ одной горы на другую и съ умиленіемъ говоритъ:—Гора Изверженья! Хворь-гора! Ермонъ-гора! И тутъ Святая Троица! Какъ, значитъ, въ дубѣ Мамврійскомъ три ствола—Святая Троица, такъ и тутъ... Чудо, воистину чудо.

И онъ радъ этому чуду и радъ слезамъ своимъ, которыя льются у него изъ дѣтски-наивныхъ глазъ.

Черезъ четверть часа по крутой, узенькой каменистой тропинкѣ, съ которой того и гляди сорвешься внизъ, мы поднимаемся все выше и выше.

И, наконецъ, на закатѣ, передъ нами весь Назаретъ.

Назаретъ.

Солнце закатывалось за Кармильскими горами, когда Назаретъ весь открылся предо мною въ спокойной зеленой котловинѣ. Уже предвечерняя тѣнь покрыла внизу его бѣлыя стѣны, но зданія наверху, по взгорью, казались какъ будто изъ розоваго мрамора, а черепичныя кровли европейскихъ построекъ блестѣли отъ теплаго сіянія зари. Первое чувство при видѣ Назарета было радостное, и не только потому, что городокъ казался такимъ красивымъ и вполнѣ оправдывалъ опредѣленіе Блаженнаго Іеронима: Назаретъ—цвѣтокъ Галилеи,—но и потому еще, что природа вокругъ него удивительно соотвѣтствовала нѣкоторымъ чертамъ Христа. Эта мягкость горныхъ линій, эти покрытые деревьями и цвѣтами склоны холмовъ помогали возсоздать въ воображеніи образъ Христа, задумчивый и кроткій. Таинственна жизнь Іисуса до тридцатилѣтняго возраста, но надо думать, что бо̀льшую часть этой жизни Онъ все же провелъ въ Назаретѣ, и ужъ несомнѣнно здѣсь протекало Его дѣтство.

Онъ бродилъ здѣсь въ предвечерніе часы, когда отъ росы цвѣта̀ становятся матовыми, по горнымъ склонамъ, и останавливался взоръ Его на долинѣ Ездрилонской, на Гермонѣ, съ вершиной, пылающей на закатѣ, какъ уголь, надъ каждымъ цвѣткомъ и травкой.

Но наступалъ вечеръ. Христосъ по узенькой тропинкѣ спускался въ бѣдный Назаретъ, и въ Его лицѣ разливалось такое сіяніе, какъ будто всю мудрость жизни Онъ заимствовалъ отъ лилій.

Назаретъ во время Христа былъ еще меньше, чѣмъ нынѣ; это была почти деревушка, и домики ея, бѣлые и, конечно, сгрудившіеся вмѣстѣ, какъ теперь это видно всюду въ арабскихъ мѣстечкахъ, здѣсь, въ круглой котловинѣ, бѣлѣли, какъ птицы въ уютномъ гнѣздѣ. И теперь эта уютность Назарета радуетъ глаза и душу.

— Такъ, такъ, все это вѣрно,—говорю я самъ себѣ, сливая свои мечты и ожиданія съ тѣмъ, что встрѣтилъ здѣсь. И хорошо, что я вступаю въ этотъ городъ не одинъ, а съ вѣрующими паломниками, голоса которыхъ издали доносятся до меня. Несмотря на усталость и изнеможеніе, близость къ святынѣ, куда они такъ стремились, да и самый радостный видъ Назарета заставляютъ ихъ пѣть хвалу Богоматери:

«Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе, Владычице, Ты намъ помози, на Тебя надѣемся и Тобою хвалимся. Твои бо есми рабы, да не постыдимся».

Я только по мотиву угадываю эту молитву; словъ разобрать невозможно; паломники далеко впереди, и шумъ города застилаетъ ихъ пѣніе криками людей и голосами животныхъ, возвращающихся съ пастбищъ.

Дѣтишки высыпаютъ навстрѣчу, предлагая стеклянные шарики, вазочки изъ глины и камня и всякую мелочь, которые они выдаютъ за игрушки Христа. На этотъ разъ даже ихъ настойчивость и приставанье, оканчивающееся обыкновеннымъ припѣвомъ — бакшишъ,—не раздражаютъ, а вызываютъ улыбку.

Въ самомъ дѣлѣ, почему у Христа не могло быть такихъ игрушекъ? Вѣдь навѣрное эти бездѣлушки здѣсь въ ходу испоконъ вѣковъ, и, будучи крошечнымъ ребенкомъ, Онъ, можетъ быть, перекатывалъ эти шарики, въ которыхъ дробились солнечные лучи, Своими розоватыми ручками, на которыхъ человѣческая злоба уже намѣчала мѣста для гвоздей. Никому не можетъ показаться святотатствомъ, что въ земномъ мы ищемъ связи

съ небеснымъ, особенно тамъ, гдѣ это небесное нашло свое земное выраженіе, и въ дѣтишкахъ, которыя встрѣчались мнѣ на пути, въ тѣхъ, что шли за нами и большими любопытными глазами глазѣли на насъ со всѣхъ сторонъ, я искалъ черты, которыя бы подходили къ чертамъ Ребенка-Христа, какъ я представлялъ себѣ ихъ.

Вѣрно, Онъ былъ похожъ вотъ на этого мальчугана, который стоитъ у дверей своего дома, или на того, котораго держитъ за руку мать... Чѣмъ больше я всматривался въ дѣтскія лица, тѣмъ чаще видѣлъ за ними прекрасное и свѣтлое лицо Іисуса.

Большіе восточные глаза придавали этимъ лицамъ задумчивое и печальное выраженіе. И было пріятно, что насъ встрѣтили и провожаютъ дѣти, и я съ удовольствіемъ взялъ у одного изъ нихъ полевые цвѣточки, собранные на назаретскихъ холмахъ, и далъ ему за это мелочь.

Благоговѣніе — безсознательное приближеніе къ небеснымъ тайнамъ—свойственно даже людямъ невѣрующимъ. Я же былъ почти счастливъ, что оно охватило и меня, можетъ быть, отчасти, отраженное со стороны.

Какъ же досадно и обидно стало, когда одинъ изъ погонщиковъ, ѣхавшій на маленькомъ ослѣ, сталъ выкидывать какія-то шутовскія штуки: онъ подпрыгивалъ въ сѣдлѣ, дѣлалъ нелѣпыя гримасы, которыя были особенно противны на его старческомъ лицѣ, и выкрикивалъ по-арабски какія-то, вѣроятно, смѣшныя слова, потому что не только другіе погонщики-арабы, но и встрѣчные останавливались и хохотали, глядя на эту потѣху. Я поспѣшилъ уѣхать впередъ, чтобы не видѣть этого безобразія.

Русское подворье—въ котловинѣ, внизу. Нельзя сказать, чтобы мѣсто было выбрано удачно, но само подворье построено отлично и хорошо содержится. Какъ и въ Іерусалимѣ, здѣсь есть номера I-го класса, и кромѣ того

имѣются очень чистыя помѣщенія для паломниковъ, гдѣ за 10 коп. они могутъ имѣть хорошую постель съ бѣльемъ. Безплатные располагаются на цыновкахъ. Въ Назаретъ ежегодно прибываетъ тысячъ шесть паломниковъ. Въ нашемъ караванѣ было не болѣе пяти—шестисотъ человѣкъ, и, когда я входилъ на уставленную зеленью веранду русскаго дома, паломники уже толпились на дворѣ, гдѣ завѣдующій подворьемъ П. И. Ряжскій (онъ же и инспекторъ сирійскихъ и палестинскихъ школъ) вмѣстѣ съ мѣстными арабами-учителями и учительницами заботился не только о ихъ размѣщеніи, но и о томъ, чтобы накормить и напоить ихъ. Надо отдать справедливость ему и помощникамъ: ихъ вниманіе и заботливость къ паломникамъ далеко выходили за предѣлы того, что они обязаны дѣлать, и было пріятно видѣть ихъ дружную работу, которую они дѣлали весело, умѣло и ловко. Я прожилъ десять дней рядомъ съ ними, видѣлъ ихъ и за дѣломъ и въ ихъ личныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, и они произвели на меня впечатлѣніе дружной, симпатичной и умной семьи.

Тѣ изъ нихъ, которые одиноки, обѣдаютъ вмѣстѣ съ пріѣзжими, и это напомнило мнѣ такой же порядокъ на кораблѣ во время плаванія. Уѣдутъ гости, и они останутся одни, какъ и пароходный экипажъ во время стоянки. Разница только та, что здѣсь еще демократичнѣе, потому что капитанъ-завѣдующій обѣдаетъ вмѣстѣ съ подчиненными и пассажирами-пріѣзжими.

Учитель мѣстной семинаріи, двѣ учительницы мѣстной школы—арабки, и фельдшеръ, завѣдующій амбулаторіей и пріемнымъ покоемъ при подворьѣ. Объ учительницахъ-арабкахъ я буду говорить дальше. Фельдшеръ — симпатичный молодой человѣкъ, пользующійся большой популярностью въ Назаретѣ и окрестностяхъ. У него хорошая практика, но практиковать среди арабовъ не всегда безопасно. Въ Яффѣ съ однимъ докторомъ произошла такая исторія:

Приходитъ онъ къ опасно больному паціенту. Встрѣчаетъ арабка, мать больного.

— Какъ здоровье сына?

— Таибъ, мемнунъ (хорошо, спасибо).

И мать со спокойнымъ видомъ подаетъ доктору обычную чашку кофе. Кофе оказалось отравленнымъ. Умеръ ея сынъ, и въ его смерти она винила доктора и такъ жестоко отомстила ему.

Послѣ обѣда я вышелъ на веранду. Внизу, во дворѣ, около освѣщенныхъ свѣчами деревьевъ, кончилась служба, но паломники мялись на мѣстѣ въ ожиданіи рѣчи.

Было такъ тихо въ воздухѣ, что пламя свѣчъ шевелилось отъ движенія толпы, и, только благодаря этому свѣту, небо казалось темнѣй, чѣмъ за предѣлами двора.

Тамъ оно сіяло серебристыми искрами отъ луны, почти совершенно округлившейся, и звѣзды свѣтились слабо, какъ дѣтскіе сонные глаза.

Черный миссіонеръ съ пышными кудрями, распустившимися, какъ отъ бури, и съ толстыми, пухлыми губами, подошелъ къ сооруженному подъ небомъ алтарю и началъ говорить рѣчь, такую же пухлую и распушившуюся, какъ его губы и волосы.

И это восклицаніе:—«Братіе!»—которымъ онъ началъ свое слово и которое вставлялъ то и дѣло для округлости рѣчи, удивительно походило на обручъ, который наколачиваетъ бондарь, чтобы бочка не развалилась.

А между тѣмъ онъ говорилъ о Матери Іисуса Христа, прожившей здѣсь бо̀льшую часть своей жизни, и о Благовѣщеніи, которое произошло всего въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда.

Это великое таинственное и полное небесной поэзіи событіе имѣетъ два варіанта. Первый—что архангелъ Гавріилъ явился Маріи у источника, а потомъ, на третій день, уже дома; а второй—что было только одно

явленіе—дома. Послѣднее собственно и подтверждается Евангеліемъ, между тѣмъ, какъ первое апокрифично.

Но меня увлекаетъ поэзія этого апокрифа, особенно послѣ того, какъ я побывалъ возлѣ источника.

Источникъ очень близко отъ русскаго подворья. Это—единственная вода, поящая весь Назаретъ, и получается она изъ древняго фонтана—въ видѣ сводчатой ниши, выложенный мраморными плитами. Камень пожелтѣлъ, какъ слоновая кость, и отполировался до золотистаго блеска бѣгучею водою и босыми ногами женщинъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ приходящихъ за водою. Со всѣхъ сторонъ города сюда ведутъ дороги, сливающіяся въ одну, которая дальше развѣтвляется и ведетъ къ Тиверіадѣ и Ѳавору.

Сюда я пришелъ подъ вечеръ, когда особенно много приходитъ назаретскихъ дѣвушекъ и женщинъ съ большими узкогорлыми кувшинами, искусно на ребрѣ дна стоящими на головѣ. Воды въ источникѣ немного, поэтому установлена очередь на полученіе ея, но это нисколько не мѣшаетъ женщинамъ ссориться у источника.

Ихъ голоса звонко раздаются подъ каменнымъ сводомъ, сливаясь со стукомъ кувшиновъ и безпрерывнымъ плескомъ воды.

Чтобы не замочить своихъ цвѣтныхъ одеждъ, перетянутыхъ у таліи, онѣ высоко подбираютъ ихъ у воды и, когда кувшинъ очень тяжелъ, садятся на корточки, чтобы поднять его, затѣмъ медленно выпрямляются, чуть-чуть поддерживая его рукою, и мгновеніе стоятъ, стройныя даже въ преклонномъ возрастѣ, чтобы окончательно почувствовать устойчивость кувшина на головѣ.

Лицо, за минуту передъ тѣмъ оживленное, смѣющееся или раздраженное, сразу становится серьезнымъ. Женщина какъ будто сливается со своей ношей. Она идетъ, и ея движенія ровны и пластичны, какъ медлительный изысканный танецъ.

Къ этому источнику, несомнѣнно, по нѣскольку разъ въ день приходила и Дѣва Марія. Домъ Іосифа Обручника, гдѣ жила Она сначала вдвоемъ съ нимъ, а потомъ вмѣстѣ со Своимъ Сыномъ, былъ неподалеку отсюда, гдѣ стоитъ теперь католическій храмъ Благовѣщенія. Точно такой же кувшинъ былъ у Нея на головѣ, на этомъ кружкѣ, приспособленномъ для кувшина. И одежда была навѣрное такая же, какъ у этихъ женщинъ.

Взглядъ мой какъ-то самъ собой останавливается на красивой черноволосой дѣвушкѣ, которая уже набрала въ кувшинъ воды и, не вступая въ общую оживленную трескотню голосовъ, поставила кувшинъ на каменный барьеръ, огораживающій источникъ отъ дороги, и, никого не видя, стоитъ такъ, неподвижная, съ окаменѣвшимъ смуглымъ лицомъ и большими темными чуткими глазами. Какъ-то сразу отхлынули женщины отъ источника, и она осталась одна. Стало тихо, и, кажется, еще тише отъ этихъ задумчивыхъ глазъ. Даже вода плещетъ какъ-будто сдержаннѣе. Закатъ вспыхиваетъ въ водѣ золотистыми искорками, и такія же искорки свѣтятся въ черныхъ легкихъ волосахъ. Это — неуспѣвшія еще высохнуть брызги отъ воды, которая попала дѣвушкѣ на волосы, когда она подставляла кувшинъ подъ большую струю.

Вотъ также стояла, вѣрно, и Дѣва Марія, вся охваченная непонятнымъ предчувствіемъ, которое заставило Ее забыть о кувшинѣ, о домѣ и обо всемъ на свѣтѣ. Была весна, горы сіяли на вечернемъ прозрачномъ фонѣ небесъ, покрытыя цвѣтущими деревьями; и бѣлыя лиліи расцвѣли по склонамъ холмовъ. Трепетъ обновленной жизни стоялъ надъ землею и проникалъ даже въ камни.

И вдругъ легкое дуновеніе вѣтра донесло до Маріи этотъ трепетъ. Она обернулась и вся смутилась, уви-

дѣвъ передъ Собой Божественное видѣніе: юноша, прекрасный, какъ сонъ, предсталъ предъ Нею и сказалъ:

— Блаженна Ты еси, Марія, уготовавшая въ сердцѣ Своемъ обиталище для Господа.

Она очнулась, хотѣла попристальнѣе вглядѣться въ его черты, странно знакомыя, но невиданныя до сихъ поръ.

Видѣніе исчезло.

— «Чтó это? Откуда мнѣ это?»—подумала Она, приходя въ Себя, обрадованная больше, чѣмъ изумленная.

Оглянулась, Она была одна. Некого было спросить: явь это или сонъ? Да Она и не спросила бы, если бы кто-нибудь былъ при этомъ.

И Марія поставила кувшинъ на голову и пошла вверхъ по дорогѣ къ Своему бѣдному дому. Полный до края большой кувшинъ не колебался на Ея головѣ, и ни одна капля изъ него не пролилась по дорогѣ. Такъ же бережно несла Она и сердце Свое, полное смущенія и восторга, и дома не рѣшилась сказать Іосифу о томъ, чтó было съ Нею у источника.

На третій день, какъ гласитъ апокрифъ, когда персты Ея были заняты тканьемъ червленницы, предсталъ предъ Нею юноша, коего красота была неизъяснима. Марія, увидѣвъ его, смутилась, и онъ сказалъ Ей:

— Не бойся, Марія, Ты обрѣла благодать у Господа.

Надъ источникомъ стоитъ бѣдная православная церковь архангела Гавріила. Слѣва въ глубинѣ колодца бьетъ ключевая вода, стекающая къ городскому фонтану. Церковь, съ поблекшимъ синимъ куполкомъ надъ колокольней; что-то смиренное и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательное есть въ этой церкви. Принадлежитъ она арабамъ, а не грекамъ, и этимъ объясняется ея бѣдность. Уже греческая патріархія нѣсколько разъ пыталась коснуться этой церкви, но арабы препятствуютъ.

Достаточно грекамъ положить здѣсь одинъ камень— и они будутъ считать церковь своей собственностью.

Зато церковь Благовѣщенія, принадлежащая католикамъ, богата и красива. Построена она на мѣстѣ храма, возведеннаго царицей Еленой. Храмъ былъ разрушенъ сарацинами, и памятью этого разрушенія осталась висящая колонна.

Сарацины думали, что внутри колонны заключены драгоцѣнности, разбили ее, и такимъ образомъ она, лишившись своего основанія, держится только сверху, изумляя паломниковъ, какъ великое чудо.

Въ церкви всюду серебро, мраморъ и цвѣты. Но не эти украшенія составляютъ ея богатства, а камни пещеры, которая служила домомъ Іосифа, гдѣ Марія отвѣтила архангелу Гавріилу на его благую вѣсть:

— Я—раба Господину. Буди Ми по глаголу твоему.

Пять или шесть ступеней ведутъ въ эту пещеру; надъ мѣстомъ Благовѣщенія мраморный алтарь и на мраморѣ надпись:

«Hic verbum caro factum est» (Здѣсь слово стало плотью). На алтарѣ всегда свѣжіе цвѣты, главнымъ образомъ бѣлыя лиліи, которыхъ такъ много въ Назаретѣ, и ароматъ ихъ удивительно отвѣчаетъ нѣжности и святости преданія, связаннаго съ этимъ мѣстомъ.

Престолъ отдѣляетъ мѣсто, гдѣ стояла Дѣва Марія, отъ того, гдѣ стоялъ архангелъ Гавріилъ. Дальше указываютъ мастерскую Іосифа и очагъ, гдѣ Дѣва Марія разводила огонь, чтобы варить пищу.

Конечно, все это только преданіе. Надо думать, что здѣсь было не самое жилище Святого Семейства, а только часть жилища, выбитая въ скалѣ. Само жилище, какъ приходится видѣть и теперь, составляетъ мазанка съ землянымъ поломъ, обыкновенно прилегающая къ скалѣ. Само собой, это жилище не въ глубинѣ земли, а на поверхности, и только вѣка подняли надъ нимъ этотъ прахъ, превратившій его въ пещеру.

Но сомнѣваться въ подлинности мѣста нѣтъ причины, и я выходилъ изъ пещеры обласканный святостью евангельскаго событія, взволнованный молитвеннымъ восторгомъ и благоговѣніемъ нашихъ паломниковъ, которые со слезами цѣловали темные камни пещеры.

Францисканскіе монахи, владѣющіе этимъ прекраснымъ мѣстомъ, умѣли поддержать свѣтлое настроеніе не только своимъ вниманіемъ къ нему, цвѣтами и прочими украшеніями, но и своею культурностью. Пріятно было видѣть, съ какой любовью, знаніемъ дѣла и научной подготовкой монахи производятъ раскопки вокругъ храма. Между прочимъ, по сосѣдству указываютъ камни дома, гдѣ Іосифъ жилъ съ Маріей и Іисусомъ Христомъ по возвращеніи изъ Египта.

Въ маленькомъ музеѣ, который умѣли монахи ставить здѣсь, есть нѣсколько древнихъ колоннъ и художественной работы горельефовъ, съ символическими группами.

Яркое солнце сіяло надъ этими остатками прошлаго, въ которыхъ таится удивительное очарованіе не только для слѣпо вѣрующихъ душъ. Я видѣлъ людей, равнодушно переступавшихъ эти пороги, но никого не видѣлъ ровнодушно выходящимъ оттуда.

Да будетъ благословенна тайна, проникающая эти темные пещерные своды, эту нищету жизни, на которой безсмертная любовь отпечатлѣла божественные слѣды. Коснувшись ихъ, усталый, извѣрившійся человѣкъ задумывается на минуту и долго потомъ таитъ въ себѣ сладость этого прикосновенія, ободренный и обрадованный осѣнившей его благодатью.

Крошечные деревянные башмачки стоятъ въ коридорѣ и ждутъ маленькихъ ножекъ, которыя тамъ, за дверью классной комнаты, смирнехонько выстроились подъ партами.

Я вхожу въ классъ, свѣтлый и просторный, и десятка два стройныхъ тоненькихъ голосовъ нараспѣвъ встрѣчаютъ меня привѣтствіемъ:

— Здрав-ствуй-те.

Маленькія дѣвчурки, какъ куколки, поднимаются, съ полными любопытства темными глазами и внимательно меня осматриваютъ.

По знаку учительницы онѣ снова опускаются и наклоняютъ смуглыя личики къ грифельнымъ доскамъ. Сразу бросается въ глаза, что нѣкоторыя дѣти наклоняютъ головки особенно низко,—многія страдаютъ глазами.

Нечистота дома, трахома, даже слишкомъ яркій свѣтъ солнечный—все это вредно отражается на зрѣніи арабскихъ дѣтей, и въ арабскихъ деревняхъ въ Палестинѣ очень много слѣпыхъ, хотя въ Египтѣ ихъ еще больше.

Муаллиме-Бахіе продолжаетъ свой урокъ. Она обращаетъ мое вниманіе на мальчугана лѣтъ семи съ разсѣяннымъ взглядомъ и задумчивымъ худощавымъ лицомъ.

— Это странный мальчикъ — говоритъ она. — Большой выдумщикъ; просто не знаю, что съ нимъ дѣлать. Достаточно мнѣ попросить его разсказать какую-нибудь маленькую исторійку, которую мы прочтемъ, какъ онъ начинаетъ разсказывать съ такими подробностями, о которыхъ и помину не было. Ну, еще такъ, пустяки какіе-нибудь, куда ни шло, а онъ и Священную Исторію такъ же разсказываетъ. Скажите, пожалуйста, откуда онъ взялъ, какъ была одѣта Божія Матерь, когда къ Ней явился архангелъ Гавріилъ, и то, что у нея дрожали руки, когда Она увидѣла его?

— А вы спрашивали объ этомъ мальчика?

— Да. Онъ говоритъ, что такъ все это видитъ передъ собою. Разскажетъ, и какіе у Нея волосы и глаза и, пожалуй, даже, что Она любила кушать. Не знаю, что съ нимъ дѣлать.

Я отвѣтилъ Муаллиме-Бахіе, что мальчикъ навѣрное неисправимъ, и что это опасные задатки, которые не приведутъ его къ добру.

— Что́ же съ нимъ можетъ быть?

— Я боюсь, что онъ станетъ писателемъ.

Въ тѣхъ предѣлахъ, которыми ограничена первоначальная школа, преподаваніе ведется хорошо. Наиболѣе способныя дѣти поступаютъ въ учительскую семинарію, гдѣ курсъ шестилѣтній. Дѣвочки въ бетъ-джальскую семинарію, а мальчики—въ назаретскую.

Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ палестинскихъ школъ является отсутствіе практическихъ знаній и въ низшихъ школахъ и въ болѣе высшихъ. Одного рукодѣлія, хотя бы для дѣвочекъ, мало. Слѣдуетъ знакомить ихъ и съ сельскимъ хозяйствомъ и съ ремеслами, какъ это дѣлаютъ иностранныя школы. Желательно было бы также изученіе одного изъ иностранныхъ языковъ: французскаго, англійскаго, нѣмецкаго,—смотря по условіямъ, въ которыхъ живутъ и которыя имѣются въ перспективѣ у дѣтей. Я слышалъ, что въ послѣдніе дни въ этомъ смыслѣ уже возбужденъ вопросъ о реформѣ палестинскихъ школъ. Чѣмъ скорѣе онъ получитъ свое разрѣшеніе, тѣмъ лучше. Если затрудняютъ средства на организацію этого дѣла—средства найдутся у арабовъ. Вѣдь платятъ же они въ иностранныхъ школахъ за своихъ дѣтей. Нѣтъ причины отказываться имъ платить и въ русскихъ школахъ, пользующихся у арабовъ популярностью и любовью.

Много хорошихъ часовъ я провелъ среди учителей и учительницъ-арабокъ. Какой это славный, энергичный и интеллигентный народъ, и какъ они любятъ свое дѣло. Съ какимъ удовольствіемъ слушалъ я ихъ мечты о будущемъ и ихъ воспоминанія о прошломъ, о дняхъ своего дѣтства и о школьныхъ годахъ. Сколько благодарности чувствовалось въ ихъ отзывахъ о хорошихъ учителяхъ и воспитательницахъ.

Но особенно меня подкупала въ нихъ беззавѣтная любовь къ своему народу, боль за его невѣжество и бѣдность и желаніе помочь ему.

Часто эта послѣдняя черта доходитъ у нихъ до болѣзненности, и я знаю исторію бетъ-джальской дѣвушки по имени Бадера, которая дошла до сумасшествія въ своихъ мечтахъ о спасеніи народа и вообразила себя Жанной д'Аркъ.

Десять дней, прожитыхъ мною въ Назаретѣ, были одними изъ самыхъ пріятныхъ за все время моего продолжительнаго странствованія по Палестинѣ.

Я обходилъ всѣ окрестности Назарета, всѣ дороги и холмы, съ которыхъ открываются такіе чудесные виды на Гермонъ, Кармилъ, Ѳаворъ, на Ездрилонскую долину. Отцвѣли всѣ фруктовыя деревья, но гранаты еще пылаютъ на солнцѣ красными цвѣтами, и тонкимъ миндальнымъ ароматомъ наполняютъ воздухъ большими букетами цвѣтущіе, розовые и бѣлые олеандры. Въ цвѣтникахъ, на длинныхъ стебляхъ, распускаются бѣлыя лиліи, и всюду золотятся хлѣба. Какая мягкость линій и красокъ! Какое благородное сочетаніе тоновъ, и какъ отрадно думать, что именно здѣсь прошло дѣтство Христа, и съ шестнадцатилѣтняго возраста, какъ бѣлая лилія, расцвѣтала Дѣва Марія.

Наша духовная миссія купила большой садъ около источника. Садъ прекрасный, и, говорятъ, тамъ предположено построить церковь. Мнѣ казалось бы, что это мѣсто не для церкви, что если строить церковь, то не внизу, въ ложбинѣ, а гдѣ-нибудь повыше, чтобы, выходя изъ церкви, видѣть задумчивую красоту окрестныхъ горъ и долинъ, гдѣ вьются дороги, по которымъ ходилъ Христосъ, видѣть всѣ эти кроткіе, ласковые холмы, на которыхъ въ вечерніе часы мнѣ такъ плѣнительно рисовался дѣтскій образъ и рядомъ съ нимъ—свѣтящаяся радостью небесной благодати—Его Мать.

Арабы.

Небольшая комнатка въ Іерусалимѣ, полуевропейскаго, полувосточнаго характера. Я въ гостяхъ у казанскаго профессора арабскаго языка Ж. Кромѣ меня еще только одинъ русскій: молодой ученый К., о которомъ я уже упоминалъ раньше, командированный Петербургскимъ университетомъ на Востокъ для ознакомленія съ арабской литературой и усовершенствованія въ арабскомъ языкѣ. За полтора года, проведенные въ Египтѣ, Сиріи и Палестинѣ, онъ вполнѣ освоился съ арабами и приводитъ ихъ въ восторгъ не только знаніемъ языка, но и тѣхъ условностей, которыя составляютъ характерную особенность арабскаго обращенія. На принятыя въ общежитіи арабскія любезности онъ отвѣчаетъ находчиво любезностями соотвѣтствующаго тона. Впрочемъ, нынче это не такъ важно. Хотя остальные присутствующід арабы — все же люди до нѣкоторой степени европеизированные: одинъ учитель, побывавшій въ Америкѣ, другой—арабскій поэтъ и журналистъ, третій—аристократъ, потомокъ знаменитаго завоевателя Сиріи.

Разговоръ идетъ немного по-французски, немного по-англійски,—главнымъ образомъ, по-арабски. Хозяинъ и мой спутникъ переводятъ мнѣ арабскую рѣчь, и я съ изумленіемъ вижу новыхъ людей, съ радостью чувствую трепетъ новой жизни, о которой мы, европейцы, особенно русскіе, такъ мало знаемъ.

Знакомство съ арабами не только русскихъ туристовъ, но и живущихъ въ Египтѣ и Палестинѣ по нѣскольку

лѣтъ, самое жалкое. Объ арабахъ обыкновенно судятъ по извозчикамъ, гидамъ, лавочникамъ, нищимъ, лодочникамъ и тому подобнымъ осколкамъ арабскаго народа, приспособившимся къ иностранцамъ.

Но за этими осколками здѣсь восемнадцатимилліонная нація, съ громадной исторіей, поэзіей, культурой. У ней своя жизнь, свои интересы, хотя народъ, правда, угнетенъ и безгласенъ, какъ, впрочемъ, всякій народъ, живущій вѣка безъ свободы.

Естественно, что и вся его духовная жизнь полузадушена; его величіе въ болѣе счастливомъ прошломъ; его настоящее—въ чужихъ рукахъ. Но будущее—Иньша Аллахъ,—какъ говорятъ арабы,—въ Божьей власти.

Я, однако, вовсе не беру на себя смѣлости разбираться ни въ историческихъ вопросахъ, ни въ историческихъ задачахъ арабскаго народа. Я только дѣлюсь своими впечатлѣніями и, въ концѣ концовъ, впечатлѣніями, которыя находятся въ довольно тѣсной связи съ Россіей. Въ одной Палестинѣ до ста тысячъ православныхъ арабовъ, для которыхъ Россія не пустой звукъ, тѣмъ болѣе, что дѣти этихъ православныхъ арабовъ учатся грамотѣ на русскія деньги, и болѣе сотни русскихъ школъ воспитываютъ изъ двѣнадцати тысячъ учащихся учителей и учительницъ изъ арабскаго же народа.

За открытыми окнами, въ яркихъ звѣздахъ весенняя палестинская ночь. Смуглые молодые люди въ европейскихъ костюмахъ, но въ фескахъ сидятъ на восточныхъ диванахъ. Славныя, интеллигентныя, вдумчивыя лица. Я вслушиваюсь въ музыку арабской рѣчи. Вотъ языкъ, созданный для страстныхъ проповѣдей и призывовъ: необыкновенно энергичный, съ глубокими звуками, почти недоступными для европейцевъ. За этимъ языкомъ чувствуется сила, темпераментъ, упорство.

Рѣчи ихъ вспыхиваютъ, какъ огонь, хотя такъ же скоро погасаютъ,—и тогда во внезапно наступившей ти-

шинѣ слышится задумчивое сопѣнье и мурлыканье воды въ кальянахъ.

Поэтъ читаетъ свои стихи. Они посвящены конституціи. Послѣ долгаго кроваваго гнета, послѣ глухой подземной борьбы, онъ привѣтствуетъ ее, прискакавшую на бѣломъ конѣ. Все ли сдѣлано для народа? Вполнѣ ли свободенъ онъ для труда и мысли? Нѣтъ, не вполнѣ. И если для полной свободы потребуются новыя жертвы, новая кровь,—дѣло не станетъ за ними.

Такъ говорилъ съ страстной искренностью арабскій поэтъ.

За его словами чувствовался не одинъ его голосъ. Конечно, и не голосъ народа, потому что народъ арабскій пока еще не научился такъ говорить. Умѣетъ ли онъ такъ желать,—это другой вопросъ, и горе бываетъ той власти, которая не замѣчаетъ, какъ созрѣваютъ подобныя желанія, въ то время, какъ на словахъ для выраженія ихъ лежитъ желѣзный запретъ.

Даже конституція не сняла съ арабскаго народа этого ига. Можетъ быть, со стороны политики такъ оно и нужно. Можетъ быть, умственный ростъ восемнадцати милліоновъ арабскаго народа нежелателенъ для Турціи, и она предпочтетъ ему порабощающій протекторатъ чужестранцевъ, какъ, напримѣръ,—англійскій и французскій протекторатъ въ Египтѣ. Пусть себѣ обѣ эти націи рвутъ въ собственность арабскую землю и развращаютъ народъ. Это лучше, чѣмъ самостоятельность арабовъ и ихъ духовное пробужденіе. Поэтому турецкое правительство глядитъ сквозь пальцы на вызывающія статьи арабскихъ газетъ, «Алль-Ахрамъ» и «Алль-Мулькъ», субсидируемыхъ французами и англичанами. Страшенъ лишь тотъ огонь, который разгорается самостоятельно, безъ искусственной подтопки. Правда, кромѣ этихъ двухъ газетъ есть еще до двухсотъ арабскихъ органовъ печати въ Египтѣ, Сиріи и Палестинѣ, которые дѣлаютъ свое дѣло безъ иностранныхъ капиталовъ, но ихъ мож-

но обуздать во всякое время. Такъ или иначе, положеніе этихъ органовъ однородно съ положеніемъ періодической печати у насъ въ Россіи. Они возникли явочнымъ порядкомъ, существуютъ безъ предварительной цензуры, но денежныя и прочія административныя взысканія держатъ ихъ въ крѣпкой уздѣ. Недаромъ, какъ и у насъ, цѣлые десятки такихъ изданій, возникшихъ въ средѣ арабовъ, скоро погасли, какъ падучія звѣзды. Все это такъ, но есть одно обстоятельство, которое наводитъ на размышленія, не вполнѣ утѣшительныя для Турціи. Я видѣлъ арабскую интеллигенцію, правда, еще очень малочисленную, но долженъ сказать, что она растетъ самостоятельно и сильно, и, во всякомъ случаѣ, не арабская печать даетъ тонъ ея развитію и направленію.

Съ давняго времени изъ Сиріи молодежь массами эмигрировала въ Америку, гдѣ, благодаря энергіи, изворотливости и нетребовательности, эмигранты скоро наживали деньги и возвращались на родину не только обогащенные матеріально, но и пріобщившіеся къ свободной жизни и культурѣ. Такимъ образомъ, арабы Сиріи въ умственномъ отношеніи стали куда выше египетскихъ и палестинскихъ. Недаромъ и большинство представителей арабской интеллигенціи сирійцы.

Въ этомъ отношеніи характерной фигурой является арабъ Жирже-Зейданъ, издатель журн. «Аль-Хиляль» (новолуніе). Этотъ интересный и талантливый человѣкъ выбился изъ низкой среды, былъ чистильщикомъ сапогъ въ Бейрутѣ, сторожемъ при англійской школѣ, а теперь популярнѣйшій и вліятельнѣйшій среди арабовъ писатель.

Зато другіе его коллеги, издатели журнала «Муктатафъ». Сарруфъ и Нымръ,—доктора кембриджскаго университета, философы-раціоналисты, усердно знакомившіе арабовъ съ европейской философіей.

Третій товарищъ ихъ, Мухамедъ-Курда-Али—получилъ свое образованіе во Франціи. Наука обязана ему

изданіемъ интереснѣйшихъ старинныхъ памятниковъ арабской литературы и всѣ его труды, съ печатью строго научнаго, европейскаго метода, пользуются большимъ успѣхомъ среди оріенталистовъ въ Европѣ. Его журналъ «Аль-Муктабасъ» издавался до конституціи въ Египтѣ, теперь переведенъ въ Дамаскъ. Послѣ объявленія конституціи онъ выступилъ съ обличительными статьями противъ турецкаго гнета и подвергся довольно жестокой репрессіи, такъ что принужденъ былъ эмигрировать въ Европу и, только благодаря сильной протекціи, ему, наконецъ, было дозволено вернуться на родину, и онъ снова энергично взялся за пропаганду своихъ идей въ родномъ городѣ.

Вотъ это-то тяготѣніе арабовъ къ своей родинѣ и служитъ истиннымъ залогомъ свѣтлыхъ надеждъ.

Какъ и у насъ, роковымъ вопросомъ для арабскаго народа является аграрный вопросъ и, прежде всего, уничтоженіе такъ называемой десятины. Земледѣльческое населеніе арабовъ—феллахи, какъ извѣстно, платятъ Турціи повсюду за пользованіе землей десятую часть своего урожая—это-то и есть десятина. Самъ по себѣ налогъ громадный, но онъ выростаетъ въ настоящій бичъ, благодаря произволу.

Дѣло въ томъ, что Турціи трудно, почти невозможно, взимать этотъ налогъ самостоятельно, и она сдаетъ съ аукціона этотъ налогъ по округамъ самимъ же арабамъ. Но земля не вездѣ одинакова, не одинаковъ и урожай. Наконецъ, возможны стачки участвующихъ въ аукціонѣ. И вотъ, когда такая антреприза представляется не особенно выгодной, никто не является на аукціонъ, и турецкое правительство понижаетъ цѣну на сдачу десятиннаго налога.

Зло въ рукахъ такихъ антрепренеровъ превращается въ мертвую петлю на шеѣ феллаховъ. Антрепренеры сами опредѣляютъ количество урожая и, такимъ образомъ, десятина нерѣдко превращается въ четверть, да-

же половину. Феллаху некуда дѣться, неоткуда ждать защиты. Турецкая жандармерія, турецкое правосудіе къ услугамъ эксплоататора. Феллаху не позволятъ взять зерна хлѣба съ поля своего, если онъ не уплатитъ того, что съ него требуютъ. И бываютъ случаи, что бѣднякъ въ отчаяніи машетъ рукой на свой трудъ и затраченный капиталъ и оставляетъ хлѣбъ гнить въ полѣ.

Деньги нужны феллаху, онъ не достанетъ меньше, чѣмъ подъ 30—20 процентовъ у того же антрепренера. И вотъ, готова убійственная кабала, изъ которой не вырвешься никогда, если...

За этимъ «если» и стоитъ угрожающій призракъ, котораго не можетъ не бояться Турція. Вѣдь какъ бы то ни было, турокъ вполовину меньше, чѣмъ арабовъ. Да и изъ этихъ девяти милліоновъ турецкаго народа настоящихъ представителей турецкой крови едва ли насчитается три четверти.

Понятно, что Турціи было на руку даже христіанство, съ которымъ пришли европейцы къ арабамъ: оно создавало рознь и вражду въ арабскомъ народѣ между мусульманами и христіанами-арабами. Но расчетъ этотъ не очень надежный: съ одной стороны ослабѣваетъ фанатизмъ, съ другой стороны увеличивается сила. Рознь религіозная уступаетъ интересамъ націи. Двѣ великія силы: кровь и свобода—призываютъ арабовъ къ объединенію, и вмѣсто дробныхъ вопросовъ вѣры-жизни—выступаетъ одинъ вопросъ — національный. Даже «Аль-Манаръ», главный руководящій органъ мусульманскаго міра, распространенный повсюду и между прочимъ у насъ, въ Россіи, посвященный изученію ислама и современному положенію мусульманства, прежде жестоко-фанатичный, изъ политическихъ цѣлей, начинаетъ понижать тонъ, и турецкое правительство, для поддержанія своего престижа, всѣми силами пропагандируетъ свой органъ «Аль-Лива», пользовавшійся особеннымъ вліяніемъ во время Мустафы-Кіамиля.

Невысокаго роста, съ подвижными чертами нервнаго лица, которому наклоненный къ губѣ арабскій носъ придаетъ выраженіе энергіи и упрямства, поэтъ читаетъ свой гимнъ конституціи, но за его хвалой чувствуются тревожныя ноты. Онъ мусульманинъ, но невѣрность религіи заставляетъ его звать къ дальнѣйшей борьбѣ за народъ. Онъ—арабъ, прежде всего—арабъ, и потому будетъ съ тѣми, кому дорого благо арабскаго народа безъ различія вѣроисповѣданія.

Это голосъ интеллигента. А вотъ дѣло бедуина: когда у арабовъ-христіанъ вышла жестокая распря съ греками въ Іерусалимѣ, — мусульмане-бедуины поднялись со всѣхъ сторонъ къ Іерусалиму, чтобы защищать своихъ братьевъ-арабовъ, хотя эти арабы иной вѣры.

Я къ слову упомянулъ объ этомъ знаменательномъ событіи, но на немъ стоитъ остановиться. Война между греками и арабами возгорѣлась изъ-за того, что греческое Святогробское братство прибрало къ рукамъ не только всѣ доходы съ палестинскихъ святынь, но и всѣ арабскія вакуфныя земли и безконтрольно пользовалось чужими деньгами и имуществомъ. Православные арабы потребовали возстановленія въ правахъ и участія въ контролѣ доходовъ, на что у нихъ имѣется не только полное основаніе, но и всѣ документы, подтверждающіе права.

Нынѣшній патріархъ Даміанъ не могъ не согласиться съ ихъ требованіями, но братство пришло въ изступленіе и своей волей отрѣшило патріарха, едва ли даже не предало его анаѳемѣ.

Зная хорошо, какъ греки расправляются съ своими врагами, Даміанъ перетрусилъ, тогда арабы окружили его своей надежной стражей, и домъ патріарха превратился въ крѣпость. Это, съ одной стороны, спасало патріарха отъ смерти; съ другой стороны, и убѣжать онъ не могъ. Депутаты отъ грековъ и арабовъ помчались въ Константинополь, такъ какъ отрѣшить безъ султанскаго

разрѣшенія патріарха греки оффиціально не могли. Патріархъ остался, обѣщая арабамъ и свое дальнѣйшее содѣйствіе. Но урокъ со стороны грековъ оказался для него черезчуръ серьезнымъ и изъ приверженцевъ арабовъ онъ теперь опять превратился въ ихъ врага.

Исторія возмутительная, хотя совсѣмъ не неожиданная. За свое пятисотлѣтнее пребываніе въ Палестинѣ, гдѣ, во всякомъ случаѣ, они болѣе ста лѣтъ пользуются колоссальными доходами съ паломниковъ, греки ничего не сдѣлали ни для паломниковъ, ни для арабовъ, которыхъ буквально ограбили. До секвестрованія церковныхъ имуществъ въ Румыніи, съ одной Румыніи греки имѣли до 10 милліоновъ франковъ въ годъ и греческій патріархъ жилъ въ Румыніи, управляя Палестиной. Какъ же велики вообще должны быть ихъ доходы! А между тѣмъ, есть ли хоть одно учебное заведеніе, созданное греками въ Палестинѣ, хоть одно благотворительное учрежденіе, которое сколько-нибудь оправдывало бы ихъ въ глазахъ тѣхъ, чьими средствами они пользуются! Полное отсутствіе культурной дѣятельности. Гнетъ политическій и религіозный,—вотъ зло, которое греки принесли съ собою въ Палестину. Только разъ они сдѣлали попытку учредить что-то въ родѣ духовной семинаріи, но она скоро закрылась, не допустивъ въ свои стѣны ни одного араба. Да что! Даже въ греческіе монастыри не допускаются монахи арабы.

— Что твое, то мое, а что мое, то мое.—Вотъ главный руководящій принципъ грековъ въ Палестинѣ.

Между тѣмъ, иностранцы въ Палестинѣ всего 20—25 лѣтъ, а сколько добра сдѣлали они! И надо отдать справедливость нашему Палестинскому обществу, въ этомъ отношеніи оно дѣлало, пожалуй, больше другихъ. Въ то время, какъ иностранныя школы для арабовъ всѣ платныя, школы Палестинскаго общества—не только безплатныя, начиная отъ низшихъ и кончая учительскими семинаріями,—но при нихъ еще имѣются и пансіоны,

гдѣ воспитанники живутъ въ отличныхъ гигіеническихъ условіяхъ.

Преподаваніе въ этихъ училищахъ также ведется весьма толково и добросовѣстно, чему много способствуютъ сами арабы-преподаватели, обязанные русскимъ своимъ воспитаніемъ.

Я познакомился съ преподавателями и съ учениками. Впечатлѣніе осталось свѣтлое, несмотря на нѣкоторые недочеты, которые надо считать временными и случайными. Что касается преданности учителей-арабовъ и учителей-арабокъ русскому просвѣтительному дѣлу, она меня тронула. Кажется, еще не было случая, чтобы кто-нибудь изъ нихъ забылъ, чѣмъ обязанъ Палестинскому обществу, и польстился на болѣе выгодныя предложенія иностранныхъ школъ. Этотъ фактъ, въ свою очередь, обязываетъ и палестинское русское начальство держаться на культурной высотѣ со своими сотрудниками. Не знаю, всегда ли это соблюдается, но, мнѣ кажется, для Россіи, помимо всякихъ этическихъ соображеній, во многихъ отношеніяхъ и не безполезно поддерживать среди арабскаго православнаго населенія свой авторитетъ. Аллаху извѣстно, что будетъ съ Палестиной даже въ недалекомъ будущемъ. Правда, Палестинское общество и православная русская миссія—учрежденія, чуждыя политическихъ цѣлей, но мнѣ кажется, правительство наше со временемъ обратитъ на ихъ дѣятельность болѣе серьезное вниманіе и объединитъ эти двѣ вѣтки на одномъ деревѣ со своими собственными корнями.

Авторитетъ Россіи, особенно до японской войны, стоялъ очень высоко не только среди арабовъ православныхъ, но и среди мусульманъ. Естественно, что арабы въ затруднительныхъ случаяхъ искали защиты и покровительства именно у русскихъ.

Другая комната; на этотъ разъ въ Назаретѣ, съ бѣлыми занавѣсками, съ цвѣтами и опять-таки съ книгами.

Я въ гостяхъ у дѣвушекъ-арабокъ, учительницъ назаретской школы.

Обѣ отлично говорятъ по-русски, съ тѣмъ характернымъ восточнымъ акцентомъ, который придаетъ своеобразную привлекательность ихъ рѣчи.

Старшая изъ нихъ уже лѣтъ семь, какъ кончила Бетъ-Джальскую семинарію; у нея энергичное сильное лицо, съ большими черными глазами, и увѣренная, твердая рѣчь. Ее едва ли не силой вырвали недавно изъ дикой области Сиріи—Аккары, потому что тамъ ей грозила смерть за борьбу съ притѣснителями народа.

Съ взволновавшей меня простотой она разсказала мнѣ исторію борьбы съ фанатиками-мусульманами, сильными своими деньгами и властью. Она вышла побѣдительницей изъ этой борьбы, но это ей досталось не дешево, и до сихъ поръ она не можетъ оправиться отъ чрезмѣрнаго надрыва силъ и нравственнаго потрясенія послѣ всѣхъ передрягъ, въ которыхъ ей пришлось дѣйствовать.

— Какъ же вы рѣшились на это?—спрашиваю я ее.

Она изумленно открываетъ свои большіе, темные глаза и отвѣчаетъ съ характернымъ арабскимъ восклицаніемъ:

— И-и! Но какъ же я могла молчать. Я видѣла, какъ угнетатели били моихъ сестеръ до крови. Какъ сильные давили слабыхъ, отнимали отъ нихъ землю, имущество, честь... Ну, я же не только пришла къ нимъ, чтобы учить ихъ читать и писать.

Такъ арабская учительница съ ясной простотой опредѣляла свою роль среди своихъ полудикихъ соплеменниковъ. Она пришла къ нимъ не только затѣмъ, чтобы научить ихъ грамотѣ. Ея символъ вѣры заставлялъ ее погибнуть за нихъ; если нужно—она готова была къ этому.

Надо знать, какое положеніе женщины на Востокѣ, чтобы вполнѣ оцѣнить этотъ героизмъ безъ малѣйшей претензіи на награду, это подвижничество безъ тѣни рисовки.

Еще ея мать носитъ покрывало и ужасается, что дочь ходитъ съ открытымъ лицомъ, а ужъ она сама срываетъ покрывало съ несправедливости и насилія.

Она ѣздитъ къ митрополиту, къ консулу, къ турецкимъ пашамъ и къ самому бейрутскому вали (губернатору), отвоевывая права угнетаемыхъ, защищая имущество и честь слабыхъ передъ сильными. И врядъ ли въ состояніи были бы избавить эту отважную арабскую дѣвушку отъ мстительнаго кинжала или пули, если бы она не сдѣлала своего дѣла. Только тогда, совершенно обезсиленная, больная, она позволила себя увезти отъ опасности.

Другая учительница, только годъ какъ кончила ту же семинарію. Она почти ребенокъ на видъ и кажется, что въ ея маленькомъ лицѣ все—глаза, темные, глубокіе, восточные глаза, въ которыхъ то безконечная печаль, то огненныя зарницы смѣха. Она худенькая и тоненькая, какъ вѣточка, но въ этомъ хрупкомъ тѣлѣ чувствуется такая же настойчивость и сила, и несомнѣнно, доведись ей попасть въ такія же условія,—она поступила бы такъ же, какъ и ея подруга.

Муаллиме-Бахіе и Муаллиме-Кельтумъ—неразлучны, хотя по характеру совсѣмъ не похожи одна на другую. Правда, Муаллиме-Кельтумъ еще не успѣла совершить никакого подвига, но она, помимо школы, много читаетъ, работаетъ въ журналахъ, пишетъ статьи, переводитъ съ русскаго языка на арабскій, вообще, работаетъ съ необыкновеннымъ усердіемъ.

Такъ вотъ онѣ какія, арабскія дѣвушки!—думаю я, глядя на нихъ съ изумленіемъ, вполнѣ понятнымъ послѣ того, какъ я видѣлъ арабскихъ дѣвушекъ подъ покрывалами и привыкъ представлять ихъ въ рабствѣ, близ-

комъ къ положенію вещи при арабскомъ домѣ. Ну, нѣтъ, эти дѣвушки себя въ обиду не дадутъ, а между тѣмъ, обѣ онѣ вышли изъ темной среды, гдѣ близкіе едва ли умѣютъ читать и писать.

Исключенія ли онѣ? Нѣтъ. Можетъ быть, онѣ только болѣе яркія и сильныя натуры. И среди европейскихъ дѣвушекъ онѣ не останутся незамѣтны, не только по тѣмъ особенностямъ, по той цѣльности и непосредственности, которая объясняется ихъ восточнымъ происхожденіемъ и придаетъ имъ особенное очарованіе, но и по тонкой воспріимчивости къ культурѣ, позволяющей имъ налету постигать сущность вещей и понятій.

Тяжело положеніе ихъ сестеръ, у которыхъ не хватаетъ силъ отвоевать въ жизни новое мѣсто, но арабская пословица говоритъ:

«Когда двѣ ласточки на отлетѣ, за ними полетитъ вся стая».

Θаворъ.

Рано поутру подвели къ крыльцу трехъ верховыхъ лошадей: мнѣ, моему спутнику-арабовѣду К—му и учителю мѣстной семинаріи арабу Балляну, воспитывавшемуся въ Казани.

Лошади были славныя. Баллянъ, въ бѣлой абаѣ, подвижной и ловкій, первый вскочилъ въ сѣдло и сталъ горячить свою лошадь.

Она слегка повела короткой головой, покосилась на него чуткими умными глазами и едва онъ коснулся ея острыми арабскими стременами, сразу пошла легкимъ галопомъ.

Мы двинулись съ нимъ мимо источника, куда, несмотря на ранній часъ, со всѣхъ сторонъ шли арабскія женщины съ большими кувшинами на головахъ, которые онѣ несли скорѣе, какъ украшеніе, нежели какъ тяжесть. Утро было веселое, свѣтлое, еще не успѣвшее разгорѣться, и пріятно было сознавать, что мы ѣдемъ къ свѣтлому Θавору на молодыхъ бодрыхъ арабскихъ коняхъ.

Поднявшись по каменистой узкой дорогѣ вверхъ, я взглянулъ на Назаретъ, и въ этотъ ранній утренній часъ мнѣ, какъ никогда, бросилась въ глаза одна особенность восточныхъ городовъ—отсутствіе трубъ. У насъ въ Россіи, да и вообще въ Европѣ, въ этотъ ранній часъ въ провинціи всегда вьется изъ трубъ дымокъ и стелется надъ крышами и расползается въ воздухѣ, а тутъ—ничего подобнаго. На плоскихъ кровляхъ кое-гдѣ темнѣетъ что-то, но это ужъ никакъ не трубы, а люди, любя-

щіе покейфовать въ утренній часъ и посмотрѣть окрестъ: все ли обстоитъ такъ же благополучно и красиво, какъ вчера.

Наканунѣ, на одной изъ такихъ плоскихъ крышъ, въ гостяхъ у Муалимме Кельтумъ я кейфовалъ не хуже любого араба, отъ заката солнца до первыхъ звѣздъ. И проѣзжая мимо гостепріимнаго арабскаго дома, я улыбнулся ему съ сердечной признательностью за тотъ ласковый слѣдъ, который онъ надолго оставилъ въ моемъ сердцѣ.

Самолюбивая тонкая дѣвушка, чутко слѣдившая, не покажется ли что-нибудь смѣшнымъ и жалкимъ въ ея восточномъ домѣ европейцу, могла быть спокойна: рѣдко мнѣ приходилось въ нашихъ домахъ встрѣчать такое радушіе и благородную внимательность, какъ въ ея бѣдномъ домѣ, гдѣ все такъ красиво, просто, что и самому хочется быть достойнымъ этой простоты. Ни ея отецъ арабъ, ни ея братъ-ремесленникъ ни слова не говорили по-русски, и однако у меня осталось такое впечатлѣніе, что мы узнали другъ друга, и уже совсѣмъ не чужіе, они мнѣ и я имъ.

Даже розы изъ маленькаго садика, за которыми находила время ухаживать вѣчно занятая учительница, улыбнулись мнѣ, какъ знакомыя. И, не увидѣвъ никого изъ хозяевъ, я мысленно поздоровался съ ними.

Весь Назаретъ былъ на виду въ своей зеленой цвѣтущей котловинѣ. Красныя черепичныя кровли европейскихъ зданій возвышались надъ плоскими крышами, какъ шляпы надъ непокрытыми головами. Тутъ кое-гдѣ виднѣлись трубы, но изъ нихъ ни одна не дымила. Только съ минувшей ночи пахло навознымъ дымкомъ костровъ и парнымъ молокомъ; послѣднее, можетъ быть, отъ проходившаго сейчасъ навстрѣчу скота. И эти запахи смѣшивались съ ароматомъ спѣлыхъ хлѣбовъ, травъ и земли, которая начинала сохнуть отъ бездождія и пахнуть пересушенной мякиной.

Какъ только мы очутились за городомъ на горѣ, пришлось ѣхать каменистой тропинкой. Иногда тропинка переходила въ дорогу, но такую плохую, что какъ бы она ни называлась, ѣхать было неважно, и лошади поневолѣ должны были итти шагомъ.

Во время дождей здѣсь пробраться совершенно невозможно, и были случаи, что тутъ погибали не только животныя, но и люди, которые были не въ состояніи выбраться изъ топкой грязи.

Здѣсь провели дорогу для императора Вильгельма.

Шесть тысячъ золотыхъ было дано на оборудованіе дороги изъ Назарета на Ѳаворъ, но мы не видѣли ни одного камня, который указывалъ бы на потраченный ради него золотой, или хотя бы—бишлыкъ.

Да и къ чему было стараться? Императоръ Вильгельмъ, все равно, на Ѳаворъ не поѣхалъ. Императору Вильгельму не интересенъ былъ Ѳаворъ.

Мы, однако, вовсе не претендовали на то, что лошади шли шагомъ, выбирая среди камней наиболѣе удобный путь. Пріятно было, чуть-чуть покачиваясь въ сѣдлѣ, любоваться красивой природой, и на душѣ становилось такъ хорошо, что хотѣлось пѣть.

Арабъ затянулъ первый. У него былъ пріятный молодой теноръ, но и русскіе романсы онъ пѣлъ съ арабскимъ колоритомъ. Я попросилъ его спѣть арабскую пѣсню—онъ запѣлъ не сразу: все отговаривался тѣмъ, что пѣсни у нихъ монотонныя и дикія; боялся, что намъ не понравятся. Не знаю, можетъ быть, гдѣ-нибудь въ концертномъ европейскомъ залѣ и не понравилась бы эта пѣсня, но здѣсь, гдѣ мнѣ пѣлъ ее арабъ, опустившій поводья, въ то время, какъ лошадь его тихо переступала по дикой дорогѣ, мотивъ хваталъ за душу. Вѣрно, пѣсни, какъ цвѣты, наиболѣе сильны на землѣ, которая создала ихъ.

Показался Ѳаворъ. И по мѣрѣ того, какъ дорога то падала, то возвышалась, подымался и опускался онъ. Иногда казалось, что до него рукой подать, но сбѣгала внизъ тропинка, и онъ сразу начиналъ удаляться.

На пути намъ пересѣкъ дорогу потокъ Киссонъ. Вода прозрачная и свѣжая быстро мчалась, шевеля камешки по дну, журча и шепча молитву, какъ пилигримъ, перебирающій четки. Послѣ красивыхъ, но лишенныхъ зелени каменистыхъ холмовъ первой половины пути, за этимъ источникомъ сразу начинается веселое зеленое царство, которое на Ѳаворѣ превращается въ сплошную дубраву. Высокія мальвы, анемоны и тюльпаны и другіе цвѣты сверкаютъ со всѣхъ сторонъ разноцвѣтными головками. Птицы и бабочки, которыхъ не много въ Палестинѣ, здѣсь водятся въ изобиліи и щебечутъ и свищутъ въ восторгѣ.

Ѳаворъ отсюда весь на виду, и, благодаря тому, что онъ стоитъ особнякомъ отъ всѣхъ горъ, кажется очень высокимъ. Съ юго-запада къ нему прижалась небольшая деревушка Деборія, названная такъ по имени пророчицы Деборы, которая тутъ родилась. Отсюда Варракъ, вдохновляемый боевыми пѣснями Деборы, двинулся навстрѣчу Сиссарѣ и разбилъ его войска, хотя у Варрака было всего девять тысячъ войска, а у врага его—однѣхъ колесницъ, вооруженныхъ косами, девятьсотъ. Какая это должно-быть поразительная была картина: могущественная и, конечно, красивая женщина, съ пѣсней идетъ впереди войскъ, и голосъ ея, звучащій изступленной страстью, какъ огненное вино, бросается въ сердца и зажигаетъ палящую жажду подвига и побѣды.

И побѣдный гимнъ ея славитъ побѣдителей и торжество съ потрясающей силой:

«Не стало вождей въ Израилѣ, не стало, пока не возстала я, Дебора, пока не возстала я, мать во Израилѣ.

. . . .

Воспряни, воспряни, Дебора, воспряни, воспряни, воспой пѣснь. Возстань, Варракъ, и веди плѣнниковъ твоихъ, сынъ Аваноамовъ.

. . . .

Съ неба сражались звѣзды, съ путей своихъ сражались съ Сиссарою.

Потокъ Киссонъ увлекъ ихъ, потокъ быстрый, потокъ Киссонъ. Стремись душа моя съ силою!»

Въ перламутровомъ туманѣ видны въ отдаленіи отъ Ѳавора алыя горы Моава и Самаріи. И когда взглянешь на него, одинокаго и величественнаго, чувствуешь, что съ этой горой непремѣнно должно быть связано то или другое преданіе.

Тѣ темныя гривки, которыя со стороны Ездрилонской долины представляются на Ѳаворѣ изюминами въ хлѣбѣ, оказываются островками огромныхъ старыхъ дубовъ. Фисташковыя деревья, жестеры, колючіе и жестколистые, сикоморы и маслины растутъ здѣсь цѣлыми семьями, оживляясь роскошными олеандровыми цвѣтами. А мѣстами, гдѣ склонъ не такъ крутъ, желтѣетъ хлѣбъ. Горлицы воркуютъ, никогда не тревожимыя выстрѣломъ охотника. Голубые дрозды, легкіе, какъ бабочки, съ короткимъ свистомъ перелетаютъ съ вѣтки на вѣтку, а по зорямъ весной поютъ соловьи. Тутъ много всякой дичи; есть и зайцы и тушканчики,—все народъ мирный и кроткій. Меня очень удивило чучело гіены въ музеѣ католическаго монастыря на Ѳаворѣ. Гіена убита здѣсь же. Вотъ никакъ не ожидалъ, что этотъ гнусный звѣрь можетъ встрѣтиться въ такой радостной мѣстности. А еще профессоръ Зографъ, побывавшій тутъ, отрицаетъ существованіе на Ѳаворѣ хищниковъ. Ну, что жъ, утѣшимся тѣмъ, что эта гіена забѣжала сюда случайно, за что и поплатилась жизнью.

Издали Ѳаворъ показался мнѣ очень крутымъ, и я не представлялъ, какъ мы поднимемся на него верхами. Но, когда подъѣхали къ нему, я успокоился: взобраться на верхъ было не такъ ужъ трудно.

У самой подошвы Ѳавора намъ встрѣтились нѣмецкіе паломники. Разстегнувъ сюртуки и жилеты, они бодро шагали въ Назаретъ и, при встрѣчѣ съ нами, стали неудержимо изливать свои восторги. Когда простодушный нѣмецъ восторгается, онъ говоритъ не иначе, какъ восклицательными знаками. Другихъ словъ они не хотѣли знать. А когда словъ не хватило, они подняли руки къ нему и затянули псаломъ.

Но даже говорящій восклицательными знаками нѣмецъ терпимѣе поющаго, и потому мы поспѣшили погнать нашихъ лошадей.

На подъемѣ встрѣтились намъ два католическихъ монаха, которые, спѣшившись съ осликовъ, спускались внизъ. Одинъ изъ нихъ оказался настоятелемъ монастыря. Молодой и красивый, онъ весело поигрывалъ бѣлыми кистями своего монашескаго пояса и обѣщалъ вернуться черезъ нѣсколько часовъ и показать намъ раскопки.

Мы врядъ ли поднимались на Ѳаворъ болѣе получаса. Скоро камень со знакомъ греческаго Святогробскаго братства указалъ намъ, что мы у воротъ православнаго монастыря, и мы въѣхали въ нихъ вслѣдъ за нашимъ передовымъ, который тутъ былъ уже не въ первый разъ.

Греческій Преображенскій монастырь на Ѳаворѣ не великъ. Построенъ онъ такъ же, какъ и множество другихъ христіанскихъ церквей, на мѣстѣ когда-то существовавшаго храма, воздвигнутаго царицей Еленой.

Престолъ храма, какъ утверждалъ чернобородый греческій монахъ, находится какъ разъ на мѣстѣ Преображенія Христа. Пусть это сообщеніе останется на его

совѣсти, но что христіанскій храмъ дѣйствительно тутъ существовалъ, это несомнѣнно. Здѣсь есть древности, хранящіяся отъ тѣхъ далекихъ временъ, общія для всѣхъ мѣстъ, освященныхъ древнимъ христіанствомъ: мозаика, остатки колоннъ и алтарей—старые источенные временемъ камни. Вокругъ монастыря остатки другой эпохи—крестоносцевъ: они ясны въ воротахъ и камняхъ башенъ и стѣнъ. Позже католическій монахъ-настоятель показывалъ намъ раскопки, которыя дѣлаются подъ его руководствомъ. И опять, какъ въ Назаретѣ, при церкви Благовѣщенія, я увидѣлъ интеллигентнаго человѣка, съ любовью и знаніемъ дѣлающаго свое дѣло, въ то время, какъ греческій монахъ по цѣлымъ днямъ лежитъ на диванѣ, пьетъ кофе и куритъ папиросы.

Итальянецъ живо и радостно сообщилъ намъ свои предположенія и догадки. По его мнѣнію, на мѣстѣ раскопокъ, по которымъ онъ водилъ насъ, существовалъ не только храмъ, но и цѣлый дворецъ. Онъ показалъ намъ и свой музей и найденныя имъ древнія монеты, по которымъ можно было прочесть всю исторію Ѳавора, начиная отъ библейскихъ временъ и кончая Наполеономъ. Но, откровенно говоря, глаза мои были болѣе заняты на Ѳаворѣ, чѣмъ слухъ. Я не могъ налюбоваться красотой, со всѣхъ сторонъ бросавшейся въ глаза, и понималъ восторженнаго Петра, который былъ такъ близокъ жизни и землѣ, что, даже видя чудо Преображенія Христа, не могъ удержаться, чтобы не предложить остаться тутъ Ему и Его собесѣдникамъ—Моисею и Иліи.

Гермонъ; Іорданъ синій, какъ небо надъ снѣгами; кусочки Генисаретскаго озера; горы Моава и ровная сверху, какъ зеленая скатерть, Ездрилонская долина, гдѣ верблюды кажутся похожими на жирафовъ; Самарійскія горы; Кармелъ и наконецъ море. Какими маленькими и смѣшными кажутся отсюда человѣческія жи-

лища! Еврейская колонія Месха въ долинѣ на Востокѣ, со своими правильно чередующимися красными крышами, просто представляется шахматной дощечкой.

Да, да...

Какъ прежде,—солнце смотритъ съ высоты. Цвѣтетъ Ѳаворъ, подобье Божья хлѣба.

Христосъ Воскресъ — умолкнулъ голосъ съ неба.

Тиверіада.

Я отвлекся лишь на минуту, и Назаретъ, съ котораго я передъ этимъ не сводилъ глазъ, внезапно исчезъ за холмомъ.

Это ничтожное обстоятельство почти огорчило меня. Какъ при разлукѣ съ дорогимъ лицомъ почему-то кажется, что именно въ послѣдній моментъ его исчезновенія глубоко въ сердцѣ запечатлѣвается самое важное, и тутъ было нѣчто подобное.

Я, пожалуй, способенъ былъ бы остановить лошадей и вернуться назадъ. Но, во-первыхъ, это не то, во-вторыхъ, было неловко передъ спутниками, и наконецъ— экипажъ уже спускался подъ гору, и останавливать его было неудобно.

Эта маленькая досада однако скоро сгладилась при видѣ великолѣпной картины, открывавшейся съ этой дороги. Недаромъ жители Назарета такъ любятъ ходить сюда по вечерамъ. Я встрѣчалъ здѣсь арабскихъ женщинъ, прогуливавшихся съ мужьями,—зрѣлище, которое не такъ-то часто въ Палестинѣ. Да и въ Назаретѣ оно было немыслимо какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ, хотя большинство женщинъ ходитъ здѣсь съ открытыми лицами,—конечно, христіанки. Бѣлая дорога размоталась далеко внизъ. Мѣстами она исчезаетъ за поворотами зигзагомъ. Слѣва, надъ самою горою, дорога впивается въ деревушку Рени и дальше, какъ рѣка, течетъ прямо къ Канѣ Галилейской. За обширной зеленой равниной, покрытой садами всюду, гдѣ виднѣется жилье, я опять вижу на Востокѣ Гермонъ и на этотъ

разъ почему-то при видѣ его бѣлой величавой головы, возвышающейся надъ всей цѣпью Антиливана, вспоминаю короля Лира.

Толпа арабскихъ дѣтишекъ поднимается къ Назарету по крутой тропинкѣ изъ Рени, а можетъ быть, изъ другой, сосѣдней съ Рени, деревушки Мешедъ, которую арабы считаютъ родиной Іоны. Даже могилу его указываютъ они въ своей мечети. Что́ жъ, можетъ быть. Вѣдь родина Іоны—Земля Завулонская, и блаженный Іеронимъ указываетъ на Мешедъ, какъ на мѣсто, гдѣ была древняя Гавасфера, откуда Іона былъ родомъ.

Около Рени мы проѣхали мимо древняго источника, гдѣ, по обыкновенію, была толпа арабскихъ женщинъ. Онѣ помогали одна другой ставить на голову тяжелые кувшины, полные водой, и шли въ свое селеніе медленной, ровной поступью. Можетъ быть, среди нихъ была и та дѣвушка Бадера, которая помѣшалась въ Бетъ-Джалѣ на томъ, что она—Жанна д'Аркъ и призвана спасти свой народъ. Вѣдь по выздоровленіи эта дѣвушка, не окончивъ ученья, вернулась въ свою бѣдную деревенскую семью, можетъ быть, вышла даже замужъ, и теперь жизнь ея безконечно тяжелѣе, чѣмъ была бы, если бы она не знала, что на свѣтѣ существуютъ женщины-героини, спасительницы угнетеннаго народа.

Не болѣе, чѣмъ черезъ полчаса отъ Рени—Кана Галилейская, гдѣ Христосъ по евангелическому преданію обратилъ воду въ вино. Въ бѣдной церкви паломникамъ показываютъ даже эти каменные сосуды, куда требуется отъ нихъ бросать парички. Насъ однако не рѣшились морочить этой басней, хотя сосуды дѣйствительно древніе. Только сторожъ-арабъ, сухой и черный, какъ мумія, поспѣшилъ достать откуда-то пузырекъ съ мутной, приторно пахнувшей жидкостью и побрызгалъ намъ на руки.

Кана Галилейская—небольшая арабская деревушка; однако въ ней есть школа, гдѣ учитъ также дѣвушка, окончившая бетъ-джальскую семинарію. Постукивая де-

ревянными башмачками по каменнымъ церковнымъ плитамъ, она проводила насъ по церкви и, видимо, была счастлива, что увидѣла вмѣстѣ съ нами и своихъ подругъ— Муаллиме Бахіе и Муаллиме Кельтумъ, ѣхавшихъ въ Тиверіаду въ одномъ экипажѣ съ нами.

Кромѣ этой церкви, въ Канѣ нечего было больше осматривать: она рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ арабскихъ деревушекъ. Но пребываніе здѣсь Христа съ Матерью на брачномъ торжествѣ сообщаетъ ея садамъ и виноградникамъ особую прелесть. Мы сѣли въ экипажъ внѣ деревни, между двумя рядами кактусовъ, совершенно закрывавшихъ отъ насъ арабскія хижины.

На широкихъ лапахъ кактусовъ, точно зеленые пальцы, появились большіе отростки, и изъ нихъ распускались красивые желтые цвѣты. Огромныя зеленыя ладони съ цвѣтами вмѣсто пальцевъ оживляли еще болѣе эти и безъ того чудныя растенія, колючія, неприхотливыя, уродливыя и вмѣстѣ съ тѣмъ забавно-увлекательныя.

Не успѣли наши лошади сдѣлать и нѣсколько шаговъ по дорогѣ, какъ извозчикъ вскрикнулъ:

— Хайе!

И, соскочивъ съ козелъ, бросился впередъ съ кнутомъ.

Черезъ дорогу ползла огромная змѣя. Почуявъ опасность, она остановилась и стала скручиваться кольцомъ, готовясь броситься на врага. Онъ съ размаха ударилъ ее кнутомъ, и змѣя сама вытянулась, какъ кнутъ, и быстро поползла прочь. Но онъ сталъ хлестать ее, приговаривая какія-то слова, можетъ быть, заклятье отъ ея укуса. Тогда змѣя стала прыгать, какъ раскручивающаяся стальная пружина. Но вотъ одинъ изъ ударовъ пришелся ей, вѣроятно, по головѣ. Она, ошеломленная, вытянулась. Тогда онъ схватилъ камень и разбилъ ей голову.

Мы выѣхали въ поля дорогой, по которой несомнѣнно ходилъ Христосъ со Своими учениками. Пшеница сухо шелестѣла колосьями, и казалось, что сухой звонъ, наполнявшій воздухъ, шелъ не отъ кузнечиковъ, а изъ глубины этого созрѣвшаго золотистаго хлѣба.

Нѣсколько человѣкъ арабовъ, въ старыхъ первобытныхъ абаяхъ, шли межъ хлѣбовъ, срывали хлѣбные колосья, перетирали ихъ руками и ѣли. И можетъ-быть, это было какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ то же самое дѣлали проголодавшіеся ученики Христовы.

Отсюда справа видны вершины Ѳавора и вокругъ—плохо обработанныя, печальныя поля. И печаль этихъ полей глухой тяжестью ложится на душу, особенно когда вспомнишь, сколько пролилось здѣсь крови. Уже между Рени и Каной Галилейской кровь настолько пропитала землю, что кажется грѣхомъ попирать эту землю ногами. Здѣсь отрядъ ордена тампліеровъ, подъ предводительствомъ рыцаря Іакова Малье, пробиравшійся изъ Назарета въ Тиверіаду, наткнулся на громадное войско Саладина. Но и окруженные, христіане не хотѣли отдаться въ плѣнъ врагамъ; мучимые жаждой до такой степени, что, по свидѣтельству историка, пили свою собственную кровь, они защищались отъ враговъ.

А дальше, часа черезъ 2—3 отсюда, подъ Хиттынской горой, была роковая битва крестоносцевъ съ Саладиномъ, которая рѣшила участь Палестины. Объединенные ненавистью къ христіанамъ, которые, какъ завоеватели, стали притѣснять мусульманъ, несмотря на мирные договоры, мусульмане возстали подъ предводительствомъ Саладина арміей, раза въ четыре превосходящей христіанъ. Благодаря самоувѣренности послѣднихъ, Саладинъ успѣлъ занять узкій проходъ между Хиттынской горой и Тиверіадскимъ озеромъ, въ то время, какъ крестоносцы волей-неволей очутились между этой горой и Ѳаворомъ, гдѣ не было совсѣмъ

воды, гдѣ росли только колючіе кустарники и дикія, высохшія отъ зноя, травы. Вѣтеръ былъ навстрѣчу крестоносцамъ. Мусульмане зажгли траву, и пламя понеслось на христіанъ, изнемогавшихъ отъ жажды. И въ огнѣ пожара запылалъ бой, и чѣмъ больше этотъ бой разгорался, тѣмъ больше горящая трава и кустарники тушились лившейся съ обѣихъ сторонъ кровью.

Человѣкъ полтораста отважнѣйшихъ крестоносцевъ, вмѣстѣ съ епископомъ Акрскимъ, хранителемъ Древа Господня, вдѣланнаго въ крестъ, пробились на Хиттынскую гору съ королемъ Іерусалимскимъ во главѣ. Епископъ Акрскій водрузилъ на ней крестъ и палъ, смертельно раненый. Три раза они опрокидывали съ вершины горы нападенія мусульманъ, которые приливали на нихъ, какъ волны, будучи оживлены самимъ Саладиномъ. Но что̀ могли сдѣлать сто пятьдесятъ героевъ противъ арміи разъяренныхъ варваровъ! Спасительный крестъ былъ отбитъ невѣрными. Но и тутъ знамя Лузиньяново, которое развѣвалось еще на высотахъ Хиттына, приводило Саладина въ смущеніе.

— Они бѣгутъ,—взывалъ три раза къ своему отцу Саладину сынъ его, смотря на послѣднія усилія христіанъ. Но три раза опрокидывали они мусульманъ.

— Молчи,—говорилъ ему смятенный Саладинъ.— Они до той поры не будутъ совершенно побѣждены, пока не падетъ знамя царское.

Эта кровавая гора-могила за 1200 лѣтъ передъ этимъ мрачнымъ событіемъ послужила Христу мѣстомъ Его Нагорной проповѣди.

Хиттынская гора—Гора Блаженствъ. Какъ далеки были кроткія слова, прозвучавшія на ней, отъ бранныхъ криковъ, проклятій и стоновъ умирающихъ за вѣру Христа.

И не страшно ли на этомъ мѣстѣ представить крестъ съ частицею того Креста, на которомъ Іисусъ былъ распятъ?

И опять это дерево облилось кровью. На этотъ разъ кровью его послѣдователей. Христосъ сказалъ:

— Взявшіе мечъ отъ меча и погибнутъ.

А послѣдователи его только и дѣлали, что съ именемъ Христа хватались за мечъ. Право, иногда исторія, творимая людьми, кажется безумнымъ бредомъ.

Гора Блаженствъ похожа на большой алтарь первобытнаго храма.

Вотъ Христосъ стоялъ на ней на закатѣ солнца, весь озаренный мягкимъ розовато-золотистымъ свѣтомъ, а вокругъ Него, возлѣ ногъ Его и по склону горы толпились бѣдные простые люди.

И какою невыразимою отрадою должны были звучать имъ эти свѣтящіяся новымъ свѣтомъ слова:

— Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся.

— Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю.

— Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся.

Новый міръ раскрывался передъ плачущими, нищими духомъ, алчущими и жаждущими въ этихъ вновь родившихся словахъ. Какъ должны были плакать отъ восторга и благодарности слушавшіе Его проповѣдь люди!

И, вернувшись домой въ свои нищенскія стѣны, они, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни не прокляли судьбу и не позавидовали богатымъ, властвующимъ и торжествующимъ.

Но многіе навѣрное остались съ Нимъ и послѣ заката солнца. Тутъ же на горѣ, когда погасло солнце и засвѣтились звѣзды, они развели костеръ и долго бесѣдовали съ Христомъ, и Его тихій голосъ казался имъ въ самомъ дѣлѣ источникомъ, изъ котораго они утоляли жажду.

Тутъ же на огнѣ испекли рыбу и лепешки изъ запасенной муки, какъ это дѣлается и до сихъ поръ, и

затѣмъ уснули подъ звѣздами у погасающаго костра, завернувшись въ свои бѣдныя, запыленныя одежды.

Уснулъ и Онъ, самый бѣдный изъ всѣхъ, Сынъ человѣческій, Которому некуда было преклонить Свою голову.

Отсюда Тиверіадское озеро блестѣло яркою синевою, Табарія или, какъ раньше назывался городъ—Тиверіада бѣлѣла вдали сгрудившимися зданіями, надъ которыми сухо и безжизненно поднималось нѣсколько старыхъ пальмъ.

И по другой сторонѣ озера вдали пустынно и воздушно тянулись горы.

Всего два паруса поднимались на озерѣ, два рыбачьихъ паруса. А во времена римлянъ здѣсь плавали сотни великолѣпныхъ парусныхъ судовъ. На озерѣ даже была жестокая битва при Веспасіанѣ между римскимъ и іудейскимъ флотами, и въ этой битвѣ погибло болѣе шести тысячъ человѣкъ.

Я ожидалъ увидѣть вокругъ Тиверіадскаго озера много зелени, цѣлыя рощи, полныя цвѣтовъ. Все было пусто и дико. Печаль и тишина жили на этихъ берегахъ, гдѣ не осталось даже камней отъ большинства цвѣтущихъ городовъ.

Лошади наши быстро мчались внизъ. Только на одномъ изъ поворотовъ онѣ должны были умѣрить свою прыть, потому что навстрѣчу поднимался экипажъ.

Поравнявшись съ нами, сидѣвшій въ немъ съ восточной женщиной арабъ быстро обратился къ моимъ спутницамъ съ вопросомъ. Едва тѣ успѣли отвѣтить, какъ женщина въ экипажѣ вскрикнула и залилась слезами. Оказывается, спутникъ ея спросилъ, правда ли печальное извѣстіе о смерти въ Назаретѣ сегодня такого-то.

Тѣ отвѣтили:—правда.—Женщина была дочь умершаго.

Послѣ этого наши лошади еще быстрѣе понеслись внизъ, между тѣмъ какъ тотъ экипажъ сталъ

медленно подниматься въ гору, какъ будто лошадямъ тяжело было везти человѣческое горе и слезы.

Скоро Тиверіада совсѣмъ была передъ нами. Изъ-за крѣпостныхъ, кое-гдѣ обвалившихся и почернѣлыхъ, стѣнъ, оставшихся частью отъ крестоносцевъ, частью отъ позднѣйшихъ завоевателей-арабовъ, кое-гдѣ выглядывали минаретъ мечети, деревья, кровля богатаго дома.

Объѣхавъ весь городъ, мы, остановились у большого хана, гдѣ, вѣрно, раньше были городскія ворота. Тутъ толклось по обыкновенію довольно много народа, а также овецъ и козъ. Блеяніе овецъ переплеталось съ человѣческими голосами и съ музыкой, звучавшей изъ кофейни. Въ большинствѣ лица, какъ это сразу бросилось въ глаза, были еврейскія, молодыя и старыя, но всѣ съ пейсами.

Въ Тиверіадѣ изъ восьми тысячъ жителей большинство—евреи. Они очень чтутъ этотъ городъ. По Талмуду, отсюда долженъ явиться Мессія, и такимъ образомъ среди жителей Іерусалима, Хеврона и Сафета Табарія занимаетъ не послѣднее мѣсто. Здѣсь возникла чтимая наравнѣ съ Талмудомъ еврейская книга—преданіе (Массора), въ которой сосчитаны всѣ буквы Священнаго Писанія, дабы не могло быть никакихъ искаженій въ немъ. Тутъ жили знаменитѣйшіе еврейскіе мудрецы—Іегуда-Гакадошъ, Гиллель и многіе другіе.

Въ узенькихъ кривыхъ восточныхъ уличкахъ, гдѣ зданія не вполнѣ сохранили восточный типъ, гдѣ не только двери открыты, но и окна, выходящія на улицу, также отворены настежь,—были видны каморки, набитыя евреями, шумѣвшими нисколько не меньше, чѣмъ всюду, гдѣ они сходятся вмѣстѣ.

Мы прошли мимо нихъ, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ, вплоть до самаго русскаго подворья. Пролѣзли въ него черезъ какую-то щель и очутились надъ самымъ озеромъ, въ тѣснотѣ дворика, застроен-

наго какими-то подобіями курятниковъ — помѣщеніями для паломниковъ.

Но эти деревянные курятники предназначались лишь для избранныхъ паломниковъ, а для простонародья устроены были нары внизу, куда вела узкая лѣстничка. Тамъ было что-то въ родѣ низкаго большого темнаго сарая. Нѣсколько шаговъ оттуда—и прямо передъ входомъ озеро, которое въ бурную погоду плещетъ не только сюда, но и наверхъ.

Глядя на эту синюю прозрачную гладь, нельзя было представить, чтобы въ бурю, когда начинаетъ сильно дуть южный вѣтеръ, отъ котораго озеро не защищено, на немъ могли подниматься такія огромныя волны. И само озеро-то всего верстъ двадцать въ длину и верстъ шесть—семь въ ширину, а волны на немъ поднимаются, какъ въ морѣ, и разбиваются и топятъ неосторожныя суда.

Тутъ завѣдующій подворьемъ, гостепріимный и добрый о. Іоаннъ, всѣми силами пытается воздвигнуть церковь—украдкой отъ турецкаго начальства. Дѣло въ томъ, что, разъ въ Палестинѣ построенъ храмъ на землѣ, которая всюду считается принадлежащей государству, его уже не смѣютъ тронуть турки: земля какъ бы отчуждается отъ нихъ, вѣрнѣе—арендуется на неопредѣленное время. Понятно, какія стѣсненія турки при этомъ чинятъ пришельцамъ. Но бакшишъ и при конституціи дѣлаетъ свое дѣло. Церковь рано или поздно будетъ построена.

Рядомъ есть греческая церковь, но настоятель ея находится въ непреклонной враждѣ съ православными русскими, и недавно разыгрался цѣлый скандалъ изъ-за того, что онъ заперъ ворота своего монастыря передъ русскими паломниками, для которыхъ въ нашемъ маленькомъ и тѣсномъ подворьѣ не хватило мѣста.

Съ площадки русскаго подворья, повисшей надъ Генисаретскимъ озеромъ, обширная кровля греческаго хра-

ма, вся на виду. Самъ настоятель ея побѣдоносно расхаживаетъ тамъ, а съ нимъ вмѣстѣ—русская баба Лукерья, которая служитъ не только монаху, но вмѣстѣ съ тѣмъ и греческой церкви чѣмъ-то въ родѣ дьякона. Это она подаетъ ему и въ алтарь возгласы тонкимъ бабьимъ голосомъ, приводя въ ужасъ вѣрующихъ, никогда не видѣвшихъ ничего подобнаго ни въ одномъ христіанскомъ храмѣ. Арабы возненавидѣли этого священника за то, что онъ, самъ арабъ, предался греческому духовенству.

— Вонъ тамъ былъ Капернаумъ, тамъ Виѳсаида, тамъ Магдала, тамъ...

Но все это только было. Въ послѣднемъ сіяніи заката всѣ эти мѣста смотрѣли пустынно и мертво. Что-то, называемое временемъ, неосязательное, невидимое, но хищное, проглотило ихъ и ищетъ новыхъ жертвъ.

Генисаретское озеро такое спокойное и глубокое. И мнѣ представлялось, что время, скрывшееся на днѣ его, тамъ выбросило изъ своей пасти все, проглоченное имъ, и оно таится на глубинѣ въ неподвижной окаменѣлости.

Вечеромъ мы прошли къ горячимъ источникамъ.

Дорога—по берегу озера, и на ней, благодаря пятницѣ, усиленное движеніе. Въ ханѣ даже хрипитъ и гнуситъ граммофонъ и толпятся пестро одѣтые люди.

Мы поспѣшили уйти отъ этого праздника.

Было славно итти по берегу Генисаретскаго озера, гдѣ такъ часто ходилъ Христосъ со Своими учениками. Это—лучшее время здѣсь. Зимой—плохо: сыро и лихорадочно, и дуютъ пронзительные вѣтры, разносящіе съ сырой Генисаретской долины лихорадку, которая въ Евангеліи называется горячкой.

На этихъ берегахъ Христосъ излѣчилъ отъ маляріи тещу Симона-Петра, изгналъ бѣсовъ, накормилъ пять тысячъ народа пятью хлѣбами, исцѣлилъ капернаумскаго разслабленнаго и сотворилъ еще не мало чудесъ.

Но самое великое—это Его хожденіе по водамъ, на которыхъ, по преданію, хранятся еще слѣды Христовы.

Одинъ монашекъ разсказывалъ мнѣ, что однажды буря оторвала лодку, въ которой, не знаю ужъ, какимъ случаемъ, находился ребенокъ. Лодка забилась на волнахъ, гонимая вѣтромъ, вотъ-вотъ готовая опрокинуться. Но вдругъ она остановилась недвижно, какъ влитая. Волны прыгали и метались вокругъ нея, а она стояла, какъ люлька, и ребенокъ спокойно продолжалъ спать въ ней.

Огни засвѣтились на берегу верстахъ въ двухъ отъ Табаріи. Это были бани у горячихъ источниковъ. Одинъ изъ такихъ источниковъ билъ тутъ же, снаружи. Я опустилъ въ него руку: вода была довольно горяча, и отъ нея шелъ неособенно пріятный запахъ. Эти источники древніе, сѣрно-желѣзистые и давно славятся цѣлительною силою. Арабы пріѣзжаютъ сюда лѣчиться рѣшительно отъ всякихъ болѣзней. Направо отъ озера, нѣсколько подальше, на холмѣ у подъема крутой горы, сіяло множествомъ оконъ громадное зданіе. Это была еврейская синагога. Тамъ шла служба; оттуда доносились шумъ и голоса, мало похожіе на человѣческіе. Скорѣе казалось, что тамъ шумятъ и хлопаютъ крыльями большія, перепуганныя на смерть, птицы. Вотъ-вотъ разобьютъ стекла и вырвутся оттуда, громадныя и бѣлыя, и разлетятся во всѣ стороны.

Когда мы возвращались домой, дорога опустѣла. Изрѣдка попадались темныя фигуры, которыя исчезали такъ же внезапно, какъ и появлялись въ горахъ, темнѣвшихъ слѣва.

Но было почти свѣтло отъ полной луны и на озерѣ и на дорогѣ; такъ свѣтло, что можно было различить обломки колоннъ, валявшихся на пути.

Въ ханѣ было еще большое оживленіе. Тамъ звенѣла музыка и слышались смѣхъ и поющіе голоса. Это ужъ былъ почти настоящій кафе-шантанъ.

О. Іоаннъ, узнавъ о нашемъ путешествіи, всплеснулъ руками:

— И васъ не ограбили?

— Какъ видите, нѣтъ. А развѣ случается?

— Да еще какъ.

И онъ разсказалъ нѣсколько послѣднихъ случаевъ ограбленія. Оказывается, разбойники живутъ въ пещерахъ возлѣ дороги, среди скалъ и холмовъ подъ горою, и мѣстная полиція ничего не можетъ съ ними сдѣлать.

Генисаретское озеро, кафе-шантанъ и разбойники!

Рано утромъ на простой рыбачьей лодкѣ съ четырьмя гребцами мы отправились къ развалинамъ Капернаума.

На озерѣ была такая тишина, что, казалось, и на днѣ озера не можетъ быть тише. Но съ сѣвера дулъ легкій вѣтерокъ и умѣрялъ зной, который безъ того былъ бы невыносимъ.

Поставили парусъ, но онъ надувался слабо, и гребцы взялись въ помощь ему за весла. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на этотъ латинскій парусъ и на лодку, подъ палубой которой у кормы было устроено что-то въ родѣ каюты. Апостольскія лодки были совершенно такого же вида, и Христосъ, обыкновенно переправлявшійся по озеру ночью, въ ненастье спалъ въ такой каюткѣ, когда волны были слишкомъ велики и переливались черезъ бортъ.

Всплески рыбы и кружки одни очерчивали ровную поверхность озера, въ которомъ рыбы очень много. Способы ловли тѣ же самые, что были и у апостоловъ. Рыба въ озерѣ самая разнообразная. До сорока породъ, при чемъ есть такія породы рыбъ, какихъ не встрѣчается больше

нигдѣ, а иныя породы, какъ утверждаетъ Тристрамъ, попадаются лишь въ озерахъ Средней Африки.

Около трехъ часовъ ѣхали мы въ лодкѣ до Капернаума, и наконецъ, причалили у берега, гдѣ по рельсамъ катили рабочіе-арабы тачки, наполненныя землей и всякимъ мусоромъ.

Высокій монахъ-францисканецъ вышелъ намъ навстрѣчу и повелъ показывать развалины древней синагоги, среди которыхъ онъ работалъ, упорно очищая мѣсто для храма, который долженъ былъ явиться точнымъ воспроизведеніемъ древняго еврейскаго. Много колоннъ и капителей уцѣлѣло отъ этого храма, который щадили всѣ завоеватели, и лишь не пощадило землетрясеніе. Рухнули колонны, громадные камни архитравовъ грохнулись на землю, и теперь все это лежитъ въ травѣ, среди пламенѣющихъ на солнцѣ цикламенъ и олеандровъ, и ящерки и хамелеоны вьются по гладкимъ камнямъ.

Одинъ изъ хамелеоновъ скользнулъ съ одного камня на другой. Огромная, отлично сохранившаяся раковина вырѣзана на этомъ камнѣ. Эта раковина красовалась подъ аркой и была обращена къ озеру.

Монахъ объяснилъ намъ всю архитектуру синагоги, и я опять увидѣлъ передъ собой культурнаго человѣка.

— Вотъ все, что осталось отъ Капернаума,—сказалъ онъ, провожая насъ къ лодкѣ.—Еще меньше отъ другихъ городовъ: отъ евангельскихъ Виѳсаиды — родины Петра, Іакова и Іоанна, и Магдалы — родины Маріи Магдалины. Вотъ, смотрите,—указалъ онъ печальнымъ жестомъ на нѣсколько камней къ Востоку.

Да, грустно.

Само собой напрашивался вопросъ: возможно ли подобное исчезновеніе нашихъ городовъ? Землетрясеніе превратило въ кучу мусора Мессину. Но ужъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она выросла на томъ же мѣстѣ.

Война, конечно, теперь еще менѣе властна въ подобныхъ случаяхъ, чѣмъ стихійныя бѣдствія. Разрушаемые войсками города возникаютъ немедленно по водвореніи мира. Есть тысячи причинъ, не допускающихъ окончательной гибели городовъ, и главная изъ нихъ— культура.

Уходя, я увидѣлъ около одной изъ красивыхъ древнихъ капителей муравьиную кучу. Маленькія насѣкомыя безпокойно сновали вокругъ своего города, который нечаянно задѣла чья-то тяжелая нога. Пройдетъ день, ночь и, можетъ быть, еще день, и ихъ сложное сооруженіе будетъ завершено и снова станетъ процвѣтать, если люди не зададутся цѣлью извести его самыми жестокими средствами.

Начиная отъ Капернаума, къ Виѳсаидѣ вдоль берега тянется, точно розовый бордюръ, цѣлая полоса олеандровъ, и ихъ миндальный запахъ въ горячемъ воздухѣ стоитъ такъ ощутительно, что, кажется, при дыханіи онъ попадаетъ въ кровь. Большіе букеты этихъ цвѣтовъ наклонились кое-гдѣ надъ водою и отражаются въ ней ярко-алыми пятнами.

Мы идемъ къ Русскому саду, и долго цвѣты олеандра стоятъ въ глазахъ, вытѣсняя даже красоту руинъ изъ памяти. И тогда такъ же цвѣли здѣсь олеандры, и человѣческій муравейникъ шумѣлъ и суетился оживленно и энергично. Имъ не страшны ни войны, ни землетрясенія: они оставляютъ корни и зерна свои, изъ которыхъ взойдутъ новые побѣги и расцвѣтутъ новые цвѣты.

Русскій садъ—прекрасный уголокъ съ густой тропической растительностью, съ великолѣпнымъ теплымъ, необыкновенно прозрачнымъ цѣлительнымъ источникомъ такого же состава, какъ и тотъ, у котораго были мы вчера.

Здѣсь намъ приготовили чай и испекли только-что пойманную въ озерѣ рыбу, пекли ее на камняхъ, какъ

дѣлали апостолы для себя и для Своего Учителя. Рыба была удивительно вкусная, и я ѣлъ ее съ наслажденіемъ. Но необходимо было спѣшить, чтобы черезъ какихъ-нибудь два часа попасть на поѣздъ, и я съ большимъ сожалѣніемъ разстался съ этимъ удивительно пріятнымъ мѣстомъ, гдѣ банановыя пальмы, цвѣтущіе олеандры, смоковницы и сикоморы переплетаются вѣтвями надъ водой, а крошечные колибри перелетаютъ съ вѣтки на вѣтку, какъ цвѣты, которыми перебрасывается вѣтеръ.

Маленькій катеръ помчалъ насъ по Генисаретскому озеру. Два бѣлыхъ платка долго взвивались въ воздухѣ съ крыши русскаго дома, точно двѣ бѣлыхъ птицы бились въ чьихъ-то рукахъ и хотѣли улетѣть.

Наконецъ платки перестали быть замѣтны, и самая Тиверіада стала сливаться въ одно бѣлое пятно.

Миновали и горячіе источники и синагогу. Пошелъ пустынный берегъ, на которомъ плѣнительно цвѣли олеандры, а дальше стояли горы, уже обожженныя солнцемъ, и пожелтѣлая трава ихъ отливала желтизной старости.

Менѣе, чѣмъ черезъ часъ, катеръ остановился около унылаго берега. Насъ на плечахъ перетащили съ катера на сушу. Арабы подхватили наши вещи и понесли ихъ куда-то наверхъ.

Мы покорно пошли за ними и минутъ черезъ пять были у станціи Семаръ Хеджасской желѣзной дороги.

Такъ какъ ѣхать было недалеко, рѣшили взять билеты до Кайфы III класса. Напрасно заявляли кассиру объ этомъ желаніи, онъ съ упорнымъ непониманіемъ таращилъ глаза.

Переспрашивалъ по-французски, когда его спрашивали по-французски.

— Troisième classe?

— Oui.

Онъ не хотѣлъ вѣрить себѣ и намъ, думая, что мы не понимаемъ по-французски.

Задавалъ тотъ же вопросъ по-нѣмецки, по-англійски.

И только, когда выведенный изъ терпѣнія спутникъ мой крикнулъ ему на настоящемъ арабскомъ языкѣ, что намъ нужны билеты III класса, онъ немедленно выдалъ билеты.

Они были I класса.

Однако мы поѣхали въ третьемъ, тѣмъ болѣе, что ѣхать было свободно и не пыльно, какъ въ I классѣ, съ мягкими диванами.

Черезъ полчаса пути мы были у Іордана и нѣсколько разъ пересѣкали его, ибо онъ по выходѣ изъ Генисаретскаго озера очень извилистъ. Мѣстами походилъ онъ на водопадъ, а то тянулся медленно среди зеленыхъ зарослей сплошного цвѣта олеандровъ. Было время уборки хлѣба, и весело было смотрѣть на поля, гдѣ шла работа и двигались лошади и люди. Горы сіяли въ знойной мглѣ. Высоко въ воздухѣ рѣяли хищники, а у воды важно расхаживали аисты.

Наконецъ Іорданъ скрылся. Другія горы смѣнили Антиливанъ и Моавъ. Мрачная гора Саула, гдѣ закололся мечомъ преслѣдуемый врагами царь, кончину котораго Давидъ оплакалъ трогательными стихами:

«Горы Гелвуйскія! Да не будетъ на васъ ни росы, ни дождя, ни полей плодоносныхъ, ибо тамъ опозоренъ щитъ доблестныхъ, щитъ Саула, какъ бы онъ ни былъ помазанъ елеемъ».

Дочери израильскія, плачьте о Саулѣ, который одѣвалъ васъ въ багряницу съ драгоцѣнностями, возлагалъ золотыя украшенія на ваши наряды.

И снова—Ездрилонская долина, которую мы пересѣкли раньше, но перпендикулярно прежнему пути нашему изъ Іерусалима въ Назаретъ.

Еще разъ вдали увидѣлъ я Назаретъ, но съ другой стороны, въ котловинѣ, какъ птичьи гнѣзда, а черезъ минуту онъ исчезъ.

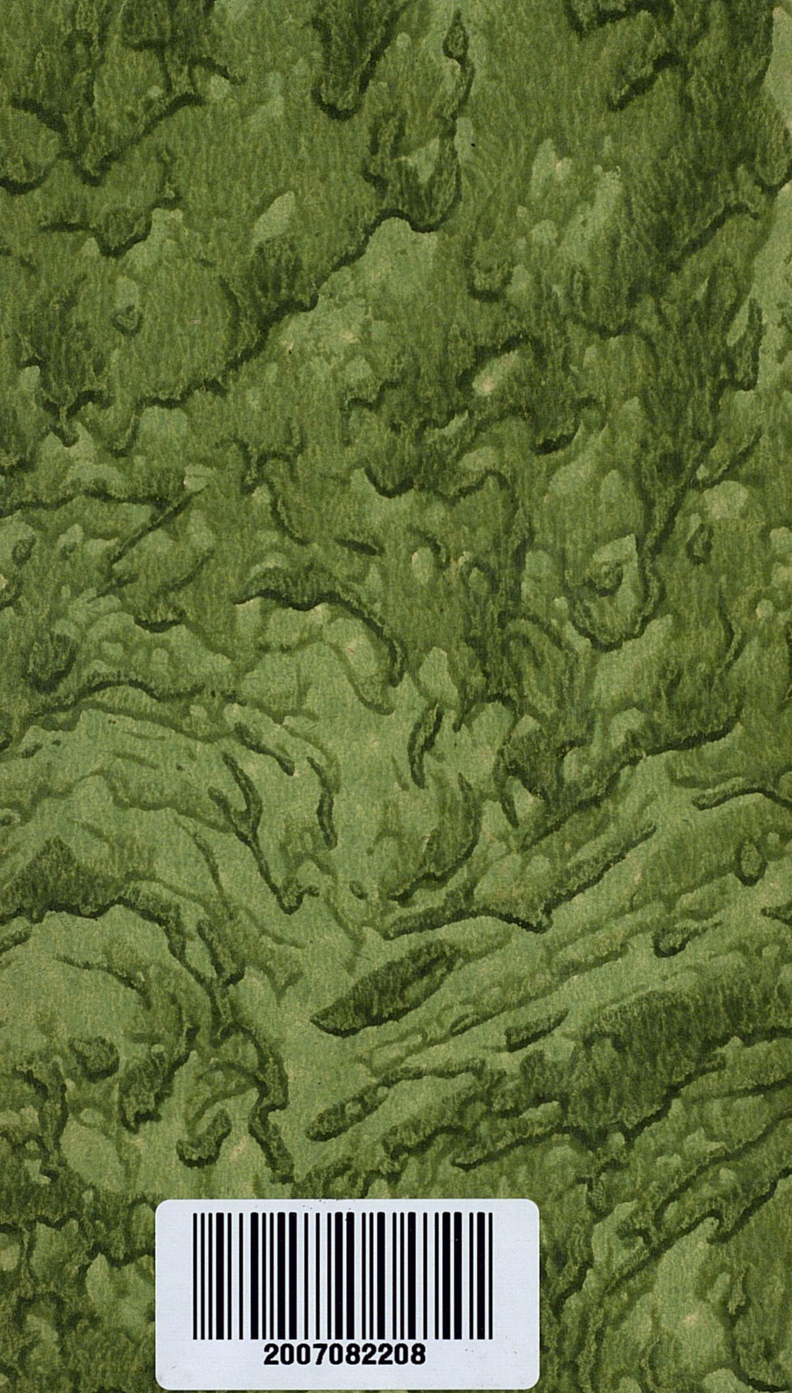
Потокъ Киссонъ, Кармилъ. Пальмовый лѣсъ. Мы въ Кайфѣ.

Широко-шумный гулъ идетъ навстрѣчу. Море. Оно поетъ благословеніе этой землѣ—колыбели великихъ чудесъ, родинѣ величайшаго чуда жизни, имя котораго—Христосъ.



Цѣна 2 р. 50 к.




2007082208